

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ФИЛИАЛА

РАНХиГС

Серия: политология и социология

УЧРЕДИТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

№4 2015

Журнал основан в 2009 г.

Периодичность серии 4 номера в год

Редакционный совет:

И. О. Тюменцев, д-р ист. наук, профессор
(председатель Редакционного совета);
Е. М. Бабосов, академик Национальной Академии Наук
Республики Беларусь;
В. А. Лоскутов, д-р филос. наук, профессор;
А. В. Понделков, д-р полит. наук, профессор;
С. П. Поцелуев, д-р полит. наук, доцент;
Ф. М. Эфендиев, д-р филос. наук, профессор;
М. Я. Яхьяев, д-р филос. наук, профессор

Главный редактор:

А. И. Бардаков, д-р полит. наук, доцент

Заместитель главного редактора:

Д. Р. Яворский, д-р филос. наук, доцент

Ответственный научный секретарь:

А. Л. Кузеванова, д-р социол. наук, доцент

Редакционная коллегия:

С. С. Восканян, д-р полит. наук, доцент;
Е. В. Гуляева, канд. филол. наук, доцент;
Р. А. Данакари, д-р филос. наук, доцент;
О. А. Долгополова, канд. психол. наук, доцент;
Ю. А. Дроздова, канд. социол. наук, доцент;
Д. М. Зиновьева, канд. психол. наук;
В. А. Колесников, д-р полит. наук, доцент;
А. Л. Клейтман, канд. ист. наук;
А. М. Медведев, канд. психол. наук, доцент;
Е. Р. Мкртчян, канд. социол. наук, доцент;
И. Л. Морозов, д-р полит. наук, доцент;
Е. Г. Олейникова, д-р ист. наук, профессор;
О. В. Рвачева, канд. ист. наук, доцент;
Н. С. Субочев, д-р социол. наук, доцент;
А. В. Одинцов, канд. социол. наук (секретарь)
Е. В. Перерва, канд. ист. наук (секретарь)

Адрес редакции: Волгоградский филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС

400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8.
vestnik_1@vags.ru

Издательство Волгоградского филиала
ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

THE CONTENT

ПОЛИТОЛОГИЯ

POLITOLOGIAY

<i>Бардаков А. И., Фомин А. Н.</i> Виды организации жизни людей современного общества.....	4	<i>Bardakov A. I., Fomin A. N.</i> Types of organization of people’s lives in the modern society.....	4
<i>Колесников В. А.</i> Принцип народовластия в современной России: политико-правовой аспект исследования.....	11	<i>Kolesnikov V. A.</i> The principle of democracy in modern Russia: political and legal aspects.....	11
<i>Восканян С. С.</i> Является ли политик менеджером?.....	17	<i>Voskanyan S. S.</i> Is politician a manager?.....	17
<i>Головина К. В.</i> Нормативно-правовой статус аппарата регионального парламента (на примере Волгоградской областной Думы).....	22	<i>Golovina K. V.</i> Legal status of the apparatus of the regional parliament (the Volgograd regional Duma case study).....	22
<i>Иманов Д. Э.</i> Национальная безопасность современной России: Украина как форсайт.....	27	<i>Imanov D. E.</i> National security of modern Russia: Ukrain as a foresight.....	27

СОЦИОЛОГИЯ

SOCIOLOGY

<i>Задорин В. В.</i> Реляционные базы данных в социологии.....	31	<i>Zadorin V. V.</i> Relational databases in sociology.....	31
<i>Одинцов А. В.</i> Объединение баз данных в социологии: проблема уникальных измерений.....	36	<i>Odintsov A. V.</i> Databases integration in sociology: the problem of unique measurements.....	36
<i>Дроздова Ю. А., Воловатова Д. А.</i> Влияние человеческого фактора на деятельность государственных гражданских служащих.....	45	<i>Drozдова Yu. A., Volovatova D. A.</i> The impact of human factor on the activity of civil servants.....	45
<i>Борисенко Е. В.</i> Коворкинг: «Gemeinschaft» для фрилансеров.....	48	<i>Borisenko E. V.</i> Coworking: the «Gemeinschaft» for freelancers.....	48
<i>Богаевская М. С., Тарасенко Е. В.</i> Применение опроса и фокус-группы потенциальных потребителей для результативного бизнес-планирования малого бизнеса.....	53	<i>Bogayevskaya M. S., Tarasenko E. V.</i> Use of poll and focus group of potential customers for effective business planning of a small business.....	53

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

HUMANITARIAN KNOWLEDGE

Худавердян А. Ю.

Палеодемография населения Армении в эпоху поздней античности (по материалам античных памятников Ширакской равнины)..... **56**

Khudaverdyan A. Yu.

Paleodemography of Armenia’s population in late antiquity (the ancient monuments of the Shirak plain case study)..... **56**

Лещенко Л. А.

Понятие «экономическое сознание», этапы его формирования..... **63**

Leshchenko L. A.

The notion of «economic consciousness» and its stages of formation..... **63**

Гусейнова М. М.

Бюджетная организация как основной исполнитель государственных (муниципальных) заданий..... **70**

Guseynova M. M.

State-financed organization as a main provider of public (municipal) services..... **70**

Божкова Т. С., Голева Ю. В., Ребеко А. Н.

Национальная экономика Исламской республики Иран и ее роль в системе международных отношений..... **73**

Bozhkova T. S., Goleva Yu. V., Rebeko A. N.

National economy of Islamic republic of Iran and its role in the international relations..... **73**

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... **77**

INFORMATION ABOUT AUTHORS..... **77**

ПОЛИТОЛОГИЯ

POLITICAL SCIENCE

УДК 321.01
ББК 60.027.2

ВИДЫ ОРГАНИЗАЦИИ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

А. И. Бардаков, А. Н. Фомин

Аннотация. В статье раскрывается методология исследования видов и форм организации жизнедеятельности общества, построенная на триединстве форм бытия – природы, социума и культуры. Обосновывается характеристика сущности управления как навязывание воли, а затем раскрывается вид организации жизни людей, предшествующий управлению, и вид, который возникает в связи с исчерпанностью управления. Выявляется корреляция познавательного процесса управления с идеологической функцией политических субъектов. Определяются перспективы развития политической системы России посредством оптимизации соотношения самоорганизации, управления и самоуправления в современных социальных практиках.

Ключевые слова: природа, социум, культура, самоорганизация, управление, самоуправление, власть.

TYPES OF ORGANIZATION OF PEOPLE'S LIVES IN THE MODERN SOCIETY

A. I. Bardakov, A. N. Fomin

Abstract. This paper presents a research methodology of types and forms of people's lives in the modern society based on the trinity of the existence forms – nature, society and culture. It is proved that the essence of management is imposition of will. Further, we discuss two types of organization of people's lives – the type that preceded management, and the type that emerged due to the exhaustiveness of management. The correlation between the cognitive process of management and the ideological function of political subjects is revealed. We find that the development prospects of Russia's political system depend on the optimization of the correlation of self-organization, management and self-management in modern social practices.

Keywords: nature, society, culture, self-organization, management, self-management, power.

В современной политической практике любые формы организации жизни людей, как правило, обозначают термином «управление». Такое использование термина реализует идеологическую функцию, формирующую у граждан представления, что жизнь отдельного человека, общества без управления и управленцев состояться не может. При этом все управленческие неудачи, кризисы объясняются отрицательными качествами управленца или управленцев. Предложения по выходу из сложившейся ситуации связывают с древней отечественной традицией «вот приедет барин...» или с выборами, которые состоятся через 4–5 лет. Надо заметить, что в постсоветской России выборы на федеральном, региональном и муниципальном уровнях прохо-

дят регулярно, были апробированы различные способы формирования института губернаторства, но преодолеть коррупцию, изгнать криминалитет из власти пока не удается. Властно-управленческая практика постсоветского периода имеет многочисленные факты заключения под стражу глав муниципальных образований, а в последние годы данная мера стала распространяться и на губернаторов. Нисколько не оправдывая хищническую деятельность руководителей, хотим заметить, что причины этих асоциальных, антигуманных деяний нельзя объяснить только безнравственностью управленцев, а бороться с этим злом посредством «посадок» бесперспективно. Видимо, необходимо изменить систему организации жизнедеятельности рос-

сийского общества, при этом трансформация государственного и муниципального управления может быть успешной только при опоре на научные знания.

В своем подавляющем большинстве люди живут коллективно, что предполагает виды и формы организации их жизнедеятельности. Классификация и систематизация организационных видов и форм (обустройства) жизнедеятельности больших и малых социальных подсистем современных обществ является особо востребованной для теории и практики политической жизни, поэтому попытаемся решить эту задачу.

Многие классики общественной мысли связывают управление (правление) с политической властью. Так, у Дж. Локка политическая власть – это «... *право* создавать законы, предусматривающие ... наказания для регулирования и сохранения собственности, и применять силу сообщества для исполнения этих законов и для защиты государства от нападения извне» [7, с. 263]. Помня о том, что Дж. Локк последовательно противопоставляет естественное состояние людей их политическому и гражданскому состоянию, можно утверждать, что у автора сила и насилие являются неотъемлемыми атрибутами управления в социуме.

Синтезируя трактовку правления Дж. Локка и понимание государства М. Вебером как «... отношение господства людей над людьми, опирающееся на легитимное ... насилие» [4, с. 646], можно констатировать, что сущностью управления является навязывание воли. При проявлении этой сущности обнаруживается процесс воздействия субъекта на объект, наличие цели, результата и многих других признаков управления, которые могут присутствовать или отсутствовать в зависимости от исторической и организационной ситуации. Например, управление промышленного гиганта, медицинского учреждения и небольшого торгового предприятия будет иметь как общие, так и специфические черты, но неизменным останется навязывание воли. При этом надо заметить, что, несмотря на негативную коннотацию словосочетания «навязывание воли», управление является необходимостью и служит общественному прогрессу.

Одной из методологических ошибок в исследовании управления является отождествление организационных форм и видов биотических и социальных систем. Научное сообщество уже давно единодушно в том, что общество и отдельный индивид имеют биотическую и социальную составляющие. Однако при рассмотрении организационных основ жизнедеятельности

людей зачастую допускаются крайности. Например, В. И. Франчук ведет историю управления «с первобытного человеческого стада» [11]. С этим «удревнением» управления достаточно сложно согласиться, поскольку в тот период существования людей биотические взаимосвязи доминируют над социальными отношениями, соответственно, и организационные основы определяются природой как формой бытия, а не социумом. Не менее важна и другая крайность. Она состоит в том, что исследователи организацию жизни социально-биотических образований, где доминируют биотические взаимосвязи, называют управлением, делая оговорки о специфике и особенностях такого управления. Методологическая погрешность такого подхода состоит в том, что естественно-природную иерархию, присущую биотическим системам, отождествляют с властно-управленческой иерархией, которая характерна только для социальных систем. Например, семья – социально-биотическое образование, где иерархия определяется полом, возрастом, но никак не социальным статусом. Организация жизнедеятельности семьи строится на преобладании общего интереса, интерес индивида учитывается, но он не может преобладать над интересом целостности, даже если это интерес индивида, находящегося на вершине семейной пирамиды.

Совершенно иная ситуация с интересом в системе управления. Навязывание воли и осуществляется для того, чтобы удовлетворить интересы, прежде всего, властно-управленческой группы или же социальной группы, владеющей собственностью. Соответственно, в социально-биотических образованиях, где преобладают природные взаимосвязи, реализуется воля целостности этого образования, а в социально-биотических образованиях, где преобладают социальные взаимосвязи, реализуется воля субъекта, организатора жизни. Реализация воли целостности общества и реализация воли части общества указывает на качественное различие этих видов организации. Качественное различие видов организации жизнедеятельности людей требует и их различия в именовании. Если термином «управление» обозначается процесс навязывания воли, то для процесса реализации воли целостности некоего сообщества требуется иной термин, поскольку это качественно иной процесс.

Наиболее подходящим для фиксации этого процесса нам представляется слово «самоорганизация», которое по своему смысловому содержанию сопряжено с явлениями природы и отражает спонтанность, самопроизвольность нелинейных

систем. Термином «самоорганизация» предлагается обозначать ту организационную деятельность, которая обусловлена природой и осуществляется по законам природы, а тем самым отражать объективно существующий качественно иной вид организации жизнедеятельности в социально-биотических системах наряду с управлением.

Самоорганизация сочетает в себе природные и социальные формы обустройства жизнедеятельности и выступает непосредственной предпосылкой управления, что, в свою очередь, не означает ее полного исчезновения при доминировании управления. Самоорганизация, в том или ином виде, постоянно присутствует в процессе жизнедеятельности общества. Можно утверждать, что в организации общественных отношений господствует управление, которое, как форма организации жизни, превалирует над остальными формами, но не заменяет их полностью. Например, в современном обществе важную роль играет политическое, государственное управление, но в таких отношениях, как личные, семейные, государство и иные политические институты не могут в полном объеме реализовать свои организационные функции. Отношения в семье или организация жизни семьи имеет форму самоорганизации, поскольку иерархия, имеющая место в этом социально-биотическом образовании, определяется не социальными факторами в виде должности, ученой степени и т.п., а полом и возрастом, т.е. биотическими факторами. Конечно, в современной семье могут возобладать экономические факторы, которые определяют главенство в семье по величине вклада в семейный бюджет. Однако такой подход лишь подтверждает наши утверждения о приоритете самоорганизации в данном образовании, поскольку такая семья имеет признаки производственного коллектива, т.е. она перестает быть семьей, а становится коллективом с очевидным доминированием социальных факторов. Кроме того, ведь глава этого семейства когда-то был ребенком, которого материально и духовно возвращали старшие члены семьи, более того он ведь может стать беспомощным в преклонном возрасте и тогда окончательно станет понятно, была у него семья или нет. В семье, где доминирует биотическая взаимосвязь, о нетрудоспособных старых и малых заботятся независимо от ее финансово-экономического состояния. Совершенно иное дело в трудовом коллективе, который объективно заинтересован в недопущении такой ситуации, так как организаторы (субъекты) этого процесса заинтересованы в получении мак-

симального дохода при перераспределении произведенных общественных благ.

О необходимости разделения организационных форм в естественно-природных и социальных явлениях настаивал в свое время Г. В. Атаманчук, полагая, что отличие между этими явлениями «...качественное, позволяющее разграничивать стихийные, саморегулятивные механизмы и управление» [1, с. 22]. Однако, указывая на отличия стихийных и управленческих организационных форм, автор не допускал возможности качественно иного организационного вида для биотической жизни. Такая логика суждений об организации жизни людей приводит автора к убеждению, что существует один вид организации жизни – управление. В качестве примера он приводит группу, состоящую из определенного количества индивидов, которая не сможет осуществить даже поход в лес за грибами без управления [1, с. 28]. По поводу управления походом за грибами можно возразить по нескольким пунктам.

Во-первых, если группа является производственным коллективом, основная функция которого собирать грибы, то управление здесь будет необходимостью. Группа людей, сформированная по производственному признаку, наряду с тем, что все индивиды остаются элементами природы, имеет очевидное преобладание социальных отношений, где наиболее эффективным видом организации является управление. В этом социальном процессе важным обстоятельством является также то, что субъект (организатор), руководствуясь существующими нормативно-правовыми актами, будет стремиться справедливо компенсировать трудовые затраты, не забывая о вознаграждении своего организационного труда. Можно допустить, что субъект вообще никогда не появится на месте производства, но это не мешает ему участвовать в производственном процессе.

Во-вторых, если группа представляет собой большую семью, то независимо от целей этого процесса (сбор грибов как важный фактор пропитания или же активная форма отдыха) он будет иметь вид самоорганизации. Это связано с тем, что группа будет включать индивидов, различающихся не только по полу, но и по возрасту, что предопределяет большую разницу в трудовом участии каждого из индивидов, но это не будет определяющим при распределении материальных благ. При обустройстве жизнедеятельности семьи как биотической целостности приоритетом является воспроизводство и продление жизни, что свидетельствует о доминанте организацион-

ных форм природы. Обустройство же жизни природных образований имеет вид самоорганизации, где интерес, воля целостности всегда выше, чем отдельного элемента.

В-третьих, если группа состоит из людей, интересы которых совпали, и каждый из участников совершенно добровольно согласился на такой активный отдых, то эти организационные формы будут иметь вид самоуправления. В этом организационном процессе самым важным фактором является то обстоятельство, что некое количество индивидов согласовали время, место, направление и, видимо, многое другое для похода за грибами, т.е. каждый имел реальную возможность выразить свою волю. Индивиды же, имеющие принципиальные возражения по организации этого мероприятия, имели все основания отказаться от участия.

Таким образом, бытовой сюжет в виде похода за грибами может иметь различный категориальный ряд и различную терминологию. Надо добавить, что в системе управления решение о том, где, когда и как будет проходить мероприятие, будет принимать субъект, а объекты будут выполнять его волю. В системе самоорганизации старшие члены семьи примут решение о месте, времени и формах проведения, а каждый член семьи займет свою нишу в этом мероприятии в соответствии с возрастом, полом, сложившейся традицией, уникальностью отдельных индивидов. В системе же самоуправления каждый участник, согласившись на общие, необходимые условия мероприятия, самостоятелен в деталях и специфике своего участия в этом коллективном действе.

Вычленение в отдельные феномены и детальные характеристики самоорганизации, управления и самоуправления в теоретико-познавательном поиске важны для понимания всей сложности и многогранности организации жизни людей. Однако организационные основы жизни людей прошлых и нынешних социально-политических практик не могут быть сводимы только к одному из видов организации. Весьма показателен пример переплетения самоорганизации и самоуправления первых европейских переселенцев, основавших колонию в начале XVII века на территории современных Соединенных Штатов Америки, которая красочно описана А. Токвилем. В первой части своей знаменитой работы он повествует о суровых природных условиях, в которые попали путешественники, высадившись на берега Гудзона. Зима была в самом разгаре, свирепствовали ураганы, мерзлая земля покрыта лесом и кустарником и безбреж-

ный океан отделял их от цивилизованного мира. Далее Токвиль подчеркивает, что «едва успев высадиться на этом негостеприимном берегу, эмигранты сразу же поспешили организовать общество, заключив с этой целью соглашение» [10, с. 47–48]. Все это показывает, что общественные системы, не имеющие социальной иерархии, управления, с необходимостью применяют самоорганизацию для сохранения своего физического существования, а также самоуправление в тех социально-культурных взаимосвязях, где воля отдельного индивида не вступает в противоречие с интересами социально-биотической целостности.

Дальнейшее развитие организационных основ, описанных А. Токвилем, имеет свои закономерности. Рост производительных сил приведет к разделению труда и частной собственности, что и составит две основные причины управления, а в последующем, все это вместе и обусловит доминанту социальных взаимосвязей. Дальнейшее развитие управления с необходимостью вытеснит или заменит зачаточные формы самоуправления и традиционно-устойчивые формы самоорганизации из многих сфер жизни общества, но полностью их устранить управление никогда не может. Это связано с тем, что в социальных системах неотъемлемыми атрибутами индивида являются не только социальные, но и биотические и человеческие свойства, которые не могут развиваться на организационных основах управления.

Нечто подобное происходило в конце 80-х – начале 90-х годов XX века в нашей стране. В результате известных событий у подавляющего большинства советских граждан сократилось количество социальных взаимосвязей, произошла своеобразная рецессия социальности. Такое состояние общества предопределило противоречивые тенденции организации его жизни. С одной стороны, сложное экономическое положение в стране значительно ограничило экономическую самостоятельность отдельного индивида, что способствовало укреплению кровнородственных отношений, то есть восстановлению самоорганизации. С другой стороны, провозглашение свобод в социально-культурных сферах жизнедеятельности общества позволяло каждому осуществлять деятельность по реализации своей воли, то есть развивать самоуправление.

Практика реализация этих видов обустройства жизнедеятельности имела место в небольших социальных образованиях. Так, на закате развитого социализма граждане активно принимали участие в формировании и функциониро-

вании дачных кооперативов и иных образований, призванных решить продовольственную проблему советских людей посредством их непосредственного участия в сельскохозяйственном производстве. Создание гражданами групп по дневному присмотру за детьми, в связи устойчивой тенденцией закрытия детских садиков, организация добровольцами помощи одиноким пенсионерам, которые в результате денежных реформ остались без средств к существованию, имели широкую практику в нашем обществе. К явлениям подобного рода можно отнести и НКО (некоммерческие организации), которые в своей небольшой постсоветской истории пережили различные времена и трансформации. Специфическая деятельность по охране общественного порядка также не обошлась без отрядов самообороны, которые формировались только на добровольных началах. Именно переплетение форм самоорганизации и самоуправления положительно влияли на преодоление экономических трудностей и зарождение демократии в нашем отечестве. К этому надо добавить, что в этот период влияние органов государства и органов местного самоуправления было минимальным в выживании граждан и их человеческом развитии.

Однако по мере улучшения политической, социально-экономической ситуации, возобновления оказания органами публичной власти и коммерческими организациями услуг населению, самоорганизация объективно сужает свое значение, а самоуправление минимизируется посредством субъективного влияния власти. Эта тенденция стала заметна уже во второй половине 1990-х годов, а в начале 2000-х она стала очевидной. Ярким примером – в масштабах всей страны, реализации биотического и человеческого факторов был 1999 год, когда после серии взрывов жилых домов, наши сограждане добровольно, без каких-либо усилий со стороны власти стали создавать отряды самообороны, устанавливая дежурства в подъездах и т.д. Но, как отметила И. А. Бутенко, «эти отряды, явив миру образцы творческой инициативы, выдумки и взаимопомощи, просуществовали около 20 дней и исчезли абсолютно без следа и с общественной сцены, и из памяти людей» [3].

Конечно, отдельные примеры не могут отразить всей палитры политических событий, но пренебрежение качественными различиями организационных видов жизнедеятельности в обществе и природе имеют негативное влияние на формирование политических взглядов широкой общественности. Так, на просторах интернета вот уже не один год позиционируется точка зре-

ния на организацию жизни В. Р. Дольника. Свою позицию автор изложил в весьма доступной форме, что привлекает широкую аудиторию для знакомства с научными выводами. Не подвергая сомнению важность и значимость научных выводов автора для этологии, не можем согласиться с их распространением на социально-политическую практику. Так, трактовка этолога равноправия первобытных людей как выдумки «... кабинетных ученых прошлого века» [5] возникает по причине того, что он не разделяет, а отождествляет природную и социальную иерархии. У первобытных людей не может быть природного равенства, поскольку биотическая составляющая определяется физической мощью индивида, которая априори не может быть равной. Социальное же равенство имеет место, так как трудовые отношения, определяющие общественные взаимосвязи, находятся на низком уровне и не могут быть основанием социальной дифференциации. У автора причины иерархии всегда коренятся в биотической составляющей индивида, что неверно, поскольку индивид имеет три составляющих – биотическую, социальную и человеческую. Не подтверждается практикой авторское суждение и о том, что «осведомленный человек ... не увлечется призывами ни нацистов, ни религиозных фундаменталистов, ни анархистов, ни коммунистов» [5]. Практика показывает, что деятели культуры и представители научного сообщества России и Украины, обремененные самыми высокими степенями, имеют прямо противоположные точки по событиям 2013–2015 годов в Украине, что никак нельзя объяснить их неосведомленностью. Предложения же по дальнейшему развитию общества и человека у автора сводится к тому, что индивид должен «... иметь свой кусочек земли, свой дом, свою семью» [5], т.е. иметь частную собственность, что собственно составляет теорию либерализма. Все это свидетельствует о том, что абсолютизация биотической составляющей сознательно или бессознательно выполняет идеологическую функцию, искажает научный поиск и может отрицательно влиять на современные социальные практики.

Определенную политическую функцию несут в себе и трактовки самоуправления, поскольку их применение в политических практиках может способствовать развитию общества или же быть основанием его стагнации. Наиболее распространенный способ идеологического противостояния самоуправлению – это его нивелирование, низведение данного вида организации жизни до тождества с управлением или же

трактовка самоуправления как структурного элемента управления. «Самоуправление, – утверждает Ю. Ф. Лукин, – как и государственное управление, как любая политическая деятельность, выполняя свои задачи, функции, реализуется только через властные управленческие отношения» [8, с. 43]. Такая теоретическая посылка определяет соответствующее направление в формировании законодательной базы и установление политических практик управления, где воля граждан по вопросам местного значения становится излишней или минимизируется до незначимых величин. Неверная трактовка самоуправления закладывает основания для искаженного политического представления о приоритетности вопросов государственного значения для жизнедеятельности отдельного индивида. Отодвинув вопросы местного значения на второй план, закладывают мысль о вечности приоритетности управления, о необходимости власти во всех сферах и нишах жизни отдельного индивида. Если же исходить из того, что управление и самоуправление имеют сущностные отличия, проявляемые в том, что управление – это навязывание воли, а самоуправление – это реализация воли отдельного индивида, и оба эти вида являются необходимостью для современной России, то возникает иная политическая картина обустройства нашего отечества.

В соответствии с содержанием главы 5 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ, участие населения в формах непосредственного осуществления местного самоуправления является факультативным, т.е. основано на принципе добровольного участия. Исходя из приведенной выше классификации видов организации жизнедеятельности людей, добровольное объединение индивидов в целях совместного решения вопросов местной жизни, может происходить как в формах самоорганизации, так и самоуправления. Положения федерального законодательства о добровольном и самостоятельном участии граждан в самоуправлении имеют практику политического применения в сугубо тенденциозной интерпретации. Предоставленное право на добровольное и самостоятельное участие граждан в самоуправлении не может быть реализовано, так как организация жизни людей – это самый сложный социальный процесс, требующий высокопрофессиональной деятельности. Об этом субъекты управления прекрасно осведомлены, но поскольку народ не может самостоятельно организовать устойчивую систему самоуправления, то его обвиняют в низ-

кой гражданской активности, ленивости, безответственности, низком уровне культуры и иных грехах. Собственно, происходит то, что и было задумано управленцами, которые не хотят упустить рычаги управления собственностью, которая приносит им дивиденды.

Другой существенной погрешностью, которой изобилуют нормативно-правовые акты всех уровней организации жизни в России, – это жесткая привязка самоуправления к финансово-экономическим основам страны, региона и муниципального образования. Сложившаяся ситуация имеет очевидный политический контекст. Проявляется он в том, что должностные лица, органы, распоряжающиеся финансово-экономическими ресурсами, сохраняют полноту субъектных функций на всех уровнях муниципального управления. Практика строительства местного самоуправления в постсоветской России показывает, что даже в самом маленьком сельском муниципальном образовании глава поселения, обладая распорядительной функцией по большинству вопросов местного значения, осуществляет организацию жизнедеятельности муниципалитета в системе субъектно-объектных отношений. Все это позволяет сделать вывод о причинно-следственной взаимосвязи управления и финансово-экономических основ, собственности, труда. Бытующая мысль среди части теоретиков и большинства практиков управления о том, что уровень самоуправления зависит от размеров финансирования, глубоко ошибочна и наносит ущерб политической практике становления самоуправления.

Экономика детерминирует развитие индивида как социального существа, которое наиболее жизнеспособно в системе управления, а культура обуславливает развитие индивида как человеческого существа, жизнедеятельность которого становится успешной в системе самоуправления. Более обстоятельно взаимосвязь культуры, человека и самоуправления нами уже освещена [2, с. 17–20], в тезисном же изложении эта мысль может выглядеть следующим образом. Культуру наряду с социумом и природой предлагаем рассматривать как форму бытия. Соответственно, природа формирует биотическую составляющую индивида, жизнедеятельность которого осуществляется преимущественно в формах самоорганизации. Социум формирует социальную составляющую индивида, детерминируя тем самым доминанту управления в формах организации его жизни. Культура формирует человеческую составляющую индивида, развитие которого осуществляется только в формах самоуправ-

ления. К этому следует добавить, что индивид имеет три составляющих, поэтому для него все три вида организации жизни людей являются необходимостью. При этом один из видов, как правило, доминирует над двумя другими, что определяется уровнем развития общества в целом и степенью развития конкретного человека.

Суть фактора культуры состоит в том, что люди с высоким уровнем человеческих свойств добровольно объединяются между собой в различные ассоциации для совместных решений разнообразных вопросов, в том числе и вопросов местного значения. Никто и ничто не принуждает граждан к осуществлению этих действий, но подавляющее их большинство отчетливо осознает свою ответственность за решение местных вопросов. Чувство долга у отдельного индивида за решение конкретных вопросов возникает при определенном уровне культуры общества и развитой социально-политической системе, позволяющей местному сообществу принимать решение самостоятельно. Оптимальное соотношение культуры местного сообщества и существующей организационной системы можно обнаружить в примере тележурналиста В. Познера, побывавшего со своей съемочной группой на собрании жителей в Америке. Автор обращает внимание на форму обсуждения. «Не так важно, – пишет В. Познер, – что обсуждалось на этой встрече, важно как это обсуждалось: спокойно, деловито, с соблюдением всех правил и с абсолютной уверенностью в том, что принятые ими решения будут выполняться хотя бы потому, что это их городок, что в ответе за него именно они и как они решат – так оно и будет» [9, с. 54]. Сравнивая образцы обустройства местных сообществ Западных стран с российской практикой, автор связывает отсутствие самоуправления в России с низким уровнем культуры россиян. Такой вывод неверен в теоретико-методологическом плане и способствует политической консервации существующей организации жизни местных сообществ.

Теоретико-методологическая погрешность такого вывода состоит в том, что, признавая наличие высокого уровня культуры у граждан западных стран, можно с уверенностью утверждать, что уровень культуры жителей российских муниципалитетов не может быть ниже уже только потому, что образовательный уровень россиян выше. Развернутую аргументацию о высоте и масштабности русской, российской культуры в ряде своих работ дал А. А. Зиновьев, полагая, что основное противоречие между Западом и Россией состоит в противостоянии культур, а не военной угрозы [6, с. 70–71].

Обозначение неверной причины слабости современного местного самоуправления России дезориентирует исследователей и способствует консервации практики местного самоуправления. Надо заметить, у субъектов управления, жаждущих сохранить власть любым путем, идея о низком уровне культуры граждан всегда выступает основным аргументом для обоснования преждевременности самоуправления в нынешнем обществе. Признание же факта высокого уровня культуры россиян предполагает поиск причин социальных изъянов современного российского общества в видах и формах организации его жизни.

Видимо, для повышения эффективности функционирования форм организации жизнедеятельности российского общества необходимо предпринять ряд мер. Во-первых, признавать самоорганизацию относительно самостоятельным и значимым видом организации жизни современного общества, соответственно закрепив в политическом лексиконе и нормативно-правовых актах. Во-вторых, совершенствовать федеральный и региональный уровни управления, распространяя вертикаль власти и на муниципальные образования, где имеется доминанта вопросов государственного значения. В-третьих, строительством самоуправления необходимо заниматься в муниципальных образованиях, где имеется очевидная доминанта вопросов местного значения, ведя поиск механизмов реализации воли граждан, а не конструируя бесконечное количество моделей формирования института глав муниципалитетов. Оптимизация соотношения видов организации жизни людей значительно улучшит функционирование социально-политической системы страны и будет основанием преодоления негативных явлений в современной России.

Библиографический список

1. *Атаманчук, Г. В.* Теория государственного управления [Текст] / Г. В. Атаманчук. – М.: Юридическая литература, 1997. – 584 с.
2. *Бардаков, А. И.* Детерминанты самоуправления: экономика или культура? [Текст] / А. И. Бардаков // Научный вестник ВАГС: сб. науч. ст. Выпуск 7. 15 лет российских реформ: итоги, проблемы, перспективы. – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2007.
3. *Бутенко, И. А.* Самоорганизация, самоуправление и их смысл в сознании населения России // Перспективы самоуправления и самоорганизации в России / Отв. ред. И. А. Бутенко. – М.: Московский общественный научный фонд,

2000. – [Электронный ресурс] / И. А. Бутенко. – Режим доступа: <http://rusfolder.com/30435899>. (дата обращения 17.09.2006 г.).

4. Вебер, М. Избранные произведения [Текст] / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

5. Дольник, В. Р. Этологические экскурсии по запретным садам гуманистических [Электронный ресурс] / В. Р. Дольник. – Режим доступа: [/http://www.follow.ru/article/145/1](http://www.follow.ru/article/145/1) (дата обращения 07.12.2015).

6. Зиновьев, А. А. Русскому народу нанесен смертельный удар [Текст] / А. А. Зиновьев // Социология власти. Вестник Социологического центра РАГС. – 2006. – № 4.

7. Локк, Дж. Сочинения: В 3 т. – Т. 3. [Текст] / Дж. Локк. – М.: Мысль, 1988. – 668 с.

8. Лукин, Ю. Ф. Глобальный социум самоуправляемых общин: монография [Текст] / Лукин Ю. Ф. – Архангельск, 2006. – 496 с.

9. Познер, В. В. Воспитание гражданской ответственности должно быть приоритетом государственной политики [Текст] / В. В. Познер // Муниципальная власть. – 2009. – № 1.

10. Токвиль, Алексис де Демократия в Америке: Пер. с франц. / Предисл. Гарольда Дж. Ласки [Текст] / Алексис де Токвиль. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.

11. Франчук, В. И. Основы общей теории социального управления / Ин-т организационных систем. – М., 2000. – [Электронный ресурс] / В. И. Франчук. – Режим доступа. – URL: <http://socio-org.narod.ru/OTCY.htm>. (дата обращения: 07.09.2010).

УДК 342.31+323.21
ББК 66.3(2Рос),12

ПРИНЦИП НАРОДОВЛАСТИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. А. Колесников

Аннотация. В статье исследуется народовластие как феномен демократического государственного устройства развитых стран и Российской Федерации, требующий всестороннего научного анализа. Аргументируется необходимость утверждения принципа народного суверенитета в корреляции с гражданской политической культурой. Акцентирована роль форм прямого народовластия, местного самоуправления и местных референдумов, законных муниципальных интересов в преобразовательном процессе современной России.

Ключевые слова: принцип народовластия, народный суверенитет, верховенство закона, местное самоуправление, местный референдум, муниципальные интересы, политическая культура граждан.

THE PRINCIPLE OF DEMOCRACY IN MODERN RUSSIA: POLITICAL AND LEGAL ASPECTS

V. A. Kolesnikov

Abstract. In this paper we analyze democracy as a phenomenon of democratic state system in developed countries and in the Russian Federation. We show that the principle of people's sovereignty combined with civil political culture is very important. The paper also focuses on the role of the forms of direct democracy, local self-government, local referendums, and legitimate municipal interests during the reforms period in modern Russia.

Keywords: principle of democracy, people's sovereignty, rule of law, local self-government, local referendum, municipal interests, civil political culture.

Принцип народовластия – фундаментальный для легитимации государственной власти. Он определяет, что все ключевые носители государственной ответственности властные функции получают от народа – непосредственно путем выборов народом. Например, в США, представи-

телей и сенаторов Конгресса; или косвенно, избрания главы государства посредством «института выборщиков», формирования администрации США с назначаемыми главой государства федеральными чиновниками. Подчеркнем, что, понятия «народный суверенитет» и «националь-

ный суверенитет» рассматриваются как тождественные при условии понимания национального начала как над этнического, интегрирующего гражданское единство в «согражданстве» как культурно-историческое основание единой гражданской нации. Соотношение народного, национального и этнического сегодня в фокусе научного осмысления в трудах зарубежных [5, с. 154–164; 6, с. 128–130] и российских ученых [7, с. 117–137; 8; 3;] исследующих особенности становления национального единства в условиях демократии. Понятийную определенность национального суверенитета можно охарактеризовать при этом как совокупность суверенных прав нации-народа на свободный выбор политического строя и курса социально-экономического развития, на экономическую независимость и целостность государственной территории, на национальный язык и сохранность культуры, на уважение национальной чести и достоинства. Национальный суверенитет – это полномочия нации-народа и обладание реальной возможностью распоряжаться собственной судьбой.

Принцип народного суверенитета приоритетно закреплен в развитых странах в Конституциях государств. В Конституции США в условиях президентской республики его конкретика основательна в преамбуле, пронизывает содержание основных статей, поправок [11, с. 348–368]. В Основном Законе ФРГ, принятом в 1949 г. в условиях режима парламентарной республики для западных земель и ставшим единым с 1990 г. для всей Германии, этот принцип (как и реализация исторической формулы «Мы немцы – единый народ») является ключевым. Закреплен в преамбуле «Немецкий народ в силу своей учредительной власти дал себе настоящий Основной Закон», предметен в важнейших конституционных статьях: ст. 1, 2 – «немецкий народ признает нерушимые и неотчуждаемые права человека»; в ст. 21/1 – партии содействуют формированию политической воли народа; в ст. 29 1–5 (в редакции ОЗ от 23.08 1976 г.) – о референдуме и цели народного опроса; в ст. 38, 39 – о формировании путем народного волеизъявления высшего органа государственной власти и народного представительства [11, с. 68, 74, 77, 80].

В парламентарной монархии – разновидности демократической формы правления, народный суверенитет также наделен конституционным статусом. В ст. 1 Конституции Японии (вступила в силу 3 мая 1947 г.), например, зафиксировано: «Император является символом государства и единства народа, его статус определяется волей Народа, которому и принадлежит

суверенная власть» [11, с. 381]). В Конституции Великобритании (действующей на основе британской доктрины конституционализма, включающей 4 источника) в Акте о Парламенте 1911 г. в ст. 4 содержится формула, империрующая обнародование законов монархом только «с совета и согласия общин» [11, с. 15].

Преимущество Британской модели основывается на балансе трех составляющих государственного устройства: монархической (представлена институтом Короны), аристократической (представлена Палатой Лордов), демократической (представлена Палатой общин – высшим органом народного представительства) – при доминанте последней. Общинный конструкт «триады» являет «мотор» и «деятельную сущность» Британской государственной системы. Фактором Палаты Общин реализуется деятельностный элемент (efficient parts) государственной власти в соотношении с ее другим «величественным элементом» (dignified parts).

В основании государственности Российской Федерации (РФ) также фундаментальный принцип народовластия, указывающий на источник «трехуровневой» системы публичной власти – многонациональный российский народ как историческое и социальное целое, основу которого должен составлять средний класс. Принцип конкретизирует содержание Конституции РФ. В п. 1, п. 2 ст. 3 читаем: «1. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. 2. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления» [12, с. 4].

Во исполнение принципа российские граждане свободным волеизъявлением формируют основные институты государственной власти и управления: федеральные органы власти (Президента РФ, Парламент РФ), избирают губернаторов и законодательную власть субъектов РФ, органы местного самоуправления. Проблема свободных выборов (исключающих фальсификацию и черные технологии), соотносимых с добросовестной конкуренцией, прозрачным финансовым обеспечением, законностью подсчета голосов и гласностью результатов находится сегодня в фокусе внимания государственного руководства, политических партий и общественности РФ. Здесь выявляются ориентиры на утверждение качества электоральной политической культуры и новых форм обеспечения *прямых выборов высших должностных лиц – глав субъектов РФ*, эффективного механизма формирования Совета

Федерации, возврата к мажоритарно-пропорциональной системе – 50 % на 50 % формирования депутатского корпуса нижней палаты Федерального собрания РФ – Государственной Думы РФ.

В середине 2000-х годов прямой выбор населением по одномандатным округам 225 депутатов в нижнюю палату Парламента РФ, однако, был исключен в пользу 100 % партийно-списочного механизма формирования депутатского корпуса с повышением срока полномочий депутатов с 4 до 5 лет. Новый подход вызвал неоднозначные оценки и даже несогласие с правовым обоснованием нового порядка формирования губернаторского корпуса в РФ. В особом мнении судьи Конституционного Суда РФ В. Г. Ярославцева было отмечено, что принцип назначаемости глав исполнительной власти субъектов Федерации противоречит Конституции РФ и вступает в противоречие со ст. 15 и 18 Конституции РФ – ограничивается принцип народовластия граждан РФ, а также принцип того, что народ является активным субъектом конституционных правоотношений. Внешне «демократичная» декоративность нового порядка наделения полномочиями высшего должностного лица субъекта РФ (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ) не может скрыть основной цели преобразований – отторжение народа от свободных выборов указанного должностного лица. Это прямо противоречит принципу народовластия, так как в закрепленной в новом Федеральном законе «схеме» наделения полномочиями должностных лиц «народ как самостоятельный субъект конституционных правоотношений отсутствует» [19]. Помимо этого, новый порядок расширяет полномочия Президента РФ и законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ без согласования с народом России, что, также противоречит Конституции РФ. Аналогичное мнение высказано судьей Конституционного Суда РФ А. Л. Кононовым [18].

Исключение депутатов одномандатников из парламентарной практики сегодня признано ошибочным и на региональном уровне. В практике субъектов РФ представляет интерес модель формирования регионального парламента в Волгоградской области. Здесь в 2014 г. закреплена паритетная мажоритарно-пропорциональная система формирования однопалатной Волгоградской областной Думы. 19 депутатов избираются по одномандатным округам и 19 депутатов на основе состязательности партийных списков по единому избирательному округу [4]. Вновь востребованным в электоральной практике пред-

ставляется и законодательный возврат графы «против всех» в избирательных бюллетенях. Это поднимет планку свободного волеизъявления российских граждан, будет способствовать активному участию и осознанному выбору, формированию гражданской политической культуры.

Недопустимо принижение прямого волеизъявления народа-суверена, игнорирование ст. 3 Конституции РФ при формировании Федерального собрания, региональных ассамблей и муниципальных органов власти. Особо значим п. 3: «Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы» [12, с. 4]. Новые ориентиры на совершенствование электоральной практики закреплены в Посланиях Президента РФ В. В. Путина 2013, 2014, 2015 гг. Глава государства констатирует: политическая система участия граждан требует реформирования, следует критично проанализировать и практику партийного участия, весь действующий механизм формирования ключевых должностей на всех уровнях российской публичной власти [21].

Для народного суверенитета и культивации гражданской политической культуры существенно проведение референдумов. Однако организационное обеспечение, например, региональных референдумов все еще отстает от их законодательного обеспечения в субъектах РФ. Например, закон Волгоградской области «О референдумах на территории Волгоградской области» принят в 1996 г. [15, с. 3–4] все еще не востребован в его полноте субъектами инициативы и проведения. Не менее актуально проведение местных референдумов. Действующим законодательством местный референдум характеризуется основной формой осуществления народовластия.

В статутном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ от 6. 10. 2003 г. ст. 43 устав муниципального образования признан главным документом в системе муниципальных актов: «Устав муниципального образования и оформленные в виде правовых актов решения, принятые на местном референдуме (сходе граждан) являются актами высшей юридической силы в системе муниципальных правовых актов» [13, с. 4]. В главе 5 о формах непосредственного осуществления населением МСУ и участия населения в осуществлении МСУ законодатель, объединил(?) формы *непосредственного осуществления* населением МСУ (а это прежде всего: местный референдум – ст. 22, муниципальные выборы – ст. 23) и *формы участия* в осуществлении МСУ: т. е. свел в общую главу

два блока форм, несущих, однако, разную нагрузку участия и волеизъявления граждан.

Глава начинается с объемной ст. 22 «Местный референдум», в которой о принятии устава МСУ на местном референдуме нет упоминания (в отличие от № ФЗ-154 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 1995 г. [16]). В № ФЗ-131 принятие устава муниципального образования прямым волеизъявлением граждан, т. е. решение важнейшего вопроса местной жизнедеятельности выведено из перечней вопросов местного значения всех видов муниципальных образований (см. гл. 3 «Вопросы местного значения») и отнесено к компетенции разработчика. Закреплено как полномочие представительного органа муниципальных образований с числом жителей (свыше 100 чел.): «Устав муниципального образования принимается представительным органом муниципального образования, а в поселениях с численностью жителей обладающих избирательным правом, менее 100 чел. – населением непосредственно на сходе граждан» – читаем в ст. 44 п. 3 статутного закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ от 6.10.2003 г. [17].

Высшая форма народовластия – местный референдум по принятию Уставов муниципальных образований сегодня в РФ выведен из сферы прямого волеизъявления граждан, политическое и правовое пространство местного референдума минимизировано. Этим задано противоречие как сути, так и букве ст. 3 Конституции РФ. Заметим, в США принятие уставов-хартий муниципалитетов гражданами в системе местного самоуправления осуществляется только посредством местного референдума. Утверждение принятых местных хартий осуществляется, однако разными вариантами: на самом референдуме, либо посредством легитимации принятия legislatures – законодательными ассамблеями субъектов федерации [2, с. 126–135].

Подчеркнем, в действовавшем до 2006 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 25 августа 1995 г. в ст. 8 право принятия устава на местном референдуме *было включено в перечень основных вопросов местного значения муниципальных образований под № 1, как вопроса, решаемого непосредственно населением* [16]. Такая практика усиливала институт прямой демократии в РФ и участие граждан как основного субъекта народовластия в системе местного самоуправления, способствовала культивации гра-

жданского участия, а с этими гражданской самоидентификации. В докладе Минрегионразвития РФ о ходе реализации федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ приведены данные статистики к 2008 г. о проведении местного референдума на территории РФ. Всего проведено было 122 местных референдума в малонаселенных поселениях 12 субъектов РФ. Эти 122 муниципальных единицы составляли 0,5 % всех муниципальных образований России в 2008 г. [9, с. 52]. Общее число муниципалитетов на 1 января 2008 г. в РФ составляло 21 595 единиц (в 2014 г. их стало – 22777); из них 1 731 – городские муниципальных образования, 19 861 – сельские муниципальные образования [24, с. 18–29].

Важнейшим политическим началом российской государственности, а с этим и политической культуры, является принцип правового государства и верховенства закона. Правовое государство конституировано волей народа суверена, закрепляемой в Основном законе, где определены его права и обязанности в корреляции с основными правами и свободами граждан. Верховенство закона воплощается в законодательных актах, принимаемых на основе реализации прямой законодательной инициативы, либо посредством законотворчества представительных органов, а также посредством «делегированного законодательства» реализуемого органами исполнительной власти. Законы – регуляторы наиболее важных общественных отношений: в них закреплены нормы обеспечения устойчивости государственной системы и общественного развития, задаются «общие правила» – правовые рамки компетенции (права и обязанности) структур и органов управления, ответственности должностных лиц и граждан.

Существенной характеристикой законности, а с этим и правовой и политической культуры является приоритетность Основного закона и законов Федерации по отношению к Конституциям, Уставам и законам субъектов РФ, а последних по отношению к нормативным актам, принимаемым властными органами местных единиц (местное самоуправление – власть подзаконная). Это существенно, так как с 2000 г. в рамках политического курса на рецентрализацию и усиление вертикали исполнительной власти, в целях преодоления центробежных тенденций осуществлялись: унификация законодательства субъектов РФ, преодоление несоответствия региональной нормативно-правовой базы федеральному законодательству. С этим актуализи-

рована и задача преодоления «правового нигилизма», рудименты которого проявляются в сфере деятельности управленческих структур, должностных лиц, функционирования гражданских институтов.

Значимая конкретика верховенства закона сегодня предметна не только в содержательности принимаемых законов (федеральных, региональных, и подзаконных муниципальных правовых актах), но в обязательности исполнения их всеми властными структурами и гражданами РФ. Для обеспеченности политической, профессиональной и организационной культуры при реализации законов управленческими структурами, должностными лицами важен и «личностный» аспект верховенства права: никто, ни одно должностное лицо в системе государственной власти и управления, какой бы высокий пост оно не занимало, не свободно от ответственности в случае нарушения закона, пренебрежения правовыми нормами. Подтверждением служит и закрепленная ст. 93 Конституции РФ правовая процедура отрешения от должности и привлечения к ответственности Президента страны, с этим и нормативное обеспечение правового иммунитета главы государства в России [22, с. 22–25].

На уровне местного самоуправления принцип правового государства закрепляет законодательное обеспечение местного народовластия и муниципальных интересов в локальной сфере жизнедеятельности населения, позволяет актуализировать и исследовать правообеспеченность муниципальной практики в документах международного права, например, в Европейской хартии «О местном самоуправлении» и «Европейской рамочной конвенции по приграничному сотрудничеству территориальных сообществ или властей», в Российском федеральном и региональном законодательствах, муниципальных правовых актах.

Отметим и то, что новая правовая отрасль – система муниципального права, обеспечивающая научную организацию и функционирование местного самоуправления в России как правового института, ориентирует на исследование новых взаимосвязей и категорий, социально-правовых ценностей и критериев местного самоуправления (см. труды С. С. Алексеева [1], Д. А. Керимова [10], А. В. Малько [13], Г. В. Мальцева [14], И. Л. Петрухина [20]). В фокусе внимания и феномены «муниципальные законные интересы», «муниципальный нормативно-правовой процесс», которые в системе муниципальной правовой науки еще требуют комплексного исследования. В связи с этим согласимся с В. В. Субочевым, исследу-

ющим «муниципальные законные интересы», что из категории теоретической, с трудом признаваемой компетентными органами муниципальные законные интересы должны превратиться в полноценный институт правовой действительности, в средство осуществления правовой политики на муниципальном уровне [23, с. 29].

При определении значения принципа народного суверенитета важно учитывать то, что содержательное единство правовых и практических реалий, отражаемых понятиями «гражданин» и «гражданство», гарантируется в РФ **сво-дом** законодательно закрепленных «прав и свобод граждан». В Конституции РФ (1993 г.) эти основы закреплены во второй главе «Права и свободы человека и гражданина» (ст. 17–64). В ст. 17 записано: 1. «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией.

2. Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения.

3. Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» [12, с. 9].

Отметим здесь и историческую определенность. Например, в Конституции США основные права граждан зафиксированы только в поправках, по сути в «конце» Конституции (значим «Билль о правах» – первые 12 поправок, внесенных на ратификацию в Конгресс 25 сентября 1789 г. в дополнение к основным статьям после ратификации Конституции; 10 из них получили одобрение 15 декабря 1791 г.) [11, с. 368]. В Основном законе ФРГ в первом разделе первые девятнадцать статей (ст. 1–19) посвящены этому своду – правам человека и гражданина как важнейшему основанию демократической государственности [11, с. 68–74]. Это приоритет для страны, пережившей драматический период нацизма и преступлений против человечности. В России в ст. 2 Конституции РФ закреплен приоритетным принцип прав и свобод человека – высших ценностей (а такие принципы как территориальная целостность государства и неприкосновенность территории РФ закреплены следом в ст. 4): «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [12, с. 4].

В условиях демократической государственности освоение конституционных прав и сво-

бод способствует развитию гражданского самосознания. Активная верификация высших ценностей должна находить и подтверждение в результатах практического созидания демократического правового государства с социально-ориентированной экономикой. Можно утверждать, обеспечение социально-политического потенциала гражданства и эффективного функционирования институтов гражданского общества как важнейших составляющих укрепления народного суверенитета востребует новые каналы выражения позиции граждан по тому или иному вопросу, конкретные способы их активного влияния на принятие органами власти значимых решений для стабильного развития современной России.

Библиографический список

1. *Алексеев, С. С.* Право. Опыт комплексного исследования [Текст] / С. С. Алексеев. – М., 1999. – 158 с.
2. *Барабашев, Г. В.* О хартиях местного самоуправления в США [Текст] / Г. В. Барабашев // Государство и право. 1994. – № 5.
3. *Беленко, Н.* Становление и развитие федеративных отношений в России (90-е гг. XX – начало XXI вв.) [Текст]: дис. ... д-ра ист. наук / Беленко Н. 07.00.02. – М., 2006. – 455 с.
4. В Волгоградской области по-новому распределили избирательные округа // [Электронный ресурс]: <http://vpravda.ru> «Политика» 14140 (дата обращения: 10.11.2015).
5. *Гейл, В.* Трансформация национального вопроса: новые подходы к национализму, федерализму и суверенитету [Текст] / В. Гейл // Федерализм: российское и международное измерения. Опыт сравнительного анализа / под ред. Р. Хакимова. – Казань: Казанский институт федерализма, 2004.
6. *Геллнер, Э.* Нации и национализм [Текст] / Э. Геллнер / Пер. с англ. Т. В. Бредниковой, М. К. Тюнькиной; ред. и послесл. И. И. Крупника. – М.: Прогресс, 1991.
7. *Данакари, Р. А.* Этническое Бытие (социально-философского и политического исследования): Монография [Текст] / Данакари Р. А. – Волгоград: Изд-во ВФ ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2015. – 348 с.
8. *Добрынин, Н.* Новый федерализм: концептуальная модель государственного устройства Российской Федерации [Текст] дис. ... д-ра юр. наук / Добрынин Н. 12.00.02. – Тюмень, 2004. – 634 с.
9. Информация о ходе реализации Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ

«Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в 2007 г. [Текст] // Доклад Министерства регионального развития РФ // Муниципальная власть. – 2008. – № 2.

10. *Керимов, Д. А.* Методология права [Текст] / Д. А. Керимов. – М., 2000. – 531 с.

11. Конституции зарубежных государств [Текст] / Сост. проф. В. В. Маклаков. 3-е издание, перер., и дополненное. – М.: Издательство БЕК, 2000. – 592 с.

12. Конституция Российской Федерации / [Текст]. – М.: Юридическая литература, 1993. – 64 с.

13. *Малько, А. В.* «Правовая жизнь» как важнейшая категория юриспруденции [Текст] / А. В. Малько // Государство и право. – 2000. – № 2.

14. *Мальцев, Г. В.* Понимание права. Подходы и проблемы [Текст] / Г. В. Мальцев. – М., 1999. – 99 с.

15. О референдумах на территории Волгоградской области. Закон Волгоградской области № 38-ОД. Принят областной Думой 23 ноября 1995 года [Текст] // Волгоградская правда. – 1996. – 13 января.

16. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации / [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ / <http://base.garant.ru> 10104758 (дата обращения: 18.10.2015).

17. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации / [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 25.11.13) / <http://www.referent.ru/1/208345> (дата обращения: 12.11.2015).

18. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ А. Л. Кононова по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами граждан в рамках Постановления Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2005 года № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан» [Текст] // СЗ РФ. 2006. № 3. – Ст. 336.

19. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ В. Г. Ярославцева по делу о проверке

конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в рамках Постановления Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2005 года № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан» [Текст] // СЗ РФ. – 2006. – № 3. – Ст. 336.

20. *Петрухин, И. Л.* Человек как социально-правовая ценность [Текст] / И. Л. Петрухин // Государство и право. – 1999. – № 10.

21. *Путин, В. В.* Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию

2013 г. / В. В. Путин // Российская газета / <http://www.rg.ru/2013/12/12/poslanie.html> (дата обращения: 10.12. 2015).

22. *Сопельцова, Н. С.* Иммунитет Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий [Текст] / Н. С. Сопельцова // Конституционное и муниципальное право. 2005. – № 5.

23. *Субочев, В. В.* Муниципальные законодательные интересы: понятие, природа, закономерности осуществления [Текст] / В. В. Субочев // Государственная власть и местное самоуправление. – 2004. – № 6.

24. *Тургель, И. Д.* Местное самоуправление в России: десять лет в условиях трансформации / [Текст] И. Д. Тургель // Муниципалитет: управление и экономика. – 2012. – № 2 (3).

УДК 323.2
ББК 66.021

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ПОЛИТИК МЕНЕДЖЕРОМ?

С. С. Восканян

Аннотация. В статье рассматривается одна из дискуссионных проблем современной политической науки. В поисках ответа на вопрос об идентификации политика в качестве менеджера автор анализирует авторитарную и демократическую системы. Изучение авторитарного режима происходит на основе истории СССР. Полученный вывод неоднозначен и оставляет возможность для дальнейших исследований.

Ключевые слова: менеджер, история СССР, управление, политический менеджмент, политическая конкуренция.

IS POLITICIAN A MANAGER?

S. S. Voskanyan

Abstract. In this paper, we discuss one of the controversial problems of the modern political science. We attempt to find out whether a politician can be identified as a manager by analyzing authoritative and democratic political systems. Drawing on the example of the USSR's history the authoritative system is studied. The conclusion is ambiguous and enables further research.

Keywords: manager, the USSR's history, management, political management, political competition.

В настоящее время среди специалистов отсутствует единая точка зрения по вопросу, вынесенному в название статьи. Сторонники и противники того или иного утверждения приводят свои аргументы и контраргументы. Чтобы разобраться в этом вопросе для начала необходимо определиться с такими понятиями как политик, управленец и менеджер. В данной работе под этими терминами будет подразумеваться следующее.

Политик – это лицо, чья деятельность направлена на участие в делах государства. Основными целями данной деятельности являются: в лучшем случае приход к власти или удержание власти, в крайнем – использование власти или влияние на власть.

Управленец – это индивид, целью деятельности которого является планирование, организация, мотивация и контроль процессов в определенной сфере (институте, организации и т.д.) через в основном административно-

командные, а в случае необходимости, силовые методы.

Менеджер – это практик управления социально-экономическими процессами в условиях рыночной экономики с использованием методов в основном непринудительного (экономического и социально-психологического) характера.

С точки зрения методов в чистом виде ни управления, ни менеджмента не существует. В управлении также применяются экономические и социально-психологические методы, а в менеджменте – административно-командные. Однако их использование в обоих случаях сведено к минимуму, акцент делается на свои методы.

В политическую сферу менеджмент пришел в конце XIX в. из экономики. Там он начал зарождаться в середине того же столетия [2, с. 23]. Как в случае с бизнес-менеджментом данный процесс в политике первоначально затронул наиболее развитые (только теперь уже политически) страны. Помимо этого, экономический и политический менеджмент объединял еще ряд черт: наличие их отдельных элементов в управлении еще с древних времен, применяемые технологии, причины появления. На последних, только относительно политменеджмента, остановимся подробнее. Среди причин возникновения менеджмента в политической сфере главными являются две.

Первая причина – развитие политического рынка и конкуренции. Это стало следствием развития демократии, способствовавшей резкому увеличению числа игроков на политическом поле. Их рост усиливал конкуренцию. Субъектам политики становилось все труднее влиять на других участников и особенно на массы. Это вынуждало политиков искать новые методы управления массами, социальными группами и даже отдельными индивидами, манипулируя ими, убеждая их в правильности своих взглядов и эффективности предлагаемой программы действий по решению тех или иных проблем общества. К тому же, применение административно-командных, но и особенно силовых методов в политической сфере все больше ограничивалось законодательно. Поэтому для легальной и легитимной политической деятельности ее участникам оставалось развивать экономическое и социально-психологическое направление.

Вторая причина – усложнение структуры общества, в том числе политической. Зримыми признаками этого были: 1) рост численности населения: в течение XIX столетия в Англии (Британские острова с Ирландией) он составил 2,6 раза, России – 3,6, США – 12,7 и т.д.); 2) возник-

новение новых социальных групп и слоев (профессиональных, расовых, религиозных, этнических и др.); 3) появление общественных организаций и, в первую очередь, партий и профсоюзов; 4) развитие средств массовой информации; 5) количественное и качественное изменение структуры власти (рост чиновничьего аппарата, усиление процесса разделения власти и т.д.); 6) повышение образовательного уровня населения; 7) развитие науки и появление соответствующих подходов и теорий в вопросах цивилизованного, мирного (не административно-силового) и при этом более эффективного способа управления людьми. Все эти факторы стимулировали рост спроса на поиск новых технологий управления. Но к этому времени человеческая история разработала уже все возможные методы управления. И их было два – «кнут» и «пряник». Ничего нового придумать было невозможно. Просто акцент в управлении стал постепенно смещаться с «кнута» на «пряник», так как использование первого становилось уже менее эффективным и более проблематичным.

Таким образом, можно констатировать, что политический менеджмент зародился естественным путем по вышеназванным причинам. А теперь попытаемся ответить на вопрос, вынесенный в название данной статьи.

Для начала необходимо изучение ситуации относительно наличия политического менеджмента в тех или иных режимах. Как было сказано выше, политменеджмент расцветает при полноценном политическом рынке, который, в свою очередь, возможен только при демократическом режиме. Причем существует прямая зависимость между степенью развитости демократии и политического менеджмента: чем больше первого, тем шире представлен второй. Однако даже в самых демократических странах в настоящее время по-прежнему сохраняется немало элементов из управления (традиционного). Причинами этого являются не только субъективные факторы, но и объективные. Например, обеспечения законности и порядка, безопасности граждан невозможно достичь только за счет применения социально-психологических методов. Как показывает вся мировая история, желающих нарушить общественный порядок хватало всегда и в любой политической системе, поэтому для предотвращения этого требуются прежде всего административные и силовые методы. Но если процветание демократии способствует развитию политменеджмента, то какова ситуация в авторитарных и тоталитар-

ных режимах? Можно ли утверждать об отсутствии там политменеджмента и, следовательно, политиков в сообразном амплуа?

В качестве анализа возьмем СССР, познавшего в своей истории периоды и авторитаризма, и тоталитаризма.

В Советском Союзе существовала монополия одной партии, то есть политический рынок и конкуренция отсутствовали. Но внутри коммунистической партии ситуация несколько отличалась – конкуренция и борьба за власть были практически на всех организационных уровнях, хотя в тоже время оба процесса через различные формальные и неформальные правила и нормы контролировались и регулировались соответствующими структурами и должностными лицами, да и степень открытости этой борьбы и участия в ней масс не соответствовали элементарным требованиям демократии. При развитом менеджменте такая борьба бывает максимально публичной, так как игроки постоянно находятся под пристальным вниманием конкурентов, их сторонников и СМИ, ищущих малейшего повода для критики и разоблачений. Спрятаться трудно и практически негде, даже при всем желании политического субъекта. Поэтому, с одной стороны, страх перед демаскировкой, а с другой – сами обвинения вынуждают политиков быть максимально открытыми и честными. В советской компартии конкурентная борьба была максимально закрытой. Рядовые члены партии, уж не говоря об остальной части общества, в лучшем случае узнавали о ней лишь по муссировавшим в народе слухам, а в худшем – вообще ничего не знали. И лишь с течением времени, например, при смене правителя страны соответствующая информация в дозированной виде доводилась до народа. Поэтому можно сказать, что на **внутрипартийной политической сцене** существовали лишь **определенные элементы** рынка, и, следовательно, менеджмента. Однако такая ситуация сложилась не сразу.

Начиная с Октября 1917 г. и примерно до середины 1930-х гг. в стране существовала определенная политическая конкуренция. И даже временами она принимала публичный характер. Но в авторитарной системе такое долго не могло продлиться. Сначала большевики запретили все партии, оставив только свою, и все общественные организации, которые были им не подконтрольны. Потом очередь дошла и до чистки политического поля внутри собственной партии. К концу 1920-х гг. перестали существовать всевозможные «группировки», «платформы» и «фракции». Процесс борьбы с инакомыслием не только

в партии, но и стране в целом завершился во второй половине 1930-х гг. в результате большого террора. Всякое политическое противодействие было подавлено [1, с. 410]. В тоже время опеределенные споры, дискуссии, разные точки зрения на всех уровнях государственной и партийной пирамиды власти продолжали сохраняться, хотя и в урезанном виде, вплоть до второй половины 1980-х гг., пока они опять не начали приобретать публичный характер.

Тогда приходим к выводу, что в советский период субъекты политической сферы не были менеджерами? Но поставлю вопрос по-другому: а были ли они политиками? Представителей из высшего уровня государства, партии и общественных организаций, с полным основанием можно назвать **деятелями** (государственными, политическими, партийными и т.д.), но не политиками. Политик и политический деятель – это не одно и тоже. Политик может быть или не быть деятелем (государственным, политическим и т.д.), также как деятель может быть или не быть политиком. Разницу между политиком и деятелем, наверное, лучше всех сформулировал У. Черчилль, которому приписывают следующие слова: *«Отличие государственного деятеля от политика в том, что политик ориентируется на следующие выборы, а государственный деятель – на следующее поколение»*. То есть главное – это выборы. В СССР же выборов, в западном понимании этого слова, с многопартийностью, конкуренцией, свободой слова и т.д. – не было. Поэтому главным игрокам на политической сцене не требовалось вырабатывать и проявлять необходимые для политиков качества в том объеме и формах, как это делали их коллеги в странах развитой демократии. Эти качества были такими же минимальными, как и демократия в нашей стране. Кроме того, отсутствие беспокойства о выборах, и, следовательно, о своей политической судьбе, было следствием твердого убеждения советских руководителей (да и всего народа), что коммунисты пришли к власти навсегда. А отсюда – действия во всех сферах общества были нацелены на долгосрочное будущее, «следующее поколение». Данная реальность фиксировалась и в применяемой в стране терминологии. В устной и письменной речи представителей власти и специалистов (ученых, журналистов и др.) чаще звучало слово «деятель», чем «политик», в том числе в отношении зарубежных политиков. Так, например, в вышедшем в 1990 г. энциклопедическом издании «Кто есть кто в мировой политике», в котором была представлена информация об отечественных и зарубежных гражданах, ска-

зано, что оно содержит «краткие биографические сведения о государственных, политических и религиозных деятелях (выделено мною – С.В.), дипломатах, руководителях общественных организаций, представителях деловых кругов, других лицах, чьи имена особенно часто встречаются на страницах мировой печати» [4, с. 4].

Что касается руководителей среднего и низшего звена государственных, партийных и общественных учреждений, то, помимо вышеназванных причин, они фактически в большей степени были исполнителями решений, принятых вышестоящими должностными лицами и структурами нежели самостоятельными субъектами. Административно-командная система с плановой моделью общественного развития оставляла им мало свободы. Многие решения, принимаемые нижестоящими уровнями, необходимо было согласовывать с вышестоящими. Можно ли в такой ситуации хотя бы глав государственных (исполнительных и представительных) и партийных органов власти среднего и низшего уровней называть политиками? Наверяд ли. Они, скорее всего, **исполнители-управленцы, функционеры**. Лишь наиболее выдающиеся из них, возможно, заслуживали звания деятелей (государственных, советских, общественных, партийных и т.д.), но никак не политиков.

Итак, полноценного политического менеджмента в СССР не было, но в некоторых областях его элементы активно применялись и проявлялись.

Во-первых – в дипломатии. Наверное, это та часть политической сцены, где политменеджмент, с его экономическими и социально-психологическими методами, наиболее востребован, и без которого вообще невозможна дипломатия. Данные методы – основа и суть самой дипломатии. Ведь только с помощью политического давления (не военного, хотя и нередко с угрозой его применения), убеждений, уговоров, компромиссов, подкупов, манипуляций и т.д., участникам переговоров удается прийти к единому мнению, временами принимающему форму правовых актов. А отечественная дипломатия в тот период была одной из самых сильных в мире, что является наглядной демонстрацией степени использования менеджерских технологий. (Конечно, не следует забывать, что успех любой дипломатии всегда подкрепляется политическим, экономическим и военным потенциалом страны. Однако в истории можно найти немало примеров, когда сильное во всех смыслах государство не могло воспользоваться своим преимуществом для отстаивания своих интересов или закрепле-

ния достигнутых успехов (например, Россия на Берлинском конгрессе в 1878 г.), или, наоборот, страна, не имеющая больших соответствующих ресурсов, с помощью дипломатии смогли отстаивать свои интересы (например, малые европейские страны, которые во время многочисленных войн между более крупными державами и оккупаций с успехом сохраняли свою независимость)).

Во-вторых – в деятельности спецслужб. Именно с помощью социально-психологических методов представители данных организаций добиваются многих своих целей (не путать с применяемыми методами внутри спецслужб в отношении собственных сотрудников), особенно в вербовке агентов. Силловые приемы в их арсенале, включая физическое устранение негодных лиц и групп, – это лишь крайние меры, когда очень часто исчерпаны все другие. И не секрет, что ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ была одной из лучших организаций в своем деле.

В-третьих – в мобилизации масс. Способности властей к привлечению населения к определенным действиям наиболее осязаемо нашли свое отражение в следующих событиях и явлениях: 1) очень высокой явке избирателей на проводимых выборах, 2) массовой добровольной отправке на фронт во время Великой Отечественной войны, 3) участия на многочисленных стройках (городов, предприятий, ГЭС, железных дорог и т.д.) в разных уголках страны. Все это государство добивалось с помощью агитации и пропаганды, а длястроек – еще и материальных и нематериальных стимулов, то есть базовых элементов менеджмента.

Отсутствие менеджмента, в том числе политического, в СССР неизбежно приводит к вопросу: правы ли были западные исследователи, назвавшие в свое время Л. Берия «лучшим менеджером XX века»? [3]. Думаю, что такая идентификация неправильна. Во всех институтах общества, структурах, уровнях тогда господствовало управление, что вполне логично, учитывая существовавший режим. Тем самым, административно-командные методы фактически, признавались наиболее востребованными и эффективными. В своей деятельности, не только политической, но и в целом – управленческой, Л. Берия не был исключением, и также ставку делал на эти же методы. Поэтому Л. Берия правильно было бы назвать **управленцем**, а не менеджером. И хотя немало должностных лиц, в том числе Л. Берия, в своих методах руководства предоставляли исполнителям заданий определенную (иногда даже очень большую) свободу действий,

а также всячески стимулировали конкуренцию, особенно в ее мягкой форме – соревнованиях, начиная от индивидуальной (между двумя работниками) и заканчивая коллективной (между отдельными подразделениями, предприятиями, учреждениями), в целом общественная система все-таки находилась под жестким контролем государства и доминированием административных и силовых методов в управлении. Что касается «менеджества» Л. Берии, то, возможно, произошла просто экстраполяция термина, применяемого западными специалистами во внутренней среде (собственных странах) на внешнюю среду (в данном случае – СССР) при анализе одной и той же сферы – управления политическими и социально-экономическими процессами.

Определившись с ситуацией в авторитарном/тоталитарном режиме (не исключено, что в других аналогичных политических системах положение немногим отличается от приведенного), вернемся к демократии. Хотя выше говорилось, что развитие демократии ведет к расцвету политменеджмента, однако далеко не всех управленцев в политической сфере в демократических странах можно автоматически зачислить в менеджеры. Рассмотрим это на примере некоторых основных субъектов политики.

Во-первых – это законодательные и исполнительные органы власти. В законодательных – менеджеризм депутатов сведен к минимуму, так как они напрямую никем не управляют. Их управленческая функция осуществляется опосредованно, главным образом через принимаемые правовые акты. Иная ситуация в исполнительных органах. Определенную часть ее чиновников можно классифицировать как менеджеров. Однако степень их менеджеризма различна и напрямую зависит от занимаемой должности: чем она выше, тем в большей степени ее обладатель является менеджером. Так, к примеру, руководитель внутриорганизационного структурного подразделения (министерства, комитета, отдела и т.д.) или глава территориального уровня (страны, региона, района, города) в большей степени менеджер, чем его подчиненные или нижестоящие должностные лица. Степень свободы в принятии решений и определяет степень менеджеризма того или иного гражданского служащего исполнительного органа власти.

Менеджмент в демократических странах имеет тенденцию к росту. Он все больше и больше охватывает новые сферы общества, территории, уровни власти. И теперь даже в России в последние годы появились такие термины как

«социальный менеджмент», «государственный менеджмент», «муниципальный менеджмент» и др., а вместе с ними научные направления исследований, что еще раз подтверждает постепенную трансформацию исполнительной власти из исполнительно-управленческой, исполнительно-распорядительной в менеджерскую. Происходит постепенное преобразование применяемых методов управления, главным образом в отношении внешней среды (общества).

Во-вторых – это общественно-политические организации и, в первую очередь, партии. Их руководители могут считаться менеджерами в той степени, в какой деятельность организации базируется на демократических началах, принципах свободы и конкуренции, открытости и использовании экономических и социально-психологических методов управления. Если организация в своей работе ориентируется на директивные, а тем более силовые методы, то в лучшем случае менеджмент сведен к минимуму (присутствуют его отдельные или урезанные элементы), а в худшем – он вообще отсутствует, и тогда в организации процветает обычное управление.

В-третьих – это политики, не занимающие руководящих должностей в вышеназванных структурах (органах власти, партиях), в том числе их рядовые члены, одиночки, не входящие в какие-либо структуры и некоторые другие. Большинство таких политиков нельзя считать полноценными политическими менеджерами, так как их управление сведено к минимуму. Однако в отдельных случаях лица без должностей и даже не входящие в политические организации, будучи неформальными лидерами определенной части общества (например, лидеры мнений), могут не только быть политическими менеджерами, но и быть таковыми очень эффективными и успешными.

Таким образом, однозначный ответ на поставленный в данной работе вопрос не представляется возможным. Можно лишь констатировать, что демократическая система (или правила игры) в отличие от авторитарной/тоталитарной порождает спрос на политиков-менеджеров. Причем, чем содержательнее демократия, тем выше данный спрос.

Библиографический список

1. Государственная политика и управление [Текст]: учебник. В 2-х ч. Часть II / Под ред. Л. В. Сморгунова. – М.: Российская поли-

тическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 495 с.

2. *Кравченко, А. И.* История менеджмента: [Текст]: учебное пособие для студентов вузов / А. И. Кравченко. – М.: Академический Проект, 2000. – 352 с.

3. *Кремлев, С.* Берия. Лучший менеджер XX века [Текст] / С. Кремлев. – М.: ЭКСМО, Яуза, 2008. – 796 с.

4. Кто есть кто в мировой политике [Текст] / Редкол.: Кравченко Л. П. (отв. ред.) и др. – М.: Политиздат, 1990. – 559 с.

УДК 328 (470.45)

ББК 66.033.111 (2Рос-4Вог)

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС АППАРАТА РЕГИОНАЛЬНОГО ПАРЛАМЕНТА (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ДУМЫ)

К. В. Головина

Аннотация. Статья посвящена правовому статусу аппаратов региональных парламентов Российской Федерации. Выделены основные функции региональных парламентов, а так же выделены их названия (типы). Исследован нормативно-правовой статус парламента Волгоградской области и его аппарата. Уточняются принципы формирования регионального парламента Российской Федерации и определяется нормативно-правовой статус аппарата Волгоградской областной Думы, как регионального парламента Российской Федерации. Определяются особенности профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих аппарата регионального парламента.

Ключевые слова: региональный парламента, нормативно-правовой статус, Волгоградская областная Дума, аппарат регионального парламента.

LEGAL STATUS OF THE APPARATUS OF THE REGIONAL PARLIAMENT (THE VOLGOGRAD REGIONAL DUMA CASE STUDY)

K. V. Golovina

Abstract. The paper seeks to characterize the legal status of regional parliaments of the Russian Federation. We explore the basic functions of the regional parliaments and give their names (types). Further, we analyze the legal status of the Parliament of the Volgograd region and its apparatus, clarify the principles of formation of a regional parliament of the Russian Federation and determine the legal status of the apparatus of the Volgograd Regional Duma as a regional parliament of the Russian Federation. The paper shows specific character of professional activity of civil servants working in the apparatus of the regional parliament.

Keywords: regional parliament, legal status, the Volgograd Regional Duma, apparatus of regional parliament.

В настоящее время парламентаризм в России развивается на всех уровнях законодательной и представительной власти – федеральном, региональном, местном. Особый интерес к региональным парламентам объясняется тем, что региональные парламента получили особый правовой статус, в рамках которого наделены особыми полномочиями и функциями [9].

Парламенты субъектов России – законодательные (представительные) органы власти в субъектах Российской Федерации. Действующее законодательство (ФЗ № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ») содержит следующее определение: «законодательный (представительный) орган государственной вла-

сти субъекта Российской Федерации является постоянно действующим высшим и единственным органом законодательной власти субъекта Российской Федерации» [7].

Наиболее важной функцией регионального парламента является представительная, которая отражает интересы населения, принимает законы, способствующие повышению уровня жизни населения, а также социальной и правовой защищенности. Второй, не менее значимой функцией регионального парламента является законодательная. Законодательный процесс, осуществляемый региональным парламентом – это упорядоченная деятельность парламента по принятию закона, включающая внесение и рассмотрение законопроекта, принятие, подписание и обнародование закона.

Также региональный парламент наделен полномочиями – формировать систему органов исполнительной власти, назначать и освобождать от должности отдельных должностных лиц, оформлять решение о недоверии (дове-

рии) высшему должностному лицу. В этом проявляется еще одна функция регионального парламента – формирующая.

Федеративное устройство России включает в себя 85 региональных парламентав.

Различные типы парламентав в субъектах Российской Федерации [10]

Наименование регионального парламента	Количество
Законодательное собрание	29
Областная дума	21
Государственное собрание	5
Государственный совет	5
Собрание депутатов	3
Совет депутатов	3
Народное собрание	3
Хурал	3
Парламент	3
Государственная дума	2
Прочие	7

Как следует из представленных в таблице данных, региональные парламента в Российской Федерации имеют различные названия (типы). Российскую Федерацию составляют 6 категорий субъектов: республики, края, области, города федерального значения, автономная область и автономные округа, которые являются субъектами федерации. Несмотря на различные типы, правовой статус региональных парламентав основывается на действующей Конституции РФ, которая, согласно ст. 5, закрепляет равноправие всех субъектов во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти [5].

Региональные парламента в Российской Федерации в своей работе опираются на аппарат, формирующийся на профессиональной основе государственных служащих.

В толковом словаре русского языка С. И. Ожегова государственный аппарат определяется как совокупность сотрудников учреждения, организации, какой-нибудь области управления [4]. Исходя из этого определения, можно сделать вывод, что аппарат регионального парламента это совокупность сотрудников аппарата, обеспечивающих функционирование регионального парламента.

Волгоградская областная Дума – постоянно действующий, высший и единственный, выборный представительный и законодательный орган государственной власти, обладающий правом представлять интересы населения и принимать от его имени законодательные акты по предметам ведения Волгоградской области, а также в пределах полномочий области по предметам совместного ведения Волгоградской области и Российской Федерации (п. 1 ст. 22 Устава Волгоградской области).

Нормативно-правовой статус представительных выборных органов субъектов Российской Федерации, а так же аппаратов региональных парламентав – совокупность прав и обязанностей, гарантии и порядок деятельности региональных парламентав и аппаратов региональных парламентав, а также процедуры приостановления или прекращения их деятельности.

Правовой статус Волгоградской областной Думы определен в главе III Устава Волгоградской области. Согласно п. 5 ст. 22 Устава Волгоградской области, «организационное, правовое, информационное и материально-техническое обеспечение работы Волгоградской областной Думы осуществляет аппарат, статус и социаль-

ные гарантии сотрудников которого определяются областным законодательством» [1].

Нормативно-правовой статус аппарата Волгоградской областной Думы закреплен в Положении об аппарате Волгоградской областной Думы. Согласно этому Положению, аппарат Волгоградской областной Думы является постоянно действующим органом Волгоградской областной Думы, осуществляющим организационное, юридическое, информационное, аналитическое, кадровое, документационное, материально-техническое, социально-бытовое и хозяйственное обеспечение Думы. В своей деятельности аппарат руководствуется Конституцией Российской Федерации, законами Российской Федерации, Уставом Волгоградской области, Законом Волгоградской области «О государственной гражданской службе Волгоградской области», иными законами Волгоградской области, Положением об аппарате Волгоградской областной Думы, постановлениями Волгоградской областной Думы и распоряжениями председателя Волгоградской областной Думы. Контроль за деятельностью аппарата осуществляет председатель Думы [3].

Основными задачами аппарата регионального парламента являются:

- юридическое и организационно-техническое обеспечение законодательной деятельности Думы и ее взаимодействие с субъектами права законодательной инициативы;
- организационно-техническое и юридическое сопровождение взаимодействия Думы с органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, гражданами, политическими партиями, общественными движениями и организациями, средствами массовой информации;
- своевременное и полное обеспечение граждан достоверной информацией о деятельности Думы;
- проведение мероприятий, направленных на повышение эффективности работы по обеспечению деятельности Думы.

Конкретизация задач аппарата происходит путем распределения функций между его структурными подразделениями и определяется положениями о структурных подразделениях, должностными регламентами государственных гражданских служащих аппарата и должностными инструкциями сотрудников аппарата, не замещающих должности государственной гражданской службы Волгоградской области.

Положения о структурных подразделени-

ях, должностные регламенты государственных гражданских служащих аппарата и должностные инструкции сотрудников аппарата, не замещающих должности государственной гражданской службы Волгоградской области, утверждаются председателем Думы.

Непосредственное руководство работой аппарата осуществляет руководитель аппарата, который:

- организует деятельность аппарата и несет ответственность за выполнение возложенных на аппарат задач;
- координирует и контролирует деятельность структурных подразделений, входящих в состав аппарата;
- представляет аппарат при взаимодействии с органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, гражданами, политическими партиями, общественными движениями и организациями, средствами массовой информации;
- в пределах установленных полномочий подписывает документы и письма, визирует проекты распоряжений председателя Думы и иные документы Думы;
- обеспечивает формирование кадрового состава аппарата и совершенствование кадровой работы;
- осуществляет иные полномочия в соответствии с постановлениями Думы, распоряжениями и поручениями председателя Думы.

Руководитель аппарата назначается председателем Думы в соответствии с законодательством о государственной гражданской службе.

На время отсутствия руководителя аппарата или невозможности осуществления им своих должностных обязанностей функции и полномочия по исполнению обязанностей руководителя аппарата на соответствующий срок возлагаются председателем Думы на одного из руководителей структурных подразделений аппарата Думы.

Структурные подразделения аппарата возглавляют руководители, назначаемые на должность и освобождаемые от должности председателем Думы в соответствии с законодательством о государственной гражданской службе (ФЗ № 79 «О государственной гражданской службе Российской Федерации») [8].

Правовое положение сотрудников аппарата, замещающих должности государственной гражданской службы Волгоградской области, и процесс прохождения ими службы регламентируются федеральным законодательством

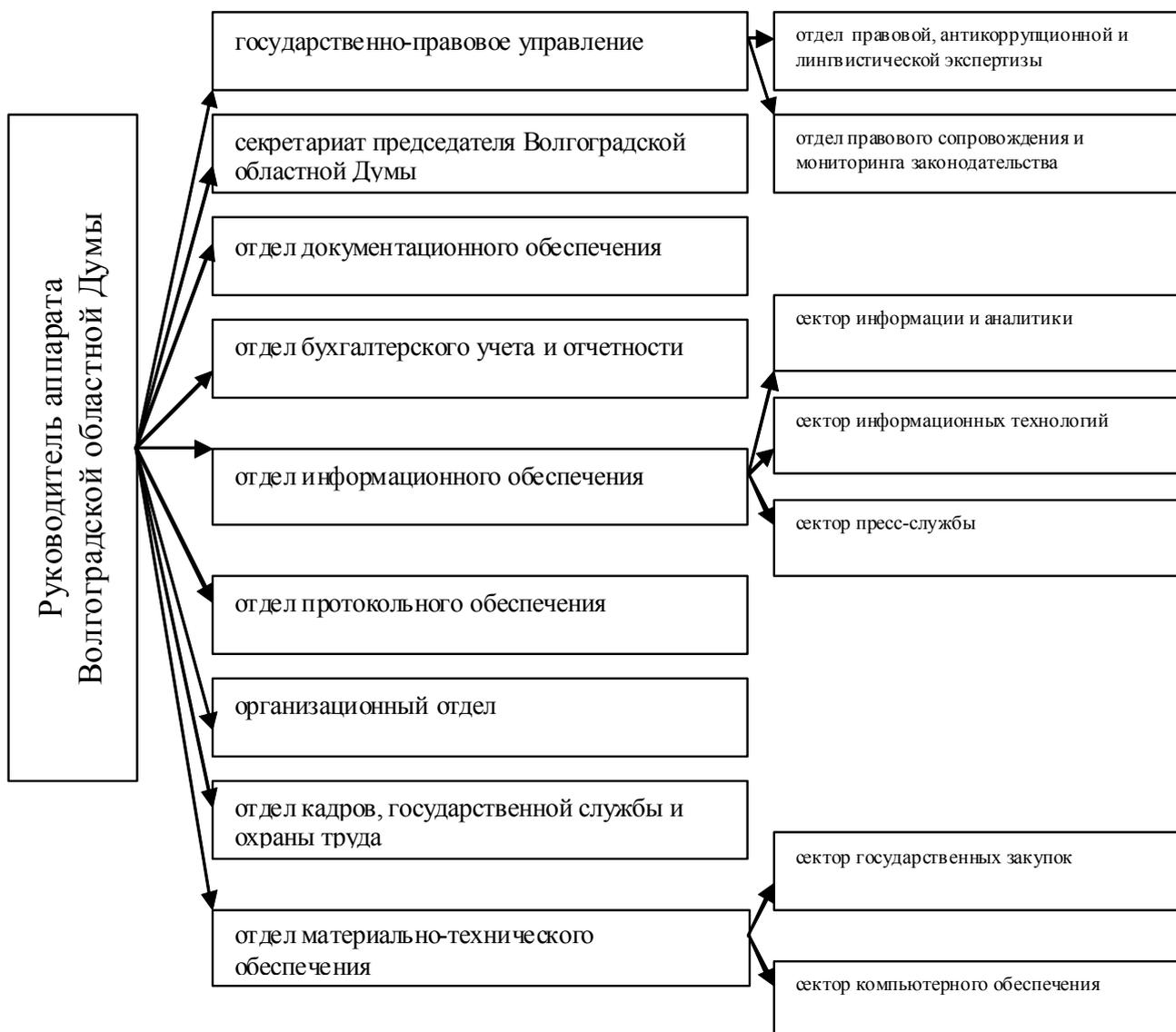
(ФЗ № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации») [8] и законодательством Волгоградской области о государственной гражданской службе (Закон Волгоградской области № 1045-ОД «О государственной гражданской службе Волгоградской области») [2].

Профессиональная служебная деятельность государственного гражданского служащего аппарата осуществляется в соответствии с должностным регламентом, разрабатываемым

непосредственным руководителем служащего по согласованию с вышестоящими руководителями и отделом кадров, государственной службы и охраны труда и утверждаемым председателем Думы.

Трудовая деятельность сотрудников аппарата, замещающих должности, не отнесенные к должностям государственной гражданской службы Волгоградской области, регулируется законодательством Российской Федерации о труде (ФЗ № 197-ФЗ ТК РФ) [6].

**Структура аппарата
Волгоградской областной Думы**

Исходя из вышесказанного, следует отметить, что основными задачами аппарата регионального парламента являются: создание необходимых условий для эффективной работы регионального парламента, его структурных подразделений, оказание практической помощи депутатам в осуществлении их полномочий. Аппарат регионального парламента в своей деятельности руководствуется Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными и федеральными законами, нормативными правовыми актами Президента и Правительства Российской Федерации, законами субъекта Российской Федерации, Регламентом регионального парламента, постановлениями и решениями регионального парламента, распоряжениями председателя регионального парламента и руководителя аппарата регионального парламента и Положением об аппарате регионального парламента.

Библиографический список

1. Закон Волгоградской области от 24.02.2012 г. № 1-ОД «Устав Волгоградской области» // Волгоградская правда. – 2012. – № 35.
2. Закон Волгоградской области от 8.04.2005г. № 1045-ОД «О государственной гражданской службе Волгоградской области» / Волгоградская область. Законы. – Доступ из СПС Гарант (дата обращения: 22.05.2014).
3. Постановление Волгоградской области Волгоградской областной Думы от 23.10.2014 г. № 3 «Об аппарате Волгоградской областной Думы»: – Доступ из СПС Гарант (дата обращения: 22.05.2015).
4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка. Мир и Образование [Текст] / С. И. Ожегов. – Оникс, 2011. – 736 с.
5. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. / Российская Федерация. Конституция (1993). – М.: Проспект, 1999. – 48 с.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ / Российская Федерация. Законы. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/> (дата обращения: 22.05.2015).
7. Российская Федерация. Законы. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: федер. закон: [принят 6.10. 1999 г. № 184-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.
8. Российская Федерация. Законы. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон: [принят 27.07.2004 г. № 79-ФЗ] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/> (дата обращения: 22.05.2015).
9. Чиркин, В. Е. Законодательная власть [Текст] / В. Е. Чиркин. – М.: Норма, 2008. – 318 с.
10. Шаклеин, Н. И. Современный парламент: Конституционно-правовой статус и организация деятельности [Текст]: учеб. пособие / Н. И. Шаклеин. – М.: Изд-во Института ювенальной юстиции РГСУ, 2009. – 119 с.

УДК 327(470)(477)
ББК 66.4(2Рос),30(4Укр)

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: УКРАИНА КАК ФОРСАЙТ

Д. Э. Иманов

Аннотация. В представленной статье рассматриваются актуальные социально-экономические и политические проблемы Украины, отмечается схожесть ее социально-политической действительности (до гражданской войны) с ситуацией в РФ. Автор отмечает, что именно внутренние, нерешаемые на протяжении длительного времени властями страны проблемы во многом способствуют успеху внешнего деструктивного воздействия на государство.

Ключевые слова: Россия, Украина, гражданская война, внешнее деструктивное воздействие, индекс восприятия коррупции, рейтинг экономических свобод, рейтинг верховенства закона, национальная безопасность.

NATIONAL SECURITY OF MODERN RUSSIA: UKRAIN AS A FORESIGHT

D. E. Imanov

Abstract. The paper focuses on the current socioeconomic and political problems of Ukraine and shows that Ukraine's sociopolitical situation (before the civil war) and that of Russia are similar. The paper notes that internal long-lasting problems in Ukraine contribute much to the success of external destructive influence.

Keywords: Russia, Ukraine, civil war, external destructive influence, corruption perception index, economic freedom rating, supremacy of law rating, national security.

Социально-политический кризис и последовавшая за ним гражданская война на территории Украины актуализировали вопросы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. События в соседнем государстве со всей очевидностью продемонстрировали полную незащищенность нестабильного в социально-политическом и экономическом плане государства перед, говоря словами З. Бжезинского, «...мирным идеологическим проникновением...» [1, с. 21]. Коррупция, глубокое социальное расслоение и неравенство, неравноправие субъектов экономических отношений, клановость в политической сфере, практически полная незащищенность национального информационно-просветительского и культурно-образовательного пространства от иностранного вмешательства подготовили благодатную почву для проникновения деструктивных идей и установок на территорию Украины и упрочения их в сознании украинского общества. Все вышеперечисленные недостатки внутренней политики в той или иной мере присущи российской социально-политической действительности. Некоторые эксперты в открытую называют российский и украинский олигархические режимы идентичными: «...Украина и Россия – близнецы и братья, только масштабы криминала и коррупции раз-

ные...» [4]. Чтобы подтвердить тезис о схожести социально-политической действительности двух стран стоит обратиться к статистике. В качестве сравниваемых показателей возьмем 6 ключевых индикаторов: эффективность работы правительства, качество законодательства, сдерживание коррупции, рейтинг восприятия коррупции, рейтинг экономических свобод и рейтинг верховенства закона. Очевидно, что любая статистика всегда несет в себе некий элемент ангажированности и субъективности, что ставит под вопрос объективность представляемых данных, однако в качестве определения тенденции она вполне пригодна.

Начнем с первых трех показателей: эффективность работы правительства, качество законодательства и сдерживание коррупции. Данные индикаторы ежегодно исследуются Всемирным банком и объединяются понятием «качество государственного управления» [9]. Каждому из вышеперечисленных показателей присваивается оценка – от 0 до 100, которая указывает место страны среди всех стран в мире. Соответственно, чем ниже рейтинг, тем хуже качество государственного управления. Согласно отчету за 2014 год Россия и Украина имеет нижеследующие оценки: эффективность работы правительства: 42 и 22 соответственно, качество законодательства:

39 и 32 соответственно, сдерживание коррупции: 13 и 17 соответственно. В глобальном рейтинге по этим ключевым показателям наши государства располагаются в компании стран так называемого «третьего мира» Азии и Африки. Украина значительно уступает России лишь по эффективности работы правительства, что связано с глубочайшим политическим кризисом и последующей масштабной перекройкой политического поля государства в 2014 году. По качеству законодательства оба государства имеют одинаково низкие показатели, значительно ниже средних оценок. По сдерживанию коррупции обе страны имеют практически равные и одни из самых низких показателей среди всех государств мира, что говорит о минимальной борьбе с коррупцией или об отсутствии таковой вовсе.

Следующий показатель – индекс восприятия коррупции [11], показывающий масштабы распространения коррупции в государственном секторе. Данный индикатор ежегодно исследуется международной организацией Transparency International на основании оценок субъектов всех ключевых сфер общества изучаемого государства, непосредственно сталкивающихся в своей деятельности с коррупционными проявлениями. Страны и территории ранжируются по шкале от 0 (самый высокий уровень коррупции) до 100 (самый низкий уровень коррупции). Согласно данным за 2014 год индекс России составляет 27 (136 место), Украины – 26 (142 место). Чтобы проследить динамику и продемонстрировать, что существенной работы в области борьбы с коррупцией в двух государствах не проводится, достаточно привести индексы за предшествующие 2 года: в 2013 году индекс составил 28 и 25 соответственно, в 2012 году – 28 и 26 соответственно. Поводом для национальной гордости обеих стран может служить тот факт, что Россия и Украина борются с коррупцией лучше, чем Таджикистан (152 место), Зимбабве (156 место), Узбекистан (166 место), Северная Корея и Сомали (делят 174 место). Всего в рейтинге – 174 позиции.

Следующий показатель – рейтинг экономических свобод [12], отражающий характер и форму отношений между экономическими субъектами в государстве. Данный индикатор ежегодно исследуется Фондом наследия (The Heritage Foundation). Представленный рейтинг изучает права собственности, свободу от коррупции, фискальную свободу, участие правительства, свободу предпринимательства, свободу

труда, монетарную свободу, свободу торговли, свободу инвестиций, финансовую свободу. Странам выставляется оценка в баллах – от 0 до 100. Чем больше баллов, тем более высоко оценивается уровень экономической свободы в стране. В зависимости от итогового балла все государства делятся следующим образом: со свободной экономикой (более 80 баллов), с преимущественно свободной экономикой (от 70 до 80 баллов), с умеренно свободной экономикой (от 60 до 70 баллов), с преимущественно несвободной экономикой (от 50 до 60 баллов), с несвободной экономикой (менее 50 баллов). Согласно данным за 2014 год, по совокупности показателей Россия получила 52,1 балла (143 место), Украина – 46,9 балла (162 место). Соответственно, наша страна вошла в категорию стран с преимущественно несвободной экономикой, а соседнее государство – в категорию экономически несвободных. Соседями двух государств по рейтингу являются: Вьетнам – 51,7 балла (148 место), Эфиопия – 51,7 балла (149 место), Узбекистан – 47 баллов (160 место), Эритрея – 38,9 балла (174 место), Зимбабве – 37, 6 балла (175 место). Всего в рейтинге – 178 позиций. Последнее место занимает Северная Корея.

Следующий показатель – рейтинг верховенства закона [5]. Данный индикатор ежегодно исследуется международной неправительственной организацией The World Justice Project. Рейтинг изучает ограничение полномочий институтов власти, отсутствие коррупции, порядок и безопасность, защита основных прав, прозрачность институтов власти, соблюдение законов, гражданское правосудие, уголовное правосудие. Странам присваивается индекс – от 0 до 1. Чем больше индекс, тем более высоко оценивается уровень верховенства закона в стране. Согласно данным за 2014 год, индекс России составил 0,45 (80 место), индекс Украины – 0,47 (69 место). Страны располагаются в компании Узбекистана – 0,45 (73 место), Кыргызстана – 0,45 (78 место), Эфиопии – 0,42 (88 место), Уганды – 0,41 (90 место) и Камбоджи – 0,40 (91 место).

Опыт Украины показал, насколько быстро недовольство населения объективно существующими социально-экономическими проблемами при помощи иностранного информационно-финансового вмешательства (сначала помощник госсекретаря США Виктория Нуланд еще в 2014 году заявила о вложении в «процесс демократизации Украины» более 5 миллионов долларов [6], а затем Президент США Барак Обама в

интервью CNN в конце января 2015 года фактически подтвердил, что США стали посредниками при смене власти на Украине [7]) приобретает характер социального протеста, а затем переводится в политическое русло, противопоставляя население и власть друг другу. Ведь изначально требования манифестантов на Майдане не сводились к смене существующего политического режима, и только после грамотно организованных провокаций и последующего разгона палаточного лагеря 30 ноября 2013 года, приказ на который, по словам Президента Украины Виктора Януковича [13], власть не давала, протесты приобрели ярко выраженный политический характер. Результат известен: насильственная смена государственной власти, экономический коллапс, гражданская война, фактический распад государства, практически полное разрушение инфраструктуры на Востоке страны, бесчисленные жертвы среди гражданского населения. По данным ООН с апреля 2014 по 12 февраля 2015 года жертвами гражданской войны стали более 5600 человек [8], однако некоторые эксперты утверждают, что представленные цифры сильно занижены. В частности, немецкие СМИ со ссылкой на источник в разведке сообщают о 50000 вероятных жертвах конфликта на Востоке Украины [10]. На данный момент в результате выработанного в ходе переговоров так называемой «Нормандской четверки» соглашения крупномасштабные боевые действия на территории Украины прекращены, однако опыт предыдущих подобных переговоров, а также тот факт, что коренные противоречия, приведшие к данному конфликту, не устранены, ставят под сомнение соблюдение достигнутых договоренностей и с некоторой уверенностью позволяют говорить о сохранении в среднесрочной перспективе еще одного очага напряженности в непосредственной близости от территории РФ.

Печальный опыт Украины убедительно продемонстрировал потенциальную угрозу национальной безопасности России, ведь многие болевые точки, которые привели к катастрофе соседнее государство, характерны и для нашей страны. Более того, Россия является федеративным, многонациональным и многоконфессиональным государством, что также увеличивает количество потенциальных сценариев внесения раскола в общество. Именно поэтому от действий государства в социально-экономической и информационно-культурной политике будет во многом зависеть сохранение России как суве-

ренного государства. Некоторые формальные шаги в информационной политике уже ведутся. В частности, было ограничено присутствие иностранного капитала в СМИ, однако статья 13 Конституции РФ об отсутствии государственной идеологии по-прежнему существует и отношение государства к национальной истории (особенно к советскому периоду), как и прежде, двойственно и политизировано. В этих условиях, когда государство не может выработать целостную и однозначную позицию по событиям национальной истории, расколоть общество и перевести дискуссию из виртуальной в физическую плоскость не составляет труда. Коренной переконфигурации социально-экономической и политической систем (даже в условиях санкционного давления) властями не проводится. Выступление Дмитрия Медведева на Гайдаровском форуме [2] подтвердило клятвенную верность Правительства экономическому либерализму, дальнейшему уходу государства из экономики, что означает либо искреннее непонимание происходящих вокруг России процессов, либо сознательную диверсию. Так называемый антикризисный план, если отбросить в сторону наслоения медийного освещения и официальной трактовки принятых решений и посмотреть объективно, ничего кроме поддержки банков, выделения средств резерва на сомнительные проекты госкорпораций, секвестра бюджета и масштабных увольнений не предусматривает, а значит, говорить о подлинном импортозамещении, диверсификации экономики, новой индустриализации и продовольственной безопасности (особенно в условиях девальвации национальной валюты, сжатия денежной массы и запретительной процентной политики ЦБ) не приходится [3]. Фактически антикризисный план и логика последних принятых решений говорят о том, что стратегию Правительства можно выразить следующим образом: сократить издержки и переждать санкционно-нефтяную «бурю». Такая «стратегия» действий не способствует решению существующих проблем, а значит, ставит под угрозу национальную безопасность России.

В заключении хотелось бы напомнить, что Россия вкладывает значительные средства в развитие своих вооруженных сил, которые в условиях продвижения НАТО к границам нашей страны должны защитить ее в потенциальном вооруженном конфликте, однако попустительством в вопросах социально-экономического и политического развития, национальной культурно-образовательной и информационной политике

может привести к тому, что население с помощью «заботливых» экспертов по «продвижению демократии» увидит врага в лице своего собственного государства.

Библиографический список

1. Бжезинский, З. Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис [Текст] / З. Бжезинский. – М.: АСТ, 2013. – 288 с.
2. В точке кризисов, но без страха [Электронный ресурс] // Российская газета. – URL: <http://www.rg.ru/2015/01/14/medvedev-stenogramma.html> (дата обращения: 26.02.2015).
3. Готовимся к росту безработицы и затяжному кризису [Электронный ресурс] // Персональный сайт Михаила Делягина. – URL: <http://delyagin.ru/articles/84213-gotovimsya-k-rostu-bezrabotitcy-i-zatyazhnomu-krizisu.html> (дата обращения: 26.02.2015).
4. Зачем России Восточная Украина [Электронный ресурс] // Свободная Пресса. – URL: <http://yug.svpressa.ru/economy/article/85545/> (дата обращения: 13.02.2015).
5. Индекс верховенства закона в странах мира [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. – URL: <http://gtmarket.ru/research/rule-of-law-index/info#ukraine> (дата обращения: 15.02.2015).
6. Нуланд: мы вложили более \$5 миллиардов в демократическое будущее Украины [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. – URL: <http://www.kp.ru/online/news/1675054/> (дата обращения: 24.02.2015).
7. Обама признал участие США в госперевороте на Украине [Электронный ресурс] // Ком-

сомольская правда. – URL: <http://www.kp.ru/online/news/1963078/> (дата обращения: 24.02.2015).

8. ООН насчитала более 5,6 тыс. жертв конфликта на Донбассе [Электронный ресурс] // РБК. – URL: <http://lenta.ru/news/2015/02/08/ukrainedeath/> (дата обращения: 26.02.2015).

9. Показатели качества государственного управления в странах мира [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. – URL: <http://gtmarket.ru/ratings/governance-matters/governance-matters-info#ukraine> (дата обращения: 15.02.2015).

10. Разведка ФРГ насчитала 50 тысяч погибших на Украине [Электронный ресурс] // Лента. – URL: <http://lenta.ru/news/2015/02/08/ukrainedeath/> (дата обращения: 26.02.2015).

11. Рейтинг стран мира по уровню восприятия коррупции [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. – URL: <http://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index/info#ukraine> (дата обращения: 15.02.2015).

12. Рейтинг стран мира по уровню экономической свободы [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. – URL: <http://gtmarket.ru/ratings/index-of-economic-freedom/index-of-economic-freedom-info#ukraine> (дата обращения: 15.02.2015).

13. Янукович: приказа на разгон студентов на Майдане не было [Электронный ресурс] // Харьковское агентство новостей. – URL: <http://nahnews.com.ua/123283-yanukovich-prikazana-razgon-studentov-na-majdane-ne-bylo/> (дата обращения: 24.02.2015).

СОЦИОЛОГИЯ

SOCIOLOGY

УДК 303.432; 004.652
ББК 60.5

РЕЛЯЦИОННЫЕ БАЗЫ ДАННЫХ В СОЦИОЛОГИИ

В. В. Задорин

Аннотация. В этой работе реляционные базы данных рассматриваются как средство соотнесения ключевых понятий и законов социологических теорий с эмпирическими данными и закономерностями социологических исследований. Формализация социологической теории происходит на этапе логического проектирования базы данных, когда определяются основные термины теории, описывающие ее предметную область. Содержание ключевых понятий может выступать в качестве атрибутов переменных отношения, составляющих базу данных. Фундаментальные законы социологических теорий могут быть формально объявлены системе управления базами данных в качестве ограничений целостности. С другой стороны, нетривиальные функциональные зависимости переменных отношения могут свидетельствовать о наличии такой взаимосвязи атрибутов, которая свидетельствует о вероятном наличии причинных отношений объектов социологического исследования.

Ключевые слова: стратегия социологического исследования, относящаяся к базе данных; реляционная модель базы данных.

RELATIONAL DATABASES IN SOCIOLOGY

V. V. Zadorin

Abstract. In this paper we consider relational databases as a means to bring into correlation key concepts and laws of sociological theories with empirical evidence and patterns gained in sociological research. The formalization of a sociological theory takes place at the stage of logic design of databases when basic terms of the theory are defined. The meanings of the key concepts can be used as the attributes of relational variables of the database. The fundamental laws of sociological theories can be given as integrity constraints for the database control system. On the other hand, unconventional functional dependences of relational variables can suggest the existence of a certain interdependence of the attributes that indicates about probable causal relationships of the objects of a sociological study.

Keywords: strategy of sociological study of database, relational model of database.

Данные сами по себе не являются научной теорией или ее частью. Для того чтобы они стали частью научной теории, они должны быть вписаны в некоторую схему (модель, конструкт), в которой получают свое, как говорят, «теоретическое обоснование». Например, для того чтобы результаты многих сотен опытов Этвеша по пропорциональности веса тела и массы стали *научными* (а не только эмпирическими) фактами, потребовались время и гений Эйнштейна – данные экспериментов получили свое объяснение только в общей теории относительности.

Однако никакая система управления базами данных сегодня еще не способна сформулировать идею, выражающую закон социологической теории – т.е. закон, которому подчиняются все общественные явления, или все явления, по крайней мере, одной из подсистем общества – политической, экономической, социальной, духовной. Здесь необходимо сделать два следующих пояснения: 1) мы говорим «сегодня еще не способна», не отвергая в принципе возможностей совершенствования искусственного интеллекта до этого уровня; 2) мы говорим «закон», а не «закономерность», поскольку сегодня уже

существуют программы (пакеты программ), позволяющие отыскивать особые закономерности. Не следует ни переоценивать, ни недооценивать возможностей искусственного интеллекта, в том числе и в области социального знания. В связи с акцентом на различии понятий «закон» и «закономерность», обратим внимание и на соотношение понятий «теория» и «исследование».

Теория и исследование. Закон и закономерность. *Теория* – это совокупность взаимосвязанных высказываний по крайней мере трех следующих видов: 1) исходных высказываний (посылок, аксиом, определений, данных); 2) высказываний, выводимых из исходных (теорем, законов, закономерностей); 3) высказываний, представляющих собой следствия доказанных теорем (лемм), или проецирование законов на ту часть предметной области, которая еще не была описана исходными высказываниями. Теории, в которых не оговариваются правила вывода (теорем, законов, закономерностей) из исходных высказываний, называются *содержательными*, а теории, в которых правила вывода зафиксированы однозначно – *формальными*. Содержание понятия «теорема» будет варьироваться в зависимости от вида теории: если в содержательной теории теорема – это *высказывание* (положение, утверждение), нуждающееся в доказательстве, то в формальной теории теорема – это доказуемая *формула* (формула, имеющая доказательство – т.е. такой конечный список формул $A_1, A_2, \dots, A_n, B$, где каждая из формул является аксиомой или формулой, полученной по правилу вывода из предшествующих формул, последняя формула B в этом списке называется доказанной).

Формальные теории имеют дело исключительно с формулами и правилами выведения из данных формул других формул. Рассуждения о свойствах формальных теорий и соотношении последних с неформальными носят опять-таки неформальный характер, и они помещаются в *метатеорию*. В рамках метатеории мы определяем *принципы*, на которых строятся формальные или содержательные теории. Например, фундаментальные принципы противоречия и исключенного третьего формулируются в *аристотелевской метафизике* и на основании этих принципов строятся содержательные логические теории: двузначные (классические) логика высказываний и логика предикатов. При формализации этих содержательных теорий мы получаем исчисление высказываний и исчисление предикатов соответственно. Другим примером может служить *метаматематика* (теория доказательств) *Гильберта*, в которой следует использо-

вать только финитные методы, при этом содержательные математические теории могут быть классическими или интуиционистскими, и в формальных математических теориях мы также можем пользоваться и финитными, и нефинитными принципами, главное, чтобы они были однозначно оговорены.

Как мы рассуждаем, когда проецируем закон на какое-либо явление или решаем вопрос, подчиняется ли данное явление вот этому закону? Пусть нам дано второе начало термодинамики, упрощенно постулируемое так: «Невозможно передать тепло от более холодного тела более горячему». Затем мы находим, обнаруживаем, начинаем наблюдать систему из двух тел A и B , где первое горячее второго. Проецируя второе начало термодинамики на наблюдаемое явление передачи тепла от тела A к телу B , мы пребываем в несомненной уверенности (точно знаем), что по-другому (т.е. передачи тепла от тела B к телу A) быть не может. Единоразы доказав теорему евклидовой геометрии о сумме углов треугольника, мы больше не сомневаемся в том, что величина всех его углов равна 180° . Для нас важно отметить следующее обстоятельство – рассуждения, в которых теоремы выводятся из аксиом или факты рассматриваются как проявления закона, имеют *дедуктивный* характер. Тогда как о закономерностях какого-либо множества явлений мы будем говорить в том случае, когда подчинение явлений некоторому общему правилу имеет *вероятностный*, или *правдоподобный* характер.

Воспроизведем определение дедуктивных и правдоподобных рассуждений ввиду того, что достаточно часто исследователи-социологи при слове «дедукция» представляют себе общераспространенное – «переход от общего к частному», которому противопоставляется «индукция» – «переход от частного к общему»; если в отношении индукции такая тривиальная трактовка еще приемлема, то в отношении дедукции – нет, поскольку она учитывает только законы логики одноместных предикатов (силлогистики) и не принимает во внимание законы логики высказываний и логики более чем одноместных предикатов. Рассуждение является *дедуктивным* тогда и только тогда, когда его заключение *логически следует* из посылок, т.е. не существует такой интерпретации высказываний, входящих в его состав, при которой каждая посылка оказалась бы истинной, а заключение – ложным. Вывод, где заключение не следует логически из посылок, но при этом истинность посылок повышает вероятность истинности заключения, называется

правдоподобным (он имеет *вероятностный* характер, в нем заключение *правдоподобно следует* из посылок).

В отечественной литературе зачастую говорят о динамических и статистических законах, это то же самое, что мы называем, соответственно, законом и закономерностью. Можно было бы сказать, что закон – это правило, не допускающее исключений, а закономерность – правило, допускающее исключения. Классическая механика, термодинамика и обе теории (частная и общая) относительности – примеры теорий, где правила не допускают исключений и являются законами; квантовая механика – теория, явления которой подчиняются закономерностям. Образно выражаясь, в термодинамике не бывает преступлений.

Формализация социологической теории на этапе логического проектирования базы данных. В работе «Задачи применения доказательно-теоретического представления данных в социологии» [2, с. 34] фиксировалась существенная, с логической точки зрения, особенность формализации социологической теории: предметная область (универсум рассуждения) изучаемых объектов, их свойств и отношений является конечным множеством. Это означает, что любая формализованная социологическая теория является *разрешимой*, т.е.: 1) для всякой формулы, выражающей форму произвольного высказывания данной теории, определимы ее допустимые интерпретации, 2) для произвольной последовательности формул $A_1, A_2, \dots, A_N$, В решаем вопрос, выводима ли формула В из формул $A_1, A_2, \dots, A_N$; 3) можно однозначно установить, является ли теория *непротиворечивой*, т.е. не существует ли в ней какой-либо тождественно истинной формулы, являющейся одновременно тождественно ложной.

С формальной (логической) стороны представление данных в реляционной модели выглядит следующим образом: каждый кортеж переменной отношения в реляционной базе данных представляет собой n -местный предикат, где n – количество атрибутов данной переменной. Иными словами, форма любого кортежа переменной отношения выражается *формулой исчисления предикатов первого порядка* и принимает значение ИСТИНА на предметной области переменной отношения.

В свою очередь, всякая переменная отношения R реляционной базы данных до подстановки значений имеет форму *элементарного предикатного выражения* R^n , где n – местность предиката R , соответствующая количеству атри-

бутов. После подстановки значений логическая форма переменной отношения R приобретает вид конъюнкции формул исчисления предикатов первого порядка, принимающей значение ИСТИНА. Этой формуле на предметной области переменной отношения R можно сопоставить эквивалентные формулы как в исчислении предикатов второго порядка, так и в исчислении высказываний.

Класс допустимых интерпретаций формул, выражающих формы сложных высказываний, определяется видом пропозициональной связки (логического союза), соединяющей их части. Поскольку количество индивидов, составляющих предметную область базы данных, конечно, их свойства однозначно определены типом соответствующего атрибута, а отношения – ограничениями целостности (как сформулированными в информационной схеме, так и определяемыми пользователем), постольку всякая строка переменной отношения может быть рассмотрена как совокупность истинных высказываний о некотором фрагменте предметной области базы данных. По существу, каждую отдельно взятую ячейку переменной отношения мы интерпретируем как утверждение о принадлежности значения этого атрибута в определенном кортеже (например, A_1) к типу данного атрибута (в нашем примере – A): « A_1 есть A ».

Проектирование базы данных происходит в два этапа, один из которых в абстрактно-идеальной ситуации должен предшествовать другому. Первый этап – это *логическое (концептуальное) проектирование базы данных* – выбор наиболее целесообразной логической структуры данных, которые требуется поместить в базу данных. Для этого, прежде всего, определяется, какая именно информация должна храниться в базе данных, т.е. требуется указать типы сущностей, в которых заинтересованы пользователи базы данных (в нашем случае – исследователи-социологи), а также то, какую информацию об этих сущностях необходимо вводить в базу данных [1, с. 85]. В случае, когда речь идет о *реляционных* базах данных, задача сводится к тому, чтобы определить «какие необходимы базовые переменные отношения и какой набор атрибутов они должны включать» [1, с. 433]. Эта задача, как правило, решается *администратором данных*. В нашем случае такое решение будет опираться на межгосударственный стандарт ГОСТ 34.320-96 «Информационные технологии. Система стандартов по базам данных. Концепции и терминология для концептуальной схемы и информационной базы», введенный в действие

в качестве государственного стандарта Российской Федерации с 1 июля 2001 года Постановлением Государственного комитета Российской Федерации по стандартизации и метрологии от 22 февраля 2001 г. № 87-ст. Данный стандарт охватывает «разработку, описание и применение концептуальных схем и информационных баз, манипулирования информацией, а также описание и реализацию информационного процесса» и «определяет роль концептуальной схемы»; его положения «носят рекомендательный характер и могут использоваться для оценки систем управления базами данных (СУБД)».

Затем, на втором этапе, логический проект *отображается* на физическую структуру конкретной СУБД, имеющейся в распоряжении пользователя – это этап *физического проектирования*. В реальности дело может обстоять иначе – логическое проектирование базы данных будет осуществлено, исходя из имеющейся в наличии системы управления базой данных, а создание комплекса «логический проект – физический проект» будет происходить в несколько этапов. После определения содержимого базы данных на абстрактном уровне администратором данных, *администратор базы данных* создает соответствующую концептуальную схему, используя концептуальный язык определения данных. «Объектная (откомпилированная) форма этой схемы будет использоваться в СУБД для получения ответов на запросы, связанные с доступом к данным. Исходная (неоткомпилированная) форма будет играть роль справочного документа для пользователей системы» [1, с. 85].

Основными подходами к концептуальному моделированию баз данных являются: 1) подходы сущность – атрибут – связь; 2) подходы на основе бинарных и элементарных *n*-арных отношений; 3) подходы на основе интерпретируемой логики предикатов. *Первая* группа подходов основана на понятиях: сущности; связи между сущностями; атрибуты-ассоциации между значениями и сущностями или между значениями и связями; значения. В подходах *второго* рода

различают сущности и имена сущностей, но не различают атрибуты и связи, они базируются на трех основных понятиях: сущность; имя сущности; бинарные отношения. И в первой, и во второй группах подходов используются также понятия тип и реализация, применяемые к каждому из примитивных понятий.

Согласно ГОСТу 34.320-96: «*Третья* группа подходов – на основе интерпретируемой логики предикатов воспринимают проблемную область как состоящую исключительно из сущностей, для которых выполняются определенные высказывания. Концептуальная схема и информационная база образуют описание, состоящее только из множества предложений, закодированных на некотором формальном языке, основанном на формальной логике. Такие предложения состоят из: термов и переменных; предикатов; логических связей; кванторов. Термы и переменные относятся к сущностям в проблемной области, а предложения выражают высказывания об этих сущностях. Суть подходов – формирование интерпретируемой, аксиоматизированной, дедуктивной, формальной системы логики, описывающей проблемную область и не налагающей какого-либо ограничения со стороны метода моделирования на саму проблемную область».

Для примера сформулируем описание классификаций и правил предметной области (универсума рассуждения) комплексных социологических исследований на тему «Оценка восприятия населением проявлений коррупции в органах власти и органах местного самоуправления на территории Волгоградской области», проводившихся в 2010–2013 годах на территории Волгоградской области по заказу исполнительной власти региона [3]. Описываемая предметная область представляет собой совокупность отношений опрашиваемых респондентов, постоянно проживающих или зарегистрированных в Волгоградской области, к различным формам проявления коррупции, которую схематично можно представить следующим образом:

Каждая сущность «**респондент**» обладает *атрибутами*, о которых мы узнаем из вопросов анкеты S1-S11. Каждая сущность «**проблема**»

также обладает *атрибутами*, о которых мы узнаем из вопросов анкеты B1-B30. Описание предметной области базы данных исследования

может быть представлена как совокупность N-ки (где N – количество респондентов) высказываний вида «Респондент X, проживающий в населенном пункте S1, пола S2, возраста S3, имеющих S4 членов семьи, образование S5, занимающийся S6, относящийся по уровню дохода S9, имеющий общий доход семьи S10, автомобиль (мотоцикл, скутер) S10, высказал отношение Y к проблеме BM (где M – порядковый номер сущности «проблема» в соответствии с вопросом анкеты)».

Представление данных опроса в реляционной модели должно учитывать особенности дизъюнктивных высказываний, допускающих более одного ответа на поставленный вопрос об отношении к «проблеме». Если анкета проводилась одним интервьюером путем последовательного опроса респондентов, то в качестве первичного ключа в таблице можно выбрать время опроса; если путем одновременного опроса, то, например, местоположение респондента (или IP, IE устройства, с которого были получены данные).

С точки зрения *представления данных для пользователя*, значение переменной отношения – это: 1) состояние таблицы в данный момент времени; 2) состояние таблицы в любой возможный момент времени (после создания). Для определения значения переменной отношения (в последнем смысле этого слова) используются ограничения целостности данных. Под *ограничением целостности* в общем виде будем понимать логическое выражение, принимающее значение ИСТИНА, содержание которого формально объявлено для системы управления, после чего последняя и следит за его соблюдением, запрещая операции обновления, которые его нарушают. Например, после команды:

CONSTRAINT RESP_YEARS (YEARS >= 16);

означающей, что лица, моложе 16 лет не могут быть респондентами, СУБД будет контролировать операцию обновления переменной отношения (ввода данных) таким образом, чтобы кортежи (строки), где значением атрибута (столбца) ВОЗРАСТ было бы число меньше 16, не могли появиться. То есть, в случае нарушения ограничения СУБД будет возвращать сообщение об ошибке, которая потребует устранения.

Для повышения вероятности выводов социологического исследования ограничения целостности (также называемые в некоторых СУБД «бизнес-правилами») должны включать как можно большую совокупность требований, предъявляемых к предметной области. Кроме того, в этом случае ограничения целостности могут послужить одним из параметров, по которо-

му будет осуществляться реляционное объединение разнородных баз данных (например, в качестве подобного параметра может быть выбрано ограничение целостности МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ – т.е., социологические данные разных исследований будут объединены на том основании, что их респонденты проживают в одном и том же населенном пункте, регионе и т.д.).

Основные для исследования ограничения целостности должны быть сформулированы уже на этапе логического проектирования базы данных. С *точки зрения проектировщика* базы данных социологического исследования, они имеют следующую особенность: поскольку данные становятся эмпирическими фактами, постольку одной из основных задач СУБД и ее администратора является хранение данных и обеспечение доступа пользователей с соответствующим разрешением – а это значит, что можно пожертвовать скоростью обновления данных ради их целостности.

Выявление причинных отношений с помощью функциональных зависимостей. Формализация социологической теории и перенос данных социологического исследования в систему управления базами данных позволяют максимально полно рассмотреть все возможные закономерности, содержащиеся в базе данных, сопоставляя их функциональным зависимостям переменной отношения. Но необходимо отметить, что алгоритм поиска функциональных зависимостей представляет собой *творческую междисциплинарную* задачу: цель поиска задается социологом, оптимальные способы ее достижения – логиком, а наилучшие пути реализации конкретной СУБД – инженером-программистом.

Под *функциональной зависимостью переменной отношения* реляционной базы данных понимают зависимость типа «по крайней мере один к одному», где при одном и том же значении атрибутов A, B, ..., G множество атрибутов H, I, ..., Z также принимает одно и то же значение. Функциональные зависимости могут быть *тривиальными*, где зависимое множество атрибутов входит в то множество, от которого зависит, и *нетривиальными*, где не входит. Очевидно, что при выявлении закономерностей в данных социологического исследования нас будут интересовать *нетривиальные функциональные зависимости*.

Функциональную зависимость типа «ровно один к одному» будем называть *функциональной эквивалентностью*, ее форма соответствует форме обнаружения причинно-следственной связи по *методу сопутствующих изменений*: если

изменение одного из параметров во всех случаях, предшествующих данному явлению, ведет к его изменению, то, вероятно, именно этот параметр и есть причина данного явления.

Функциональная зависимость типа «более, чем один, к одному», где при одних и тех же значениях $A_k, B_k, \dots, M_k$ атрибутов $A, B, \dots, M$ хотя бы двух различных кортежах R_i и R_j атрибуты $N, O, \dots, Z$ также принимают одно и то же значение $N_k, O_k, \dots, Z_k$, имеет форму, соответствующую логической форме обнаружения причинно-следственных связей по *методу сходства*: если во всех случаях, предшествующих некоторому обстоятельству, имеется общее одно предшествующее обстоятельство, то, вероятно, именно оно и есть причина данного явления.

Наличие между множествами атрибутов переменной отношения *функциональной независимости* (отношение типа «более, чем один, к, по крайней мере, двум») свидетельствует об отсутствии причинно-следственной связи объек-

тов, представляемых данными множествами атрибутов, так как при изменении значений одного множества атрибутов значения другого могут поменяться, а могут и не поменяться.

Библиографический список

1. Дейт, К. Дж. Введение в системы баз данных, 8-е издание: Пер. с англ. [Текст] / Дейт, К. Дж. – М.: Издательский дом "Вильямс", 2005. – 1328 с.
2. Задорин, В. В. Задачи применения доказательно-теоретического представления данных в социологии [Текст] / В. В. Задорин // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: политология и социология. – 2015. – № 2.
3. Назаров, М. Н. Социальный порядок, справедливость и коррупция в общественном мнении горожан [Текст] / М. Н. Назаров, А. В. Одинцов, Е. В. Карчагин // Социология города. – 2014. – № 3.

УДК 303.064
ББК 60.504

ОБЪЕДИНЕНИЕ БАЗ ДАННЫХ В СОЦИОЛОГИИ: ПРОБЛЕМА УНИКАЛЬНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ

А. В. Одинцов

Аннотация. Статья посвящена уникальности измерения в социологических исследованиях как основной проблеме при объединении данных. В данный момент серьезным вызовом для традиционных опросных методик (РАПИ) и их более продвинутых вариантов (САТИ и САПИ) являются технологии, основанные на работе с «большими данными» ('Big Data'). Измерение в «больших данных» позволяет успешно обрабатывать массивы, выявлять на их основе релевантные и репрезентативные закономерности, по мере необходимости увеличивать их за счет добавлений новых, иных по структуре и типам данных массивов. Сделать это в рамках традиционных опросных методик мешает отсутствие консенсуса о применении измерения, что делает частные результаты уникальными и затрудняет обобщение в единые, основанные на них теории.

Ключевые слова: база данных, большие данные, измерение, шкала, социологические исследования, Small Data, Big Data.

DATABASES INTEGRATION IN SOCIOLOGY: THE PROBLEM OF UNIQUE MEASUREMENTS

A. V. Odintsov

Abstract. The paper is concerned with the uniqueness of measurements in sociological studies as a major problem of databases integration. At present, traditional interviewing and opinion poll methods (PAPI) and their advanced versions (CATI and CAPI) are challenged by the Big Data technologies. Measurements in the Big Data technology make it possible to handle big databases, to identify relevant and representative patterns, to expand them as and when necessary by adding new databases of different structures and types. Traditional methods cannot be used as there is no consensus about the application of measurements which makes particular results unique and difficult to generalize the theory.

Keywords: database, big data, measurement, scale, sociological studies, Small Data, Big Data.

В настоящее время данные об обществе, которыми могут располагать исследователи, увеличиваются в геометрической пропорции. Наряду с сохранением традиционных форм

сбора социологической информации расширяется ее объем, в связи с использованием новых средств регистрации характеристик групп и индивидов. Во многом это обусловлено появлением феномена «больших данных» в социальных науках.

Его возникновение является результатом объективного роста количества социальных явлений, протекающих в цифровом пространстве. Они являются результатом регистрации поведения людей в сети интернет (от социальных сетей до интернет-банкинга) и близких к нему пространств (сотовая связь, оплата покупок банковскими картами, использование дисконтных карт и так далее). Использование в социологическом исследовании подобного рода информации имеет существенное преимущество перед большинством традиционных социологических методов, так как построено на изучении установок и мнений, но не реального поведения респондентов. Поэтому «большие данные» во многом лишены традиционной для социологии общественной проблемы – соотношения реального поведения респондента, разделяемых и транслируемых им норм социального поведения и установок, которыми он руководствуется.

Конечно, социология (особенно в рамках таких направлений и школ, как STS и Чикагская школа) также активно применяет процедуру непосредственной регистрации поведения отдельных людей и процессов, протекающих в группах. Но в силу трудоемкости процедур социологического наблюдения, а также необходимости особых компетенций наблюдателя, применимость этих методов ограничена небольшими выборками. В связи с чем выводы, основанные на собранных в социологическом наблюдении данных, сложно распространить на более крупные социальные совокупности. «Большие данные», напротив, в своей основе оперируют не выборками, а популяциями ($n=all$), либо близкими к ним объемами регистрируемых явлений, что делает полученные на их анализе выводы крайне валидными. За пределами данной конкретной статьи остается подробное рассмотрение прочих неоспоримых преимуществ «больших данных» над традиционными социологическими «малыми данными». Необходимо лишь указать основные из характеристик «больших данных»:

- огромные по объему, состоят из терабайтов и петабайтов данных;
- высокодинамичные, создаются в реальном времени или близком к нему;

- разнообразны в многообразии типов данных, будучи структурированы и неструктурированы по природе, часто связаны с временем и местом».

- «исчерпывающие по своему охвату, стремясь захватить целые популяции (народы) или системы ($n=all$), или, по крайней мере, более крупные объемы выборок, чем применяемые в традиционных, ‘Small Data’ исследованиях;

- состоящие из множества точек (fine-grained in resolution), нацеленные на максимальную детализацию, способные к однозначности в определении конкретных случаев;

- реляционные по своей природе, содержащие общие поля, которые позволяют объединять различные наборы данных;

- гибкие, содержащие способность к расширению (легко можно добавлять другие поля) и масштабируемые (быстро могут увеличивать объем)» [15, p. 100–101].

По всем перечисленным характеристикам «малые базы данных», которые собирает традиционная социология, уступают познавательному потенциалу, открывающемуся в рамках применения «больших данных». В этой связи понятным является стремление ряда социологов отказаться от прежних способов сбора и анализа данных и перейти исключительно к работе с «большими данными». Однако необходимо помнить, что привычные для социологии методики сбора данных не только имеют давнюю традицию использования и развитый инструментарий, но и уже собрали огромное количество баз данных проведенных ранее исследований. Отбросив результаты предыдущих исследований, мы рискуем лишиться не только развитых методологий, но и тех массивов данных, которые уже собраны, девальвируя все то, чем прежде занималась социология. В этой связи наиболее продуктивным решением стало бы объединение собранных и все еще собираемых баз данных социологических исследований в единый массив, который будет существовать не просто в виде коллекции или архива, но в виде объединенной базы, в которой возможно применение процедур автоматизированного анализа. Архивы баз данных уже собираются Институтом социологии РАН [2], ВЦИОМ [3] и другим организациями, как в России, так и за ее пределами, однако, как правило, их данные несопоставимы в силу разнородности применяемых методик, а также по причине из-

лишнего «сжатия данных»¹, в результате которого теряется значительная часть ценной информации. По этой причине объединение массивов социологических данных в одну полнофункциональную базу является более продуктивным. Важнейшей проблемой такого объединения является разнородность применяемых в социологических исследованиях процедур измерения, так как для объединения баз данных нужны общие поля (измеренные характеристики), причем их размерность должна быть идентична или сопоставима.

Достаточно простым является объединение различных баз данных, в которых собраны результаты измерения по одной методике. Как правило, это кросскультурные и лонгитюдные исследования (в частности, панельные исследования). В качестве примера таких баз данных в открытом доступе можно привести базы исследований American Communities Project, American Housing Survey, American Time Use Survey, World Values Survey, European Values Survey. Прогностическое и в целом эвристическое преимущество лонгитюдных исследований перед однократными неоспоримо. Однако таких исследований в общей массе достаточно мало, так как они нуждаются в значительных организационных и финансовых ресурсах, которыми могут обладать только устойчивые исследовательские конгломераты, «опросные фабрики» и государственные или крупные коммерческие структуры. Большая часть социологических исследований проводится на основании уникальных методологий (по типу выборки, ее объему, методу сбора информации, количеству и составу регистрируемых переменных и т.д.). Гораздо более сложной и важной методологической задачей является объединение именно этих разнородных баз данных, собранных не только по авторским методологиям, но и на основании применения различных видов измерений. Отсутствие единства в применении измерительных процедур не дает возможности генерализовать данные от различных исследова-

ний, что в свою очередь затрудняет появление основанных на эмпирике индуктивных теорий.

В рамках классической теории измерений наименее проблематичными традиционно считались физические параметры явлений. В данный момент даже естественные науки (в особенности в рамках информационных технологий и квантовой теории) сталкиваются с метрологическими проблемами в отношении многих регистрируемых явлений, не являющимися в классическом смысле физическими величинами [5, с. 9] и это при достаточно высоком уровне консенсуса об исследуемой реальности. В социологической науке проблема значительно острее.

Современная отечественная социология занимается только узким кругом проблем социологического измерения, связанным в основном с чистотой регистрации данных, но не сутью измерения как такового. По этой причине в части основных категорий следует обратиться к классической работе С. А. Клигер, М. С. Косолапова и Ю. Н. Толстовой «Шкалирование при сборе и анализе социологической информации».

Под измерением в социологии понимается «процесс приписывания чисел конкретным эмпирическим объектам в соответствии с уже разработанным способом шкалирования» [6, с. 12]². Под шкалированием понимается «алгоритм, согласно которому каждому эмпирическому объекту в процессе построения шкалы ставится в соответствие некоторое число (или совокупность чисел)» [6, с. 12]. В соответствии с социологической традицией «...будем называть шкалой совокупность возможных шкальных значений» [6, с. 12]. В классической метрологии принципиальным при использовании шкалы как правила приписывания числовых значений «является сравнимость свойств, измеримость величин и метрологическая обеспеченность процесса измерения» [5, с. 10].

Необходимо принимать во внимание то, что исследователи могут обращаться к разным правилам при измерении одного и того же объекта исследования, обосновывая свое решение разницей в гипотезах о его структуре. В этой

¹ Чаще всего они представлены не как традиционные таблицы, в которых строками являются случаи наблюдения (респонденты), а столбцами их переменные/переменные, но как линейные распределения, либо меры средней тенденции, построенные на основе анализа баз данных.

² Это определение полностью соответствует данному С. С. Стивенсом: «Измерение – это присвоение цифр объектам или событиям в соответствии с правилами» [15, р. 22].

связи наиболее верным решением проблемы измерения необходимо признать концепцию интеграции методологического знания, предложенного Г. Г. Татаровой. В рамках данной концепции предлагается осуществить:

«1. Инвентаризацию накопленного (концептуальных моделей, методов, техник, методик).

2. Переосмысление накопленных знаний с целью их взаимопроникновения из одной части социологической методологии в другую.

3. Упорядочение знаний по новым основаниям и введение в научный оборот новых аксиоматических положений (конвенционального характера) относительно базовых понятий и средств познавательной деятельности (например, что называть методом, методологией, и т. д.).

4. Экспликация и реинтерпретация базовых языковых конструктов социолога (язык социологического исследования, социологическая репрезентативность, формат социологических данных, тип социологического исследования и т. д.).

5. Введение новых понятий (например, восходящая и нисходящая стратегии анализа данных, классификация исследовательских практик анализа данных, метаметодика анализа данных и т. д.) и возврат к «старым» понятиям на основе изучения истории «методной» проблематики.

6. Переосмысление условий возникновения «математической социологии» как особой научной дисциплины, охватывающей различные типы социологического исследования и форматы социологических данных» [11, с. 27–70].

В своей сущности все предложенные шаги нуждаются в одной предпосылке – максимально широком консенсусе исследовательского сообщества. Однако этот верный путь натывается на одну из «методологических травм» современной российской социологии, выявленных самой Г. Г. Татаровой, на «фракционность» [8]. Нежелание отдельных исследовательских групп прийти к единому пониманию базовых категорий социологии, к максимально близкому пониманию проблем измерения, обуславливает коренные отличия в процессе абстрагирования и концептуализации, а значит также в формализации. То есть при обосновании и применении шкал в рамках эмпирических исследований. Все это приводит не только к серьезным сложностям при

сопоставлении результатов различных исследований, но и, по сути, делает их применимость однократной, лишенной возможности вторичного использования (reusability). Все это ставит вопрос о научном статусе таких исследований, однако это все равно не побуждает сообщество к достижению методологического согласия.

Если методологический консенсус на данном этапе эволюции российской социологии является слабодостижимым, необходимо найти иное основание для интеграции разнородных исследований общества.

Оставляя за пределами рассмотрения принципиальный релятивизм отдельных социологических теорий, можно оттолкнуться от того, что все социологи обращаются к одной и той же социальной реальности, исследуют одни и те же феномены. Именно это и может стать основанием иной интеграции социологического знания. Пользуясь метафорами физических измерений, можно сказать следующее: несмотря на то, что в рамках одного исследования объект измеряется по шкале веса, а по другой по шкале объема, он продолжает оставаться одним и тем же объектом. Кроме того, есть переменные, которые объединяют и значения в кубических метрах и в килограммах, например, плотность. Возможны и более простые с точки зрения теории измерения ситуации, когда один объект измеряется по шкалам длины, основанным на разных эталонах (например, в футах и метрах), в таком случае шкалы соотносятся по простым коэффициентам (пропорциям). Для социологии такой способ объединения разнородных баз социологических данных упирается в следующие проблемы измерения: в проблему однозначности применения шкалы и проблему соотношения ее с другими шкалами.

Аксиоматически предполагается, что шкала – это такое правило, которое позволяет присвоить эмпирическому объекту одно и только одно значение. Причем это предположение справедливо совершенно для всех шкал. Но, как отмечал В. А. Лиа, приписывание значений, особенно в номинальных шкалах, может осуществляться некорректно. Либо в форме приписывания одного эмпирического объекта (или значения признака) нескольким значениям шкалы, то есть как «многозначное назначение» (см. рис. 1, фигура (1)), либо в форме приписывания нескольких объектов (или значений признака) одному значению шкалы (см. рис. 1, фигура (2)).

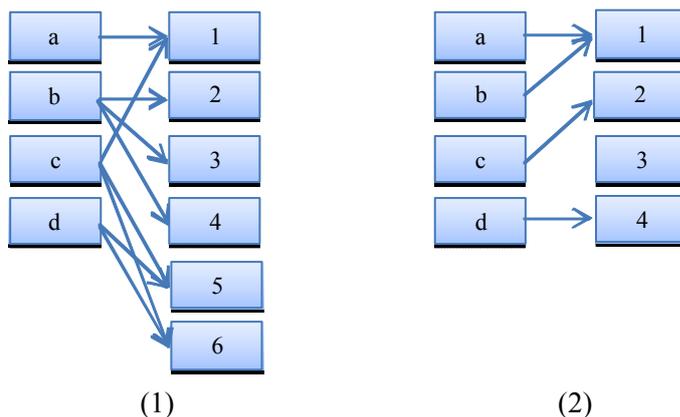

Рис. 1. Многозначное и однозначное назначения [14, с. 10]

Как видно в фигуре (1) рисунка 1 эмпирическому объекту (значению) «b» соответствуют значения шкалы 2, 3 и 4, объекту (значению) «c» значения шкалы 1, 5, 6 и «d» значения шкалы 5, 6. Самым простым примером такой ошибки является «проблема смежных значений», когда неопытные исследователи не устанавливают четких границ между элементами интервальной шкалы (например, шкала возраста «18–20 лет»/«20–22 года»/«22–24 года»). Кроме того, иногда такая ошибка по результатам анализа данных может выглядеть как фактор. То есть значения шкалы 2, 3 и 4 будут отражать эмпирический объект как фактор «b», значения 1, 5, 6 будут выступать как фактор «c», значения 5 и 6 как фактор «d». С одной стороны, эта ошибка измерения действительно отчасти решается уменьшением размерности шкалы при помощи факторного анализа. С другой стороны, уже на примере фигуры (1) видно, что объекты «c» и «d» кодировались при помощи одинаковых значений шкал – 5 и 6, то есть факторы «c» и «d» вполне могут вовсе не обнаружиться.

В фигуре (2) эмпирические объекты (значения признака) «a» и «b» приписаны одному значению шкалы – 1. В то же время значению шкалы 3 не соответствует ни один эмпирический объект (значение признака). В приведенном примере уменьшение размерности шкалы за счет использования факторного анализа не повлечет повышения точности измерения. За пределами рассмотрения остаются случаи, когда исследователь не включает в процедуру шкалирования отдельные рядоположные исследуемым эмпирические объекты или значения признака. То есть объекту или значению признака не соответствует ни одного значения шкалы.

Очевидно, что принцип приписывания шкальных значений вне зависимости от того, нарушается ли принцип однозначности применения шкалы или нет, позволит исследователю

получить набор значений, которые он зарегистрирует в базе данных. Мало того, достаточно жесткая взаимная детерминация измерения и анализа в социологическом исследовании даст возможность осуществить анализ полученных результатов. Будут ли эти результаты валидными? С большой степенью осторожности можно утверждать, что в случае, если шкала применялась без изменений и стороннего вмешательства в рамках всего исследования, то определенную с погрешностью достоверность, полученные результаты имеют. Повысить достоверность и снизить указанную погрешность может сопоставление с базами данных других исследований.

Представим, что те или иные ошибки многозначного и однозначного назначения были в двух сопоставляемых исследованиях, которые проводились по различным шкалам (пусть различной размерности, но одного типа). В таком случае, полученные значения являются несоизмеримыми при простом сопоставлении. По этой причине возникает так называемая видимость «полипарадигмальности», которая упоминается Г. Г. Татаровой. В этом случае самым простым решением, которым пользуется большинство исследователей, является принятие одной из шкал в качестве эталонной и попытка соотнесения с ней полученными по другой шкале данными. В качестве примера можно привести доклад В. В. Федорова «"Важно" и "неважно": парадные и реальные жизненные ценности россиян» представленный в 2014 году [13]. Директор ВЦИОМ на основании порядка 8 исследований различных по выборке, но всероссийских по географии, проведенных за более чем 10 лет, которые проводились по не менее 5 различным шкалам, делает вывод об эволюции жизненных ценностей россиян. Это ему позволяет сделать имплицитная редукция всех шкал к одной номинальной шкале ценно-

стей. Отмеченное является примером того, что в социологической практике объединение данных, полученных на основании применения различных шкал, уже существует, но реализуется оно интуитивно. Для того чтобы создать алгоритм объединения, который мог бы быть эффективным для машинного объединения баз данных, необходимо разобраться в природе отдельных видов шкал.

В социологической традиции принято использовать иерархию шкал, разработанную С. С. Стивенсом для психофизики еще в середине прошлого века [16, 17, 18]. С. С. Стивенс выделял четыре основных типа шкал: номинальные (nominal), порядковые (ordinal), интервальные (interval) и шкалы отношений (ratio). В основу своей классификации исследователь положил два фундаментальных основания. С одной стороны, он предложил учиты-

вать то, какие отношения между элементами шкалы предполагает исследователь. С другой – какие операции можно производить со шкалами. Предполагалось, что все шкалы условно можно разделить на «низкого типа», в отношении которых возможен лишь ограниченный набор математических операций, и «высокого типа», в которых оправдано применение большинства операций.

Именно различия в типах используемых в социологии шкал предопределяет вторую проблему объединения баз данных в социологии. Выбор применения той или иной шкалы в ходе социологического измерения непосредственно связан с выбором исследователя языка сбора и анализа данных [10], а также его представлением о структуре изучаемого явления. Весьма полно схема осуществления разработана Ю. Н. Толстовой и Н. Д. Ворониной.

Рис. 2. Принципиальная схема исследования [12, с. 73]

В представленной схеме (см. рис. 2) в рамках рассматриваемой проблемы наиболее интересны процессы, протекающие между стадиями исследования (А, В, С, D), в особенности процесс формализации. Если процессы абстрагирования и концептуализации представляют собой преимущественно работу с категориями, то сами шкалы как основа измерения появляются именно на этапе формализации.

На этапе формализации на основании первичных предположений о структуре эмпирического явления социолог дает эмпирическую интерпретацию понятий, то есть разрабатывает правила, которые и позволяют фиксировать феномены в качестве научных наблюдений. Ключевым здесь является понимание того, что применение той или иной шкалы (ее вида, чувствительности, мерности и так далее) зависит от тео-

ретических предположений исследователя. Иначе говоря, социологическое измерение включено в теоретический контекст исследования. Именно в этом кроется проблема «несоизмеримости социологических теорий», которая нередко проявляется в разрыве от теоретических схем исследования и эмпирических интерпретаций [8].

Номинальные шкалы уместны в том случае, если исследователь различает внутри изучаемого эмпирического объекта уникальные сущности или классы. В такой шкале значения не являются числами в полном смысле этого слова, они являются лишь именами в единой классификации. По этой причине и анализ данных, собранных по номинальной шкале, как правило, основывается на простых линейных распределениях. Между элементами данной шкалы возможны лишь отношения равенства или неравенства. Эмпирический смысл этих отношений состоит в четком отнесении того или иного наблюдаемого феномена к конкретному классу. Отдельные исследователи полагают, что как шкала она практически не употребляется, поскольку альтернативы в ней не зависимы друг от друга... «Каждый элемент данной шкалы рассматривается и анализируется практически самостоятельно, вне связи с другими» [1, с. 75]. В отношении такой шкалы Ф. Н. Ильясов отмечает следующие свойства: «1. Измеряют только наличие одного свойства; 2. Имеют только одно деление шкалы, не являющееся числом (предполагается, что в случае данной шкалы социолог имеет дело не с числом, а лишь с цифрой – А.О.); 3. Не связаны друг с другом; 4. При первичном измерении фиксируют наличие у отдельного респондента определенного атрибута (например, мужской пол); 5. При конечном измерении определяют число респондентов в выборке, обладающих определенным свойством (например, количество респондентов мужского пола); 6. Являются основой анализа поведения выделяемых групп и сравнения их численности» [4, с. 7].

Если исследователь предполагает наличие более сложных отношений между элементами, например, больше-меньше, то используются шкалы порядка. Классическим примером шкал порядка является четырех-балльная система общеобразовательных оценок. В данной шкале анализ может основываться не только на распределениях значения измеряемого признака, но и на вычислении медианы. В отдельных случаях социологи работают с порядковыми шкалами как с числами, то есть осуществляют в их рамках арифметические операции, хотя это и не вполне правомерно, на что указывается Г. Г. Татаровой

[9]. Существенными проблемами в построении порядковых шкал являются:

1. Число делений шкалы, которые, как правило, определяются на основании аналогии и исследовательской интуиции конкретного социолога (в отдельных случаях они заданы исследовательской традицией, как например, в шкалах Л. Терстоуна и Р. Лайкерта).

2. Симметричность шкалы, которая предполагает, что количество отрицательных и положительных значений должно быть одинаково. Данное требование выполняется далеко не всегда (например, в отношении четырех-балльной системы оценивания имеются три положительные и одна отрицательная оценка). Согласно некоторым исследователям, сводить в одну шкалу отрицательные и положительные оценки, разделенные, как это принято в социологии, нейтральным значением некорректно.

3. Присваивание численных значений делениям шкалы. «Делениям создаваемой порядковой шкалы обычно механически приписывают цифры, соответствующие числу альтернатив вопроса и их рангу, затем при анализе эти цифры нередко рассматриваются как числа» [4, с. 10]. Здесь необходимо помнить о том, что в действительности расстояние между делениями шкалы не является равным. Приводя в пример шкалу оценок, можно отметить, что расстояния между 2 (неудовлетворительно) и 3 (удовлетворительно), неравно расстоянию между 3 (удовлетворительно) и 4 (хорошо). Условно, математически указанное в отношении данной шкалы это можно выразить следующим образом $|2-3| \neq |3-4| \neq |4-5|$.

Ф. Н. Ильясов добавляет к указанной специфике еще две черты: расстояния между делениями шкалы и мерность шкалы [4, с. 10–11]. Однако проблема расстояния между делениями порядковых шкал исчерпывается спецификой присваивания шкальных значений, а проблема мерности шкалы непосредственно связана с тем, что предполагает исследователь относительно измеряемого свойства и континуума, в котором оно располагается, то есть с процессами абстрагирования и концептуализации, но не в непосредственном применении шкалы.

Интервальные шкалы предполагают, что, по мнению исследователя, эмпирический объект является (по крайней мере, по отдельным характеристикам) измеряемым по некоей гипотетической непрерывной прямой (континууму). В сущности, интервальная шкала – это порядковая шкала с равными или «кажущимися равными» (как в случае шкалы Л. Терстоуна) интервалами. Здесь уместно использование большего ко-

личества инструментов математического анализа, например, среднего арифметического значения в качестве меры средней тенденции. Соответственно особенности данной шкалы аналогичны порядковой шкале, однако здесь действительную значимость приобретает проблема равенства интервалов между шкальными значениями. К разновидностям порядковых шкал можно отнести редко применяемые в социологии различные модифицированные порядковые шкалы и шкалы разностей. Для всех интервальных шкал, что немаловажно для нашего исследования, справедливо то, что их, согласно проведенным Ф. Н. Ильясовым, можно считать «абсолютными шкалами с известной мерой погрешности измерения» [4, с. 15].

Шкалы отношений (подобий) уместно применять в том случае, если измерение возможно как соотношение с эталоном (собственно, как и происходит в рамках применения международной СИ в физике). В их отношении присутствуют все атрибуты измерительных шкал: упорядоченность, интервальность, точка отсчета. Абсолютные шкалы – высший из типов шкал обладает следующими существенными признаками: 1. Имеет начало отсчета (нулевое деление); 2. Равное расстояние между делениями (цену делений); 3. Деления шкалы являются настоящими числами. В социологии данной шкалой измеряются чисто количественные свойства явлений (частота действий, членов домохозяйства, затраты времени и т.п.).

Для объединения баз данных социологических исследований в единое целое необходимо наличие общих в этих базах данных полей. В «больших данных» эта проблема решается легко – все они связываются по индивидуальным идентификаторам пользователей (номерамотовых телефонов, id, аккаунтам социальных сетей и т.п.), которые и являются этими общими полями. В «малых данных», которыми пользуется социология, таких жестко идентифицированных полей нет в силу применения выборочного метода, по этой причине для формирования устойчивых связей между базами данных желательным является формирование большего количества общих полей. Для этого необходимо образом объединять шкалы на основе некоего нового эталона. Для этого необходимо учитывать специфику каждого типа используемых в социологии шкал.

В отношении номинальных шкал возможны два основных пути формирования объединенной, «эталонной» шкалы:

1. Создание шкалы более высокого порядка. В этом случае порядковую или интервальную шкалу можно получить по аналогии с алгоритмом построения «условно интервальной» шкалы Л. Терстоуна. В то же время вполне возможны случаи, когда не все предусмотренные исследователем варианты ответов – делений номинальной шкалы, будут представлены в шкале более высокого порядка, так как она предполагает нахождение значений шкалы в одном континууме.

2. Объединение шкал в единую шкалу, основываясь на том положении, что всякая номинальная шкала, используемая в социологии на самом деле является совокупностью простых шкал, указывающих на отсутствие/ присутствие конкретного признака.

Второй путь можно реализовать двумя способами. Первый способ – формирование новой номинальной шкалы с укрупненными делениями (значениями). Например, классический для многих опросов общественного мнения вопрос о волнующих респондентов проблемах можно упорядочить по шкале индивидуальные проблемы (эгоистические потребности) – коллективные проблемы (альтруистические проблемы). Этот способ предполагает наличие неких факторов, которые в действительности объединяют различные номинальные значения. Второй способ – простое «арифметическое» объединение шкал в рамках единого списка значений. Например, в одном исследовании оценка актуальности проблем осуществлялась по списку из 20 вопросов, в другом – из 15. В полученном списке не должно содержаться дублей, при этом конечная сумма значений может не быть равной простой арифметической сумме значений по двум шкалам. В силу того, что выбор респондентов зависит от вариантов ответа, из которых осуществлялся выбор, такое объединение может заметно повысить погрешность исследования.

В отношении порядковых и интервальных шкал можно наметить следующие пути объединения:

1. В новую порядковую или интервальную шкалу, основываясь на том, что первоначальные шкалы измеряют свойство в одном континууме, в котором измеряемое свойство изменяется в одном направлении. В этом случае получаемая шкала будет внешне схожей со шкалой отношений.

2. В абсолютную шкалу, основываясь на том, что первоначальные шкалы измеряют свойство в одном континууме, в котором измеряемое

свойство изменяется в одном направлении и имеется принятое за абсолютное значение начало отсчета (экспериментально данный путь был проверен Ф. Н. Ильясовым).

3. В неформализуемую ни графически, ни в числовом варианте инструментальную шкалу, с характеристиками задачей которой будет исключительно интеграция различных баз данных. Безусловным плюсом данной шкалы может стать то, что мерность шкалы, расстояние между ее делениями может изменяться в зависимости от конкретных объединяемых баз данных и конкретных задач, решаемых с помощью этой интеграции пользователем.

В настоящий момент социология «малых данных» столкнулась с вызовом со стороны «больших данных», чей эвристический и прогностический потенциал растут с ростом опыта нейросетей и усложнением алгоритмов работы с ними. Возможно, именно ответ на него позволит социологической науке интегрировать собственную эмпирику и совершить прорыв к эмпирически обоснованной теории.

Библиографический список

1. *Аверьянов, Л. Я.* Социология: искусство задавать вопросы [Текст] / Л. Я. Аверьянов. – М., 1998.
2. Архив баз данных [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://wciom.ru/database/> (дата обращения: 20.12.2015).
3. Архив баз данных ИС РАН [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.isras.ru/Databank.html> (дата обращения: 20.12.2015).
4. *Ильясов, Ф. Н.* Шкалы и специфика социологического измерения [Текст] / Ф. Н. Ильясов // Мониторинг общественного мнения. – 2014. – №1 (119).
5. *Новиков, Н. Ю.* Теория шкал. Принципы построения эталонных процедур измерения, кодирования и управления [Текст] / Н. Ю. Новиков. – Электрон. текстовые данные. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2012. – 537 с.
6. *Клигер, С. А.* Шкалирование при сборе и анализе социологической информации [Текст] / С. А. Клигер, М. С. Косолапов, Ю. Н. Толстова. – М.: Издательство «Наука». – 1978.
7. *Купрейченко, А. Б.* Психология доверия и недоверия [Текст] / А. Б. Крупейченко. – М.: Ин-т психологии РАН, 2008.
8. *Татарова, Г. Г.* Методологическая травма социолога. К вопросу интеграции знания [Текст] / Г. Г. Татарова // Социологические исследования. – 2006. – № 9.
9. *Татарова, Г. Г.* Методология анализа данных в социологии: (введение) [Текст] / Г. Г. Татарова. – М.: Nota bene, 1999.
10. *Татарова, Г. Г.* О понятиях-инвариантах в структуре языка анализа социологических данных [Текст] / Г. Г. Татарова // Социология вчера, сегодня, завтра. V Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофафа / под редакцией О. Б. Божкова. – СПб.: Эйдос, 2012.
11. *Татарова, Г. Г.* От инвентаризации к интеграции методологического знания / Г. Г. Татарова // Социологические методы в современной исследовательской практике: Сборник статей памяти А. Крыштановского / Отв. ред. и вступит. ст. О. А. Оберемко; НИУ ВШЭ, РосИС РАН. М.: НИУ ВШЭ, 2011. – VIII. – [Электронный ресурс]. – 1 CD ROM.
12. *Толстова, Ю. Н.*, О необходимости расширения понятия социологического измерения [Текст] / Ю. Н. Толстова, Н. Д. Воронина // Социологические исследования. – 2012. – № 7.
13. *Федоров, В. В.* «Важно» и «неважно»: парадные и реальные жизненные ценности россиян. Презентация [Электронный ресурс] / В. В. Федоров. Режим доступа: http://www.old.wciom.ru/fileadmin/news/2014/wciom.ru_Fedorov_cennosti_17.04.14.pdf
14. *Lea, W. A.* Formalization of Measurement Scale Forms. Washington, D.C. National Aeronautics and Space Administration, 1969.
15. *Kitchin, R.* The Data Revolution Big Data, Open Data, Data Infrastructures and Their Consequences. Sage. 2014. – 285 p.
16. *Stevens, S. S.*: Mathematics, Measurement, and Psychophysics. Handbook of Experimental Psychology, Wiley. – New York, 1951.
17. *Stevens, S. S.*: Measurement, Psychophysics, and Utility. Measurement: Definitions and Theories. Wiley. – New York, 1959.
18. *Stevens, S. S.*: The Psychophysics of Sensory Function. American Scientist, vol. 48, June 1960. Also in: Sensory Communication, M.I.T. Press, Cambridge, 1961.

УДК 35.08:17.021.2
ББК 6740102+87.78

ВЛИЯНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ

Ю. А. Дроздова, Д. А. Воловатова

Аннотация. Эффективность работы государственного аппарата во многом зависит не только от профессионализма и компетентности чиновников, но и от проявления человеческого фактора в деятельности служащих, так как любую функцию государственного управления выполняют конкретные люди. Проведенное эмпирическое исследование позволило выявить влияние человеческого фактора на деятельность государственных служащих и разработать практические рекомендации по учету и оптимизации человеческого фактора в деятельности государственных гражданских служащих.

Ключевые слова: государственная служба, человеческий фактор, управление персоналом, ценности, нормы.

THE IMPACT OF HUMAN FACTOR ON THE ACTIVITY OF CIVIL SERVANTS

Yu. A. Drozdova, D. A. Volovatova

Abstract. The efficiency of state machinery largely depends not only on professionalism and competence of officials but also on the human factor as any function of public administration is fulfilled by real people. The empirical findings presented in the paper suggest the impact of human factor on the activity of civil servants. The practical guidelines for taking into accounting and optimization of human factor in the activity of civil servants are developed.

Keywords: public service, human factor, HR-management, values, norms.

Государственная служба как социально-правовой институт занимает особое место в достижении общенациональных целей и играет важную роль в механизме управления государством.

Изменения, произошедшие в России за последние два десятилетия, обусловили важность и необходимость повышения эффективности государственной службы. В связи с этим остро встает вопрос о внедрении в систему управления персоналом новых методов, которые найдут отражение в профессиональной деятельности государственных служащих и позволят обеспечить высокие темпы экономического и социального развития государства и преодолеть негативные тенденции в сфере государственной службы [1, с. 98].

Обращение к человеческому фактору – это революционный поворот в теории управления. Понятие «человеческий фактор» сегодня вошло в научный обиход различных наук: психологии, философии, социологии, медицине, педагогике, экономики, науки управления и других [2, с. 155]. Человеческий фактор представляет собой накопленный запас профессиональной и общекультурной компетенции, физического и нравственного здоровья, социальной активности, реализуемой в разнообразных сфе-

рах деятельности, а также в уровне и структуре потребностей [4, с. 67].

В рамках современной гуманистической парадигмы человеческие ресурсы являются основным капиталом организации, и расходы на него рассматриваются как долгосрочные инвестиции; кадровое планирование переплетается с производственным, а сотрудники становятся объектом корпоративной стратегии; активно внедряется групповая организация труда, акцент делается на развитие способностей людей, формирование корпоративной культуры, учет человеческого фактора в управлении.

Сущность человеческого фактора раскрывается в объективных и субъективных аспектах его проявления. К объективной стороне проявления человеческого фактора следует отнести такие составляющие, как: общественно-производственная деятельность коллектива; профессионально-квалификационный уровень; особенности социального статуса; специфика образа жизни; реальное положение дел в производственном коллективе; соизмеримость жизненного уровня человека с реальной производительностью труда, с количественным и качественным составом семьи.

К субъективной стороне проявления человеческого фактора относятся личностные харак-

теристики человека: волевые качества; ценностные ориентации и установки; особенности психологического склада характера; морально-этические нормы, которыми человек руководствуется в своей деятельности; степень социальной активности личности; уровень общей и профессиональной компетенции.

В структуру человеческого фактора принято включать и исторически сложившуюся в обществе совокупность социальных качеств людей, определяющих характер и результаты их экономической деятельности.

Человеческий фактор как основной ресурс организации представляет собой совокупность физических и духовных качеств человека, определяющих возможность и границы его участия в трудовой деятельности, способность достигать в заданных условиях определенных результатов, а также совершенствоваться в процессе труда.

Исследования человеческого фактора в управлении носят ограниченный характер, что актуализирует данную попытку авторов на основе теоретического и эмпирического анализа выявить влияние человеческого фактора на деятельность государственных служащих и разработать практические рекомендации по оптимизации его учета в управлении.

Государственным гражданским служащим, участвующим в исследовании, проведенном авторами статьи (Волгоград, январь 2015 года, N=50), было предложено ответить на вопросы о понимании ими термина «человеческий фактор» и степени его учета в государственном управлении. Также были заданы вопросы, позволяющие выявить мотивы поступления на государственную службу, ценности и нормы в деятельности государственных служащих, оценить социально-психологический климат в коллективе как важный показатель объективного проявления человеческого фактора.

Как показало проведенное исследование, государственные служащие категорию «человеческий фактор» понимают как совокупность внутренних и внешних показателей, определяющих поведение госслужащих, таких как, психологические особенности личности – 45,9 % участников опроса, профессиональная компетенция – 43,2 % респондентов, нравственные принципы – 43,2 % анкетированных, настроение – 29,7 % сотрудников, здоровье – 18,9 % респондентов, ценности – 13,5 % участников опроса, самооценка – 10,8 % опрошенных, менталитет – 8,1 % участников опроса. Кроме этого, опрошенные госслужащие в структуру человеческого фактора включили возможность совершать ошибки –

56,7 % опрошенных выбрали данный вариант ответа, поставив данный компонент на первое место в структуре человеческого фактора, а также жизненные ситуации, непоследовательность в поведении и нелогичные действия (по 8,1 % участников выбрали каждый вариант ответа).

По мнению большинства респондентов, человеческий фактор в управлении следует учитывать, но «исходя из отношения государственного служащего к профессиональным обязанностям» – так ответили 45,9 % респондентов; стараться «всегда учитывать» – 32,4 % участников опроса; посчитали, что стоит «максимально учитывать» – 10,8 % опрошенных сотрудников; «минимально учитывать» – 5,4 % респондентов; «не учитывать» – 2,7 % опрошенных, затруднились ответить 2,7 % участников опроса. Следовательно, человеческий фактор понимается большинством респондентов как фактор помогающий, а не мешающий в достижении поставленных организационных целей, что изменяет дискурс российской управленческой науки и практики.

Для определения влияния человеческого фактора на деятельность государственных гражданских служащих необходимо рассмотреть мотивы, ценности и нормы, являющиеся системообразующими показателями человеческого фактора.

В деятельности государственных гражданских служащих, на наш взгляд, ценности и нормы должны быть взаимообусловлены и стремиться к совпадению. Так, например, норма антикоррупционного поведения должна являться и ценностью для государственного служащего.

В рамках эмпирического исследования были изучены мотивы государственных гражданских служащих. «Стабильность и уверенность в настоящем» выбрали 51,3 % респондентов; «своевременную стабильную заработную плату» – 45,9 % опрошенных; «возможность реализовать свой потенциал» – 45,9 % участников опроса; «работу в бюджетной организации» – 35,1 % респондентов; «возможность выработать стаж, необходимый для назначения пенсии» – 35,1 % опрошенных; «основные и дополнительные государственные гарантии» – 27 % респондентов. Ни один из респондентов не выбрал в качестве мотива «престижность» и «положительное отношение в обществе к деятельности государственных служащих», что, на наш взгляд, является проблемным и затрудняет изменение отношения к человеческому фактору в управлении и к деятельности государственных служащих в целом.

Результаты исследования показали, что принцип приоритета прав и свобод человека и гражданина реализуется на государственной службе не в полной мере, поскольку такие варианты ответа, как «улучшение жизни в стране и регионе», «забота о нуждах граждан» и «работа с обращениями граждан», выбрало меньше половины опрошенных. Требуется длительная эволюция ценностей государственных служащих, позволяющая нормы в деятельности государственных служащих, регулируемые достаточным количеством нормативно-правовых документов, перевести в категорию ценностей, как общеразделяемых и, безусловно, общепринятых регуляторов служения населению, Родине.

Одним из мотивов работы в организации является положительный социально-психологический климат в организации. Опрошенные государственные служащие отметили, что на формирование климата в организации напрямую влияют отношения между сотрудниками (89,2 %); «условия работы в организации» (45,9 %); 37,8 % респондентов выбрали «внимательное отношение к персоналу со стороны руководства»; «стиль управления, принятый в организации» – 27,02 % опрошенных; «интересный и содержательный труд» – 21,6 % респондентов; «заработная плата» – 13,5 % опрошенных; «льготы и поощрения, принятые в организации» – 8,1 % участников опроса; «корпоративные праздники» – 2,7 % опрошенных; «известность организации» – 2,7 % респондентов.

Большинством опрошенных было отмечено, что в их коллективе позитивный, доброжелательный социально-психологический климат – 75,7 % респондентов, выбрали ответ «деловой» – 37,8 % опрошенных, 8,1 % участников опроса придерживаются мнения, что «дружеская атмосфера царит в их организации», лишь 2,7 % респондентов оценивают социально-психологический в коллективе, как «безразличный по отношению друг к другу».

Можно сделать вывод, что 83,8 % сотрудников ежедневно работают в дружном, позитивном, доброжелательно настроенном коллективе, но 2,7 % респондентов, по какой-либо причине, не находят себя в системе формальных/ неформальных взаимоотношений между сотрудниками, что свидетельствует об объективных характеристиках проявления «человеческого фактора» и положительных условиях для его учета в управлении.

На основе проведенного эмпирического исследования, направленного на выявление влияния человеческого фактора на деятельность

государственных служащих, были сформированы практические рекомендации по учету и оптимизации человеческого фактора в деятельности государственных гражданских служащих.

Программа мероприятий по оптимизации учета человеческого фактора в органах государственного управления должна осуществляться по следующим основным направлениям:

1. Создание здоровой конкуренции на рабочем месте за счет усиления требований, предъявляемых к должности, в частности введение учета индивидуальных качеств.

2. Внедрение изменений в показатели эффективности деятельности госслужащих с уклоном на результативность принятых решений.

3. Использование новой системы оценки результатов, которая позволит сделать систему мотивации более гибкой, учитывающей индивидуальные потребности, поэтому станет возможным стимулирование сотрудников новыми способами.

4. Понимание самими государственными служащими необходимости постоянных инвестиций в человеческий капитал, что позволит удержаться на рабочем месте, показывать высокие результаты и получать поощрения по результатам проведенной работы [5, с. 97].

5. Развитие и поддержание положительно-го социально-психологического климата позволит сгладить возможные негативные последствия конкуренции [3, с. 43].

6. Поощрение творчества и креативности, которое позволит сглаживать противоречия в существующей бюрократической системе.

Данные предложения в перспективе позволят изменить систему государственного управления, сделать ее более эффективной и гибкой, учитывающей «человеческий фактор» в деятельности госслужащих, что в дальнейшем приведет к повышению качества кадрового состава государственного управления и, следовательно, повышению эффективности принимаемых государственных решений и уровня удовлетворенности предоставляемыми услугами населению.

Библиографический список

1. Антошина, Н. Основные тенденции развития современного кадрового состава на государственной службе // Власть. – 2011. – № 2.
2. Быченко, Ю. Г. Человеческий фактор в условиях перехода общества на инновационный путь развития [Текст] / Ю. Г. Быченко, В. Ю. Лопухин // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2011. – № 1.

3. Магомедов, К. О. Кадровая политика в системе государственной власти и управления: мониторинг основных направлений [Текст] / К. О. Магомедов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2014. – № 3(121).

4. Рассказов, А. В. Экономические аспекты формирования категории «человеческий фактор» [Текст] / А. А. Рассказов // Вопросы экономики и права. – 2010. – № 11.

5. Эпштейн, Е. Е. Профессиональное совершенствование как фактор повышения мотивации труда госслужащих в Российской Федерации [Текст] / Е. Е. Эпштейн // Вопросы структуризации экономики. – 2008. – № 2.

УДК: 316.354
ББК: 60.54

КОВОРКИНГ: «GEMEINSCHAFT» ДЛЯ ФРИЛАНСЕРОВ

Е. В. Борисенко

Аннотация. В статье рассматривается современная практика фриланса как результат становления и развития информационного общества. Фриланс описывается как явление, иллюстрирующее процесс индивидуализации многих социальных практик в современном обществе. Рассматривается связь фриланса и такого нового социального явления как коворкинг. Коворкинг представляется как пространство (коллективный офис), в рамках которого осуществляют свою трудовую деятельность фрилансеры, удаленные сотрудники и начинающие предприниматели. Описание характеристик фриланса и коворкинга осуществляется в концептуальной схеме немецкого социолога Ф. Тенниса, через понятия общность (gemeinschaft) и общество (gesellschaft). Коворкинг интерпретируется как явление, сочетающее в себе основные характеристики, свойственные обществу (индивидуализм, формальность отношений, основанных на избирательной воле, личный интерес), а также характеристики, свойственные общности (близость, вовлеченность, эмоциональная глубина связей, социальная сплоченность и моральная ответственность).

Ключевые слова: коворкинг, коворкинг-пространство, фриланс, фрилансер, информационное общество, общество (gesellschaft), общность (gemeinschaft).

COWORKING: THE «GEMEINSCHAFT» FOR FREELANCERS

E. V. Borisenko

Abstract. The article investigate the modern practice of freelancing as a result of the formation and development of the information society. Freelance described as a phenomenon illustrating the process of individualization of many social practices in modern society. The author examines the relation of freelancing and such new social phenomena as coworking. Coworking is presented as a space (shared office) where freelancers, remote workers and business startups carried out their career. Identify the characteristics of freelancing and coworking made in conceptual scheme of the german sociologist F. Tennis, through the concept of a community (gemeinschaft) and society (gesellschaft). Coworking is interpreted as a phenomenon that combines the basic characteristics inherent in society (individualism, formal relations, based on the self-interest), as well as the characteristics peculiar to the community (togetherness, involvement, emotional depth relations, social solidarity and moral responsibility).

Keywords: coworking, coworking space, freelance, freelancer, information society, society (gesellschaft), community (gemeinschaft).

Научная категория «общество» по сию пору является центральным и ключевым элементом социологической теории. Поэтому значительную роль в истории теоретической социологической мысли занимает процесс концептуализации данного понятия, а также исследование основных этапов и периодов общественного исторического развития. Ю. А. Кимелев и Н. Л. Полякова очень условно выделяют, по крайней мере, три таких периода: 1) конец XVIII – начало XX века; 2) 20–

70 годы XX века; 3) 70–80 годы XX века [6]. В конце XX века в русле западной социологической мысли стали складываться концепции, ставившие перед собой задачу описать и понять социальную реальность, формировавшуюся в рамках того исторического периода развития общественной системы. «Речь идет и о преобладании информационно-коммуникационного сектора в экономике и превращении информации в потенциальный товар («экономика неинтегрированно-

го знания)), и о проникновении информационных технологий во власть, и о глубоких переменах в сфере труда, связанных со смещением центра экономического развития в сферу нематериальных ценностей» [3, с. 44]. Существует довольно много синонимов, которые употребляются в научных источниках для обозначения общества, претерпевающего подобного рода изменения, например, такие как: общество «третьей волны», «кибернетическое общество», «супериндустриальное общество» и т.д. Однако в современном научном дискурсе чаще всего используется термин «информационное общество».

Информационное общество характеризуется особой «ролью знания и основанных на нем технологий, доминированием информации, ускорением технического прогресса, уменьшением доли материального производства в совокупном общественном продукте, развитием сектора услуг и повышением качества жизни» [7]. В связи с этим следует отметить, что трансформация многих традиционных социальных практик в современных условиях тесно связана как с изменением общественного устройства, так и с появлением и стремительным развитием новых медиа и информационных технологий. Разумеется, исключением не является и трансформация представлений о труде и занятости. Интернет-технологии значительно обогащают и расширяют возможности социального взаимодействия людей, что проявляется в определенном размытии традиционных форм трудовой занятости и появлением новых, более гибких и автономных. Одной из таких автономных форм занятости является фриланс (freelance), концепция которой построена именно на удаленной работе человека, свободного от долгосрочного или постоянного контракта с работодателем.

Интересным является тот факт, что активно развивающаяся по всему миру практика фриланса представляется в массовом обывательском сознании как явление, возникшее благодаря появлению Интернета. Однако, сам термин «фриланс», а также практика фриланса имеет давнюю историю. «Первоначально "фрилансерами" (freelancer), буквально "вольными копейщиками", называли средневековых наемников – профессиональных военных, служивших различным хозяевам за вознаграждение. С XIX века так именуют "свободных художников", независимых журналистов, а также представителей других творческих занятий» [11, с. 45]. Сегодня фриланс – это, прежде всего, определенная форма занятости, которая отличается от остальных форм следующими характеристиками: 1) свой труд фри-

лансер организует подобно самозанятому человеку и одновременно осознает риски, связанные с получением дохода от своей деятельности подобно предпринимателю; 2) однако он не создает организаций и не привлекает наемного персонала для реализации своих задач, поэтому находится в положении трудящегося; 3) в процессе своей трудовой деятельности фрилансер обладает высоким уровнем автономии и независимости труда; 4) к фрилансерам как правило принадлежат высококвалифицированные профессионалы, обладающие значительным уровнем человеческого капитала [11, с. 46].

Стоит отметить, что фриланс не возник в ответ на развитие информационных технологий и новых медиа, а получил дополнительные условия для активного становления и популяризации практики, за счет увеличения уровня мобильности и автономности индивидов. Поэтому то, что имеется ввиду под фрилансом сейчас является продуктом становления информационного общества и постепенного размытия традиционного представления о форме занятости. Очевидным является тот факт, что «индустриальная» модель труда, где все элементы занятости носят довольно стандартизованный характер (полный рабочий день, постоянное место труда, стабильная зарплата, пакет социальных гарантий и т.д.), вместе с тем придавала человеку определенное чувство стабильности. Здесь трудовая биография человека, как и траектория его социальной мобильности, довольно однозначно определена и связана с его профессией и организацией, в которой он трудоустроен. На данный момент эта определенность перестает быть такой однозначной, что, по мнению некоторых социологов, связано с общим процессом индивидуализации общества. Так, Зигмунт Бауман отмечает, что в жизни каждого современного человека понятие личного и общественного стало позиционироваться в разных подчас противоположных друг другу мирах, каждый из которых подчиняется своей собственной логике [2]. В данном случае увеличение автономности и независимости людей связывается с такими процессами, как утрата консолидирующего чувства солидарности и возрастающей жизненной неопределенностью. Бауман пишет: «Неопределенность наших дней является могущественной индивидуализирующей силой. Она разделяет, вместо того чтобы объединять, и поскольку невозможно сказать, кто может выйти вперед в этой ситуации, идея "общности интересов" оказывается все более туманной, а в конце концов – даже непостижимой» [1, с. 82]. В действительности можно отметить,

что эта «индивидуализирующая сила» в некоторой степени подталкивает людей к расширению сети своих социальных связей. Так, американский социолог Марк Грановеттер отмечает, что в условиях современного общества наиболее эффективным источником информации является именно канал «слабых социальных связей», который с большей вероятностью может способствовать социальной мобильности индивида, нежели связи, основанные на длительных близких социальных контактах [5]. В трудах других социологов, работавших над концептуализацией процесса становления информационного общества, прослеживается идея о высвобождении индивида из уз традиционных общественных форм социальной связанности. К примеру, Ульрих Бек в своей книге «Общество риска: На пути к другому модерну» пишет: «люди освобождаются от социальных форм индустриального общества – от деления на классы и слои, от традиционных семейных отношений и отношений между полами... и начинают в большей мере зависеть от самих себя и своей индивидуальной судьбы на рынке труда с ее рисками, шансами и противоречиями» [4, с. 65].

В действительности популяризация таких социальных практик, как фриланс может являться примером того, насколько жизненная и трудовая биография людей становится индивидуализированной и все больше зависит от частных эпизодов личного выбора, а также наличия широкой сети социальных контактов. По сути, явление фриланса отражает те качества общества или ассоциации, которые в своей работе «Общность и общество» выделяет Фердинанд Теннис. Он анализирует основные компоненты социальных отношений между людьми, которые позволяют им сохранять, либо утрачивать чувство так называемой «социальной связанности», а также рассматривает основные формы ее проявления. Согласно его мнению, социальные взаимосвязи между людьми могут проявляться в двух модальностях: общности (*Gemeinschaft*) и общества (*Gesellschaft*). Теннис пишет: «все виды связанности, в которых преобладает сущностная воля, я называю общностью (*Gemeinschaft*), а все те, которые формируются посредством избирательной воли или существенно ей обусловлены, – обществом (*Gesellschaft*), причем оба понятия в их сущности и тенденциях суть модальности связанности» [12, с. 344]. Фриланс в этом смысле есть порождение общества, которое согласно Теннису, характеризуется повышенной степенью индивидуализма и формальности отношений, которые, как правило, основаны на избиратель-

ной воле и личном интересе. Суть деятельности фрилансера и заключается в его сознательном выборе проекта, над которым он может работать, условий своей трудовой реализации, отношений с нанимателем и т.д. В свою очередь наниматель или фирма, которая будет пользоваться услугами фрилансера, также реализует акт избирательной воли и осознает краткосрочный характер данных социально-трудовых взаимоотношений. Общность же отражает отношения, основанные на традиционных типах социальных взаимосвязей, которые характеризует близость, эмоциональная глубина и вовлеченность, социальная сплоченность и моральная ответственность. По сути, социальные отношения, в которые вступает фрилансер в процессе своей трудовой самореализации, являются противоположностью отношениям, характерным для общности. Однако, на фоне процесса постепенной индивидуализации общества, где высокий уровень солидарности перестает быть традиционным для социальных отношений, наблюдается появление и новых форм социальной сплоченности, в том числе и в среде фрилансеров. Одной из таких форм, имеющих непосредственное отношение к фрилансу, является коворкинг. Актуальным для нас здесь, прежде всего, является вопрос о том, что побуждает фрилансеров возвращаться к социальным связям, которые являются характерными для общности (в терминологии Ф. Тенниса)? Для этого следует подробнее рассмотреть сущностные характеристики коворкинга.

Коворкинг – это новая модель организации труда, при которой люди, оставаясь независимыми друг от друга, осуществляют свою деятельность в рамках одного пространства. Возникнув в Америке сравнительно недавно, это явление довольно активно распространилось в мире. Первыми и наиболее многочисленными участниками коворкингов стали именно фрилансеры, поскольку такие пространства наиболее полно отвечали нуждам данной социальной группы. Однако в дальнейшем практика коворкинга получила широкое распространение среди начинающих предпринимателей, среди некоммерческих организаций, удаленных сотрудников, стартаперов и т.д. Несмотря на то, что данная модель труда в основном используется фрилансерами, веб-программистами, предпринимателями и специалистами в тех областях, чья работа осуществляется в режиме онлайн, такая форма является востребованной и для людей творческих и креативных специальностей, поскольку не вписывается в рамки обычной корпоративной среды [14, р. 6].

Коворкинг можно рассматривать как локализованное территориальное пространство (офис, анти-кафе, квартира и т.д.), которое отвечает определенному набору требований. Во многом он выгодно соединяет в себе преимущества офисной работы и работы дома. Как правило, коворкинг-пространства предоставляют своим участникам широкий функциональный набор для работы и отдыха: конференц-зал; кухня; комнаты с открытой планировкой; кофе-бар; быстрый wi-fi; принтеры и ксероксы; библиотека; пространства с рабочими столами; телефонные комнаты; офисы, которые могут сдаваться в аренду; предоставление бизнес-услуг юридического, бухгалтерского, финансового и креативного характера; наличие определенной специализации или ниши, в которой работает коворкинг; возможность формирования социальных связей, возможность проведения мероприятий и митапов [13]. Таким образом, как пространство коворкинг должен обладать высоким уровнем развития внешней и внутренней инфраструктуры.

Однако коворкинг – это не просто удобный коллективный офис, это еще определенная атмосфера. Очень часто коворкинг-пространства рассматриваются в качестве так называемых «третьих мест» или городских общественных пространств, предназначенных для общения и творческого взаимодействия его участников [15]. Ю. М. Мелихова отмечает, что участникам коворкинг-пространств нужен не просто офис, пригодный для работы, и одной рабочей атмосферы для них также недостаточно. Им нужен необычный офис и нестандартный креативный подход к его обустройству [9]. Здесь коворкинг выступает в качестве креативного пространства для общения и творчества.

Одной из особенностей коворкингов является возможность использовать предоставляемое ими пространство для реализации различного рода интеллектуальных, инновационных и образовательных проектов, в том числе и профессионального характера. Такого рода пространства объединяют специалистов различных сфер деятельности и предоставляют им возможность контактировать по разным профессиональным вопросам. Фрилансер, не имея возможности нанять свой штат сотрудников для решения какой-либо профессиональной задачи, может воспользоваться принципами нетворкинга, которые успешно работают в рамках коворкинг-центра.

Немаловажным для нас является тот факт, что коворкинг представлен социальными сообществами, которые организованы согласно сетевому принципу. Коворкинг-центры, на сего-

дняшний день, распространены по всему миру и объединяются в сеть благодаря такой программе как Coworking Visa. Она позволяет участнику любого коворкинга бесплатно пользоваться рабочим местом в любом другом офисе, участвующем в этой программе. Данное предложение пользуется особой популярностью среди фрилансеров, а также бизнесменов и специалистов, которые по роду деятельности часто бывают в других городах [8].

Таким образом, коворкинг сочетает в себе несколько определяющих его элементов: 1) является формой организации труда; 2) представляет собой многофункциональный коллективный офис; 3) является видом креативного пространства; 4) представляет собой площадку для социально-профессионального взаимодействия; 5) является формой сообщества, организованного согласно сетевому принципу. Однако можно ли определить коворкинг как *gemeinschaft*? Для нас представляется возможным говорить о том, что такой тип социальной связанности в коворкинге существует.

В рамках коворкингов как локальных сообществ существует феномен социальной солидарности, которая естественным путем возникает благодаря тому взаимодействию, которое происходит между участниками в условиях коворкинг-пространств. Пространство коворкинга как правило организовано таким образом, что устанавливает минимум препятствий для социального и профессионального взаимодействия своих участников. В коворкингах всегда есть пространственные сектора, где участники могут так или иначе свободно контактировать друг с другом, к примеру, когда находятся на общей кухне или в зоне отдыха. Нахождение единомышленников и возможность реализации совместных проектов дает возможность не просто повысить производительность своего труда и обзавестись новыми социальными связями, но и почувствовать свою вовлеченность и эмоциональную сопричастность к определенной группе людей, возможность почувствовать себя частью сообщества. Так, одним из показателей высокой популярности коворкинга среди удаленных сотрудников, практикующих фриланс или молодых предпринимателей, является именно факт того, что, работая вне какой-либо социальной группы, у них постепенно начинает возникать чувство изоляции и одиночества [14].

Коворкинг также становится площадкой для формирования долгосрочных социально-профессиональных отношений. Владелец бельгийского коворкинга Жан-Ив Юар приводит

пример такого социального взаимодействия между участниками одного из брюссельских коворкинг-центров: «У меня есть пример небольшого стартапа в брюссельском коворкинге, который привлек 1,5 млн евро. И создан он был двумя пользователями, которые приходили в один и тот же коворкинг и просто смотрели, что вокруг происходит. У них не было бы ни единого шанса привлечь хотя бы один евро, если бы они не познакомились в коворкинге» [10].

Коворкинги, которые открываются в средних и небольших городах, имеют в своей основе больше характеристик, соответствующих такому типу социальной связанности, как общность. Если учитывать тот факт, что социально активных людей в различных сферах общественной жизни не так много, коворкинги становятся теми площадками, в рамках которых они осуществляют свою самореализацию. Такие социально и экономически активные люди, как правило, образуют консолидирующие сообщества в рамках локальных городских пространств. Именно такие места как коворкинги часто начинают играть роль креативных пространств в рамках которых происходит реализация совместных творческих, социальных и образовательных проектов. Не редко участники коворкинга сами становятся его соавторами, что происходит за счет тех идей и предложений, которые могут доноситься в качестве пожеланий владельцам коворкинг-центра. За счет постоянного процесса консолидации вокруг себя потенциальной аудитории, коворкинг сохраняет свою эффективность как коммерческих проект.

Однако помимо черт, характерных для общности (Gemeinschaft), в коворкинге безусловно можно наблюдать и отношения свойственные для общества (Gesellschaft). Наиболее яркой иллюстрацией этого является тот факт, что коворкинг был сформирован посредством избирательной воли. Он является искусственно созданным социальным объединением, участие в котором носит добровольный характер и степень автономности этого участия может регулироваться самим участником.

Таким образом, коворкинг, на наш взгляд, представляет собой особую форму социального объединения, которая, с одной стороны, сочетает в себе преимущества, предоставляемые развивающимся информационным обществом (высокий уровень развития информационных технологий, повышение уровня мобильности индивидов, возросший уровень автономности труда) и сохраняет характер социальных взаимосвязей, свойственных обществу. С другой стороны, оно

способствует сохранению традиционных элементов социальных взаимосвязей, характерных для общности, что, в свою очередь, помогает преодолевать негативные последствия процесса индивидуализации повседневных практик индивидов.

Библиографический список

1. Бауман, З. Возвышение и упадок труда [Текст] / З. Бауман // Социологические исследования. – 2004. – № 5.
2. Бауман, З. Индивидуализированное общество [Текст] / З. Бауман. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
3. Бунина, В. Г. От информационного общества к обществам знания: международные документы об управлении в сфере образования [Текст] / В. Г. Бунина // Право и управление. XXI век. – М., 2008. – № 2(7).
4. Бэк, У. Общество риска: На пути к другому модерну [Текст] / Пер. с нем. В. Седелник, Н. Федорова. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
5. Грановеттер, М. Сила слабых связей [Текст] / М. Грановеттер // Экономическая социология. – Т. 10. – М., – 2009. – № 4.
6. Кимелев, Ю.А. Социологические теории модерна, радикализованного модерна и постмодерна [Текст] / Ю. А. Кимелев, Н. Л. Полякова. – М.: ИНИОН РАН, 1996. – 66 с.
7. Костина, А. В. Тенденции развития культуры информационного общества: анализ современных информационных и постиндустриальных концепций [Электронный ресурс] / А. В. Костина // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». – 2009. – № 4. – Режим доступа: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Kostina_Information_Society/ (дата обращения: 21.01.2016).
8. Международная программа «Coworking Visa»: бесплатный доступ в 200 офисов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.office-m.ru/blog/27-09-programma-coworking-visa-besplatnyj-dostup-v-200-ofisov-v-ssha-i-drugix-stranax/> (дата обращения: 10.10.2014).
9. Мелихова, Ю. М. Перспективы развития коворкинг-центров в России и за рубежом [Текст] / Ю. М. Мелихова, О. В. Шатаева // Экономика и экономическое моделирование. – Т. 2. – М., 2013. – № 5.
10. Муравьев, Д. Дитя технологического развития [Электронный ресурс] / Д. Муравьев // Взгляд. Деловая газета. – 2013. – Режим доступа:

<http://vz.ru/economy/2013/7/8/640136.html> (дата обращения: 27.10.2015).

11. *Стребков, Д. О.* Фрилансеры на российском рынке труда [Текст] / Д. О. Стребков, О. В. Шевчук // Социологические исследования. – М., 2010. – № 2.

12. *Теннис, Ф.* Общность и общество [Текст] / Ф. Теннис // Социологический журнал. – М., 1998. – № 3–4.

13. *El Kordi-Hubbard, J.* The Democratization of Entrepreneurship: a case for coworking and collaboration [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.slideshare.net/JonDanielEkh/the-](http://www.slideshare.net/JonDanielEkh/the-democratization-of-entrepreneurship-a-case-for-coworking-and-collaboration)

[democratization-of-entrepreneurship-a-case-for-coworking-and-collaboration](http://www.slideshare.net/JonDanielEkh/the-democratization-of-entrepreneurship-a-case-for-coworking-and-collaboration) (дата обращения: 21.01.2016).

14. *Gupta Anil, K.* The Co-Working Space Concept [Текст] / К. Gupta Anil. – Leforestier: CINE Term project Anne, 2009. – 87 p.

15. *Moriset, B.* Building new places of the creative economy. The rise of coworking spaces [Электронный ресурс] / В. Moriset // 2nd Geography of Innovation International Conference. – 2014. – Режим доступа: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00914075/document> (дата обращения: 19.01.2016).

УДК 338.984
ББК 65.29

ПРИМЕНЕНИЕ ОПРОСА И ФОКУС-ГРУППЫ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ДЛЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОГО БИЗНЕС-ПЛАНИРОВАНИЯ МАЛОГО БИЗНЕСА

М. С. Богаевская, Е. В. Тарасенко

Научный руководитель: к. э. н., доцент *Н. Е. Булетова*

Аннотация. Осознание высокой роли в развитии региональной экономики и создании рабочих мест, повышении социальной адаптированности населения, его уровня жизни за счет успешного функционирования малого бизнеса заставляет с особым вниманием относиться к методам исследования рынка потребителей и рынка товаров и услуг, на которых малый бизнес традиционно активен, традиционно успешен и не составляет конкуренции для крупных торговых сетей, транснациональных компаний. В статье представлен результат проведенного авторами исследования возможностей и преимуществ в сборе первичной информации о потребителе услуг малого бизнеса – таких методов, как статистический опрос и фокус-группа. Полученные результаты имеют практическую направленность и актуальны при бизнес-планировании развития предприятия малого бизнеса в сфере услуг для населения региона.

Ключевые слова: бизнес-планирование, опрос, фокус-группа, услуга, малый бизнес.

USE OF POLL AND FOCUS GROUP OF POTENTIAL CUSTOMERS FOR EFFECTIVE BUSINESS PLANNING OF A SMALL BUSINESS

M. S. Bogayevskaya, E. V. Tarasenko

Research supervisor: *N. E. Buletova*, Ph. D. in Economics, Associate Professor

Abstract. In recent years, small business plays an important role in the development of regional economy, it creates new jobs, improves social adaptively of the population and raises living standards. Thus, much interest has been shown in research methods of consumer market and goods and services market where small business is traditionally active, keeps leading positions and doesn't compete with large retail chains and multinational companies. The article presents the results of the study of opportunities and advantages of two methods of collecting primary information about small business service consumers – poll and focus group. The results gained have a practical use and are relevant in business planning for a small business in the service sector.

Keywords: business planning, poll, focus group, service, small business.

Если рассматривать бизнес-планирование как один из самых успешных методов планирования финансово-хозяйственной деятельности предприятия любого масштаба и сферы деятельности на будущее, то встает вопрос о том, к чему

приводит качественное планирование, а это важный шаг на пути к более четкой координации предпринимаемых усилий по достижению поставленных целей развития, сохранения, создания бизнеса, к установлению показателей дея-

тельности фирмы, которые необходимы для реализации и последующего контроля, поэтому разработка даже самого небольшого бизнес-плана, направленного на решение локальной задачи развития, оправдывает затраты временных, финансовых, трудовых ресурсов на сбор первичной и вторичной информации, позволяющих удовлетворить интерес в информации о бизнесе не только партнеров и инвесторов, но и потенциальных потребителей тех услуг, продуктов, работ, на создание и реализацию которых и направлено ваше дело. Автор Е. Р. Орлова характеризует ошибки бизнес-планирования, допущение которых можно связывать с различными причинами [4], но одной из самых важных мы считаем пренебрежение и экономию на сборе, обеспечении достоверности первичной информации, характеризующей мотивацию поведения, воздействие на выбор потребителя, особенно в малом бизнесе.

Проведение анкетирования и фокус-группы с учетом собранной в ходе опроса информации является самым результативным и существенным по значимости способом исследования рынка сбыта и свойств потребителей [2, с. 34]. Основными источниками данных о методах и правилах проведения опроса и фокус-группы при бизнес-планировании стали источники [1], [2] и [3]. К основным результатам анкетирования на тему «Выявление предпочтений потенциальных покупателей свадебного салона» можно отнести следующие:

1) целью анкетирования было установление предпочтений потенциальных покупателей свадебного салона, выявить наиболее важные качества при выборе свадебного наряда, оптимальный фасон, цвет и стиль наряда, необходимую сумму на его приобретение, предпочтительные бренды, а также дополнительные услуги салона;

2) в анкетировании приняли участие 500 человек, респонденты были поделены на три возрастные группы – от 18 до 25 лет, от 26 до 35 лет и старше 35 лет;

3) число женщин среди респондентов составило 57,5 %, мужчин 42,5 %. При этом более 40 % женщин готовы потратить на приобретение свадебного наряда сумму, превышающую 50 тыс. руб., в то время как среди мужской половины населения такие затраты готовы понести чуть больше 20 % мужчин. Как мы видим, процентное соотношение отличается в два раза. Следовательно, можно сделать вывод, что мужчины в этом отношении более экономны при организации и проведении свадебного торжества;

4) особый интерес вызвали данные о предпочтениях цветовой гаммы свадебных нарядов: более 55 % мужчин выбирают яркие тона, а вот среди опрошенных дам это число составляет около 20 %. Однако и те, и другие считают, что свадебный наряд должен быть простым и элегантным. Разница в процентном соотношении здесь практически не ощутима, доля мужчин составила более 75 %, а женщин более 60 %;

5) при проведении анкетирования респондентам были предложены вопросы не только о предпочтениях в нарядах, но и дополнительных услугах свадебного салона. Здесь были получены следующие результаты: продажа свадебных аксессуаров как дополнительная услуга актуальна среди женщин (60 % опрошенных), а вот мужчинам интересен индивидуальный пошив наряда (65 %). Важным критерием при выборе свадебного салона и среди мужчин (55 %), и среди женщин (около 50 %) является качество представленного товара;

6) у большинства участников анкетирования до 25 лет (80 %) стартовая цена при покупке наряда составляет 20 тыс. руб., а окончательная превышает 50 тыс. руб., в то время как респонденты старше 26 лет (58 %) выбирают ценовой диапазон от 10 тыс. руб. до 40 тыс. руб.;

7) практически все респонденты, независимо от гендерных факторов и возрастных категорий, сошлись во мнении о качестве обслуживания в свадебном салоне. Более 90 % опрошенных указали важным критерием вежливость и доброжелательность сотрудников.

Используя полученные результаты как основу для разработки сценария фокус-группы, авторами была реализована работа фокус-группы в соответствии с правилами и особыми требованиями по организации и проведению такого способа изучения потребителя на рынке товаров, работ и услуг. В фокус-группе приняло участие 13 человек. Сценарий фокус-группы (таблица 1) составлялся на основе источника [2]:

Далее представлены основные результаты применения данного качественного метода исследования рынка потребителей в рамках разработки бизнес-плана нового предприятия:

- к важным характеристикам, которыми должен обладать идеальный свадебный наряд, в большинстве случаев, девушки относили качество, элегантность и цвет; мужская половина участников отметила следующие характеристики: оптимальная цена, качество и презентабельный внешний вид;

Таблица 1

Основные этапы и материалы фокус-группы

ПЛАН ФОКУС-ГРУППЫ					
Используемые материалы:	1. Обсуждение свадебного наряда (15 минут)	2. Моделирование свадебного наряда (15 минут).	3. Создание фасона свадебного наряда (30 минут)	4. Расстановка цветочных акцентов свадебного наряда (30 минут)	5. Описание своего конечного мнения об идеальном свадебном наряде
Анкеты в виде опросных листов Ручки Бейджики с именами Эскизы свадебных нарядов Цветовая палитра Фотоматериалы	Раздача опросных листов. Вопросы анкеты в первой части	Обсуждение четырех предложенных концепций товаров			

- в процессе дискуссии женская часть аудитории пришла к общему мнению о том, что свадебный наряд предпочтительнее брать в аренду (новый наряд), нежели купить его, обосновывая это тем, что в дальнейшем он не будет использоваться. А вот мужчины в этом вопросе оказались более принципиальны и единогласно решили, что наряд необходимо покупать;

- большая часть аудитории высказалась о том, что свадебные наряды, представленные сегодня на рынке, неудовлетворительного качества, а также имеющимся моделям не хватает индивидуальности; большинство участников дискуссии считают, что наряды импортных производителей имеют преимущество по отношению к отечественным, которое выражается в более высоком качестве, индивидуальности моделей, распространенностью на рынке и широким ассортиментом;

- из 13 участников 11 человек готовы потратить на свадебный наряд более 30 тыс. руб. При этом ценовой диапазон достаточно широкий – от 30 тыс. руб. до 250 тыс. руб.;

- обсуждая цветовую гамму наряда, более 90 % членов дискуссии выбрали пастельные тона; говоря о мужском свадебном наряде, 95 % аудитории пришли к выводу, что он должен состоять из стандартного набора: брюки, рубашка, смокинг;

- при выборе фасона свадебного платья мнения разделились: 8 из 10 выбрали бальное свадебное платье, 1 из 10 – прямое свадебное

платье, 1 из 10 – свадебное платье «Русалка», и 90 % указали, что у платья должен быть шлейф.

Полученный опыт бизнес-планирования и применения таких методов сбора и исследования первичной информации как опрос и фокус-группа позволили авторам не только получить навыки самостоятельной научной работы, но и использовать результаты для обоснования стратегии, бюджета доходов и расходов и других элементов бизнес-плана, основывающихся на данных исследования потенциальных потребителей выбранного вида предпринимательской деятельности.

Библиографический список

1. Булетова, Н. Е. Статистические методы исследования макроэкономических явлений и процессов: учебное пособие [Текст] / Н. Е. Булетова и др. – Волгоград: Изд-во ВФ РАНХиГС, 2014. – 320 с.
2. Галицкий, Е. Б. Методы маркетинговых исследований [Текст] / Е. Б. Галицкий. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2006. – 398 с.
3. Кравченко, А. И. Методология и методы социологических исследований: учеб. для бакалавров [Текст] / А. И. Кравченко. – М.: Юрайт, 2015. – 827с.
4. Орлова, Е. Р. Бизнес-план: основные проблемы и ошибки, возникающие при его написании [Текст] / Е. Р. Орлова. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Омега-Л, 2005. – 152 с.

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

HUMANITARIAN KNOWLEDGE

УДК 94(479.25)"-": 314.148
ББК 63.3(0)329.5+63.443.2

ПАЛЕОДЕМОГРАФИЯ НАСЕЛЕНИЯ АРМЕНИИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ АНТИЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ ШИРАКСКОЙ РАВНИНЫ)

А. Ю. Худавердян

Аннотация. В работе приводятся сведения о поле и возрасте умерших из 3 античных (I в. до н.э. – III в. н.э.) некрополей одной локальной области Армении – Ширакской равнины. Высокая смертность приходится на периоды 20–29, 40–49 и после 50 лет. Неблагополучные демографические характеристики античных палеопопуляций Ширакской равнины свидетельствуют о значительном давлении неблагоприятных средовых факторов. В пользу этого свидетельствуют данные патологического анализа, выявляющего наличие многочисленных заболеваний, неполноценной пищевой базы и т.д. Социальная напряженность в группе также присутствовала.

Ключевые слова: демография, население Армении, античный период.

PALEODEMOGRAPHY OF ARMENIA'S POPULATION IN LATE ANTIQUITY (THE ANCIENT MONUMENTS OF THE SHIRAK PLAIN CASE STUDY)

A. Yu. Khudaverdyan

Abstract. This paper is concerned with the gender and age of the dead from three antique (1st c. B.C. – 3rd c. A.D.) necropolises in the Shirak plain (Armenia). The highest death rates are revealed for the age 20–29, 40–49 and over 50. Unfavorable demographic characteristics of antique paleopopulations of the Shirak plain prove the adverse impact of environmental factors. The findings gained by means of the pathologic analysis suggest widespread diseases, malnutrition, etc. The demographic group can be also characterized as subject to social tensions.

Keywords: demography, population of Armenia, Late Antiquity.

Исследование демографической структуры древних обществ получает довольно широкое развитие в палеоантропологической науке. Палеодемографические приемы с учетом археологического контекста позволяют определять половозрастную структуру населения, продолжительность жизни в группе, вероятность смерти в определенном возрастном интервале, средний размер семьи и т.д. Демографические показатели отражают уровень экономического развития популяций, специфику биологической, хозяйственно-культурной и социальной адаптации к окружающей среде. Смертность как генерализованный показатель благополучия (а также неблагополучия) популяции отражает неспецифическую

реакцию группы на внешние стимулы [9]. Приблизиться к пониманию социальных и бытовых условий жизни населения Армении можно путем палеодемографического и палеопатологического изучения материалов погребальных памятников. Предпринимается попытка комплексно рассмотреть демографические аспекты на примере населения различных могильников эпохи поздней античности (Бениамин, Ширакаван I, Черная Крепость I, Вардбах) [12].

Численность индивидов, составляющих Бениаминскую серию, позволяет надеяться на высокую достоверность представленной палеодемографической характеристики населения, оставившего некрополь. Определение демографи-

ческих показателей смертности населения выполнено методом, предложенным Gy. Acsádi и J. Nemeskéri [13]. Палеодемографический метод исследования основан на принципе построения таблиц смертности, с помощью которых определяют уровень смертности, выживаемости, продолжительности жизни в различных возрастных интервалах. Кривые смертности, получаемые на основании табличных значений, полностью отражают всю имеющуюся демографическую информацию. Нами была использована программа "ACHERON", разработанная Д. П. Богатенковым в ИАрхеологии АНР.

Античный период истории армянского народа, охватывает десять веков (VI в. до н.э. – III в. н.э.), десять веков больших исторических перемен в социально-экономических отношениях, политической судьбе и культуре народа. Киммерийцы, саки, скифы, сарматы и другие племена с VIII в. до н.э. просачивались на Армянское нагорье и в Малую Азию. Войско кочевников представляло серьезную угрозу для древневосточных рабовладельческих государств. Подвергая полнейшему разграблению захваченную территорию, оно внушало ужас жителям соседних стран. Многие урартские, античные города и поселения были разрушены скифами [4]. Сведения об эпизодических инфильтрациях подобного рода содержатся в античных и древнеармянских источниках, освещающих исторические события рассматриваемой эпохи [5, 11]. Межгрупповой краниологический анализ выявил связи населения урартского и античного периодов Армянского нагорья со скифами Поднестровья, Степей Черноморья и Украины, сарматами Волго-Уралья и саками Средней Азии [18].

В могильниках, расположенных на территории Армении (Бениамин, Ширакаван, Кармракар, Вардбах), впервые искусственно деформированные черепа встречаются в эпоху античности [14, 17]. Носителями идей преднамеренно деформировать голову у населения Армении, видимо, были мигранты. На основе тщательного анализа палеоантропологического материала выявлено, что после перерыва обычай искусственной деформации головы первыми начинают практиковать среднеазиатские племена сакского времени [10], сарматские племена из Поволжья [1] и скифы Крымского полуострова [3]. Не исключено, что обычай искусственной деформации головы, может служить признаком нового этнического самосознания. Следует отметить, что некоторые субъекты из Бениаминского некрополя с искусственной деформацией головы морфологически заметно отличаются от остальных.

Горизонтальная профилировка лица у них несколько ослаблена.

Палеодемография Бениаминского могильника

Раскопки памятника Бениамин были начаты в 1989 г. экспедицией Института археологии и этнографии НАН РА совместно с сотрудниками Краеведческого музея г. Гюмри (раскопки Ф. Тер-Мартirosова, А. Хачатряна, Л. Еганян). Судя по расположению дворцово-культового комплекса в центре на холме, с хозяйственными сооружениями внизу (под холмом), предполагается, что это дворец правителя Ширака, а поселение являлось административным центром региона [6]. Даты этого памятника укладываются в пределы II в. до н.э. – III в. н.э. Когда дворцово-храмовый комплекс Бениамина потерял свое значение правитель, его семья, приближенные покинули это место, руины построек использовались оставшимися жителями для захоронения умерших. Мы имеем сведения о поле и возрасте 165 захороненных (1989–2006 гг.). Основным типом захоронений в Бениамине являются ящики из каменных плит. Наряду с ними встречаются кувшинные, грунтовые и ямные захоронения. Ориентация захоронений довольно устойчива: наибольшее число погребенных уложено головой на северо-восток, положение захороненных вытянутое (как на спине, так и на правом или левом боку), однако наблюдаются и другие способы захоронения [2]. Большая часть погребений безинвентарные, хотя иногда встречаются медные бусы, серьги, иголки, обработанные камни, изготовленные из костей музыкальные инструменты.

Для демографической характеристики Бениаминской популяции использован перечень из 165 половозрастных определений (табл. 1). Общий показатель детской смертности в группе составил 34,5 %. При сопоставлении с палеопопуляциями из других могильников с территории Евразии выясняется, что детская смертность в могильнике Бениамин входит в пределы вариаций, характерных для населения с развитым производящим хозяйством I тыс. до н.э. – I в. н.э. Фиксируется повышенный процент детской смертности на первом этапе жизни. На многих детских скелетах (22 из 50) была обнаружена *stigma orbitalia*. Причина высокой смертности, может быть, кроется и в неблагоприятном воздействии условий среды на репродуктивную функцию [19]. По мере роста и развития, соответственно становления адаптивных систем, риск умереть резко снижается у погребенных в Бениамине. Здесь небольшая смертность фиксируется в начальном периоде

полового созревания. Наиболее удивителен невысокий процент умерших в подростковом возрасте. Для современных подростков это период активного полового созревания, отчетливых морфо-функциональных и физиологических преобразований, этап наибольшей открытости организма для внешних и внутренних воздействий. Этот феномен можно объяснить сдвигом пубертатных проявлений к более старшему по сравнению с современностью календарному возрасту, и, возможно, менее болезненными для организма его протеканиями. Не исключено, что повышение смертности людей в следующей возрастной категории можно отчасти объяснить именно этими причинами, отчасти и активизацией их социального поведения, целенаправленно используемой старшими при экстремальных для группы ситуациях (разрешение конфликтов и т.д.). С другой стороны, незначительную подростковую смертность можно объяснить и искусственно созданными условиями оберегания подростков как ближайшего и весьма значимого источника человеческих ресурсов для обеспечения нужд общества.

Другая специфическая черта погребенных в могильнике Бениамин – значительное преобладание женских погребений над мужскими. Общая тенденция для женского пола такова, что их смертность наибольшая в молодом возрасте. Смертность в возрасте 15–19 лет в значительной мере могла быть связана с первыми родами у женщин, что позволяет предположить существование практики ранних браков. Смертность юных и молодых женщин в период 20–24 лет была намного выше, чем у мужчин, т.е. период повышенной частоты деторождений. Но для бениаминского общества есть все основания полагать, что к 25–29 лет у большинства фертильных женщин бениаминской общности уже прошли первые, наиболее опасные роды. В таком случае объяснение преобладающей женской смертности родами в период 25–29 лет представляется не вполне обоснованным.

Уровень репродуктивности в группе – 2,37 – не позволяет воспроизвести нормальный состав семьи, поэтому считаем его недостаточным. Женщины Бениаминского могильника доживали до старости в два раза реже мужчин (после 50 лет).

По материалам Бениаминского могильника можно судить, что на раннем этапе соотношение полов было в пользу мужчин. Показатель смертности у мужчин возрастает в период молодости (25–29 лет) и пожилого возраста (40+). По-видимому, Бениаминский могильник оставлен

группой, пережившей военные действия, что обусловило частую гибель мужчин в период молодости. Слабым местом этого объяснения является то, что в ходе любой войны наибольшие потери наблюдаются среди новобранцев, к которым для бениаминского социума можно отнести 20–24-летнюю когорту, в возрасте же ветеранов, т.е. свыше 30 лет смертность воинов резко понижается. Высокий процент смертности пожилого мужского населения объясняется нестабильностью исторической ситуации (военными действиями, миграциями из соседних регионов). Негативное влияние военного фактора на группу было прослежено в ходе детального изучения костных патологий [16]. Увеличение смертности в пожилом возрасте объясняется также снижением адаптивных возможностей организма за счет начала протекания инволютивных процессов и в целом длительностью этого этапа онтогенеза, в который включены и люди старческого возраста.

Ожидаемая продолжительность жизни в интервале 0–4 равна 24 годам. Для переживших младенческий период с его наиболее высокой смертностью шансы на выживание не повышаются, идет постепенное понижение значения (E_x). Ожидаемая продолжительность жизни в случае достижения субъектом возраста 15 лет (или средняя теоретическая продолжительность жизни субъектов при достижении пятнадцатилетнего возраста) равна 19,9 годам. Следовательно, население характеризуется высоким уровнем детской смертности. По данным К. Weiss [20], такая величина E_{15} свойственна обществам с развитым сельским хозяйством. Половые различия в этом показателе наиболее ярко выражены в начальном взрослом пятилетии – в интервале 15–19 лет. Ожидаемая продолжительность жизни женщин к 15-ти годам – 15,6 лет, мужчин – 25,9 лет. В интервале 20–24 лет динамика величин ожидаемой продолжительности жизни в обеих половых группах снижается (женщины – 11,3 лет, мужчин – 20,9 лет).

Крутым спадом женская кривая отделяется от мужской в период 25–29 лет. Быстрое сокращение числа доживающих приводит к низкой медианной продолжительности жизни.

Анализ данных о продолжительности жизни в палеопопуляции следует считать важной частью общей реконструкции качества жизни и развития общества. Перечислим закономерности, влияющие на продолжительность жизни: болезни, несчастные случаи, бытовые и рабочие травмы, военные столкновения, голод и т.д. Все это отражается на продолжительности жизни каждо-

го отдельного человека. Популяция из Бениамин, средняя продолжительность жизни которой (с учетом детской смертности) составила 24 года, без учета детской смертности – 34,9, входит в категорию палеопопуляций, характеризующихся высокой смертностью. Средняя продолжительность жизни у представителей мужского пола составила 40,9 лет, у женщин – 30,6 лет.

Вероятность смерти в периоды 10–14, 15–19, 20–24 и 35–39 лет у погребенных в Бениамине невысокая; резкое повышение наблюдается в периоды 25–29, 40–44 лет и после 50 лет. Мужская и женская выборка характеризуются различными механизмами вымирания. Вероятность смерти в интервале 15–19 лет у мужчин крайне невелика. Женщины того же возрастного диапазона имеют невысокую вероятность смерти. Вероятность смерти с возрастом не снижается, а наоборот, растет в обеих половых группах, так как постоянно возрастает вероятность гибели от случайных факторов (травмы, болезни, военные столкновения и т.п.). У мужчин первый пик обусловлен повышением вероятности смерти в возрастном интервале 25–34 лет, у женщин – 25–29 лет. Вероятность смерти в возрастном интервале 35–39 лет у мужчин снижается, у женщин понижение наблюдается в интервале 35–39 лет. Мужчины и женщины в возрасте 35–39 лет имеют низкую вероятность смерти, а в возрасте 40–44 лет происходит повышение вероятности смерти. Вероятность смерти у мужчин в возрасте 45–49 лет снижается. В дальнейшем и у мужчин, и у женщин вероятность смерти возрастает. Описанная кривая логично интерпретируется в соответствии с биологическим и социальным половым диморфизмом: неоспоримой причиной укороченности жизни в молодых возрастах (15–24 лет) принято считать высокую смертность при родовых осложнениях в условиях антисанитарии. Без сомнения, население Бениаминского могильника жило в обстановке все возрастающей военной опасности. Кроме того, мы имеем достаточно большое количество прямых доказательств военных стычек: разрушение дворцово-культурного комплекса Бениamina связанная с вторжением кочевников [7], а также следы тяжелых переломов и травм у населения.

Палеодемография памятника Черная Крепость I

Раскопки в памятнике Черная Крепость, проведенные в 1993, 1998–1999 гг. под руководством С. А. Тер-Маркаряна, совместно с сотрудниками Краеведческого музея г. Гюмри, позволили заполнить пробел, имевшийся в палеоантропологических материалах с этой террито-

рии (Ширакская равнина). Материал состоит из серии черепов, относящихся к двум периодам: к эпохе поздней бронзы (1400 – 1200 гг. до н.э. /Черная Крепость: 13 черепов: 8 женщин, 2 мужчин и 3 детей /) и античности (I в. до н.э. – III в. н.э. /Черная Крепость I: 28 черепов: 13 женщин, 10 мужчин и 5 детей /). Основным типом захоронений в памятнике Черная Крепость I являются ящики из каменных плит и грунтовые захоронения. Индивиды уложены головой на северо-восток, положение захороненных вытянутое (на спине, правом и левом боку). Памятник представлен намного меньшим по численности антропологическим материалом (табл. 2). По археологическим и палеозоологическим данным населения могильника вела тот же тип хозяйства, что и погребенные в некрополе Бениамин, Ширакаван I, Вардбах.

Имеются скелеты всех возрастных категорий. У населения Черной Крепости I скелетов младенцев, умерших до 2-летнего возраста составляет 7,2 %. Низкий уровень рождаемости, вероятно, был обусловлен рядом причин социально-экономического и демографического характера. К демографическим относятся низкая численность населения детородного возраста, высокий уровень незамужних и холостых, снижение уровня плодovitости женщин в результате сознательного ограничения деторождения и прочее, а к экономическим – в первую очередь плохое материальное положение населения и т.д. Немалую роль играли и факторы экологического характера. Смертность в возрасте 5–7 лет составляет 7,2 %, а в возрасте 10–14 лет – 3,6 %. Среди взрослых преобладают женщины (46,5 %), мужчины составляют 35,8 %. Пик смертности у женщин приходится на период 20–29 лет, у мужчин – 35–44 лет. При этом скелетов женщин старческого возраста не обнаружено. В целом, с учетом детской смертности, возраст поколения составил 29,8 лет, без учета детской смертности – 34,9. Средние сроки жизни населения Черной Крепости I, как отдельно и для мужчин, оказались выше, чем у погребенных в Бениамине. Все же эти цифры нельзя воспринимать как отражение весьма благоприятной внешней обстановки. В пользу этого свидетельствуют данные патологического анализа, выявляющего наличие многочисленных заболеваний, неполноценной пищевой базы и т.д. [15]. Социальная напряженность в группе также присутствовала. Так, на 6 скелетах из некрополя Черной Крепости I были зафиксированы следы травматических повреждений.

Палеодемография могильника Ширакаван

Экспедиция Института археологии и этнографии НАН РА исследовала поселения Ширакаван. Вскрыто более 30 позднеантичных захоронений (I в. до н.э. – III в. н.э.) в каменных ящиках, ориентированных на запад. Большая их часть разрушена пахотой. В захоронениях обнаружены фрагменты бронзовых браслетов, стеклянных бусин, серег. Найдены каменные зернотерки, ступы, пряслица, костяные проколки. Керамика – с красным покрытием и белой глазурью, с орнаментами, характерными для расписной керамики Армении эпохи античности. Обнаружены фрагменты сосудов ширакского типа с грубоватой черно-серой поверхностью, украшенных многорядными гребенчатыми бороздками, а также фрагменты сосудов с рельефными поясками, налепами [8]. Могильник Ширакаван I представлен меньшим по численности антропологическим материалом (табл. 2). Дети раннего этапа постнатального онтогенеза – отсутствуют. Смертность в возрасте 15–19 лет составляет 20 %. Среди взрослых преобладают мужчины (70 %). Скелетов женщин старческого возраста не обнаружено. Средние сроки жизни населения Ширакаван I составил 31,5 лет, отдельно для мужчин данный показатель равен 29,6 лет, для женщин – 35,8.

Палеодемография могильника Вардбах

Череп из Вардбахского могильника эпохи поздней античности (I в. до н.э. – III в. н.э.) раскопаны в 1998 году в городе Гюмри. Автор раскопок – археолог С. Тер-Маркарян. Группа насчитывает 8 женщин, 4 мужчин и 2 детей (табл. 1). Индивиды уложены головой на северо-восток, положение захороненных вытянутое (на спине, правом и левом боку). Дети раннего этапа постнатального онтогенеза составляют 14,3 %, а скелеты периодов полового созревания – отсутствуют. Наибольшее число умерших от 21–40 лет. Люди старше 50 лет не выявлены. Из взрослых – женщин больше (57,2 %, мужчины – 28,6 %). Средние сроки жизни для популяции, оставившей этот могильник, могут быть определены цифрой 27,9 лет (без учета детской смертности – 31,7 лет).

Каждый рассматриваемый могильник античного времени имеет свои особенности в демографических показателях. Многие из них, к сожалению, нельзя признать исчерпывающими (скорее всего обусловлены случайными факторами) и на их основании строить реальные картины специфики жизни обитателей Армении, так

как численность последних (в частности, могильник Вардбах, Ширакаван I) небольшая. Относительно полов можно сказать, что среди взрослого населения во всех могильниках численно доминируют женщины. Анализ погребального инвентаря в могильниках свидетельствует о том, что речь идет в основном о рядовых захоронения. Очень высокий процент детской смертности может объясняться как генетическими и экологическими факторами, так и усилением в какой-то период жизни стрессового фона (Бениамин). К примеру, на многих скелетах были обнаружены патологические изменения разного характера – эпидемиологического и спецификой диеты (*cribra orbitalia*, гипоплазия и некоторые другие). Отчетливо фиксируется минимальный риск умереть в подростковом возрасте. Условия и качество жизни в целом были неблагоприятными. Имел место фактор социальной напряженности, фиксируемый по наличию боевых и бытовых травм.

Палеоантропологические данные могильников представляют и иного рода информацию, в частности о некоторых традициях погребального обряда. В нашем случае следует обратить внимание на некрополь Бениамин. Погребения детей, размещенные практически по всей территории могильника, являются индивидуальными захоронениями и редко связаны с погребениями взрослых индивидуумов. Исключение составляют только некоторые детские погребения в ногах или (реже) рядом с погребенными взрослыми индивидуумами (пог. 134), что, возможно, указывает на близкое родство с последними. Помимо детских погребений, разбросанных по всей территории Бениаминского могильника, выявлены несколько гнезд, где погребены только дети (пог. 172–175 и др.). Судя по возрасту детей, погребенных компактно, можно отметить, что здесь наблюдается разделение детей на возрастные группы, и на особей, с искусственной деформацией черепов (из 47 детей – 26 ребенка с преднамеренной деформацией черепа). Возрастной рубеж, делящий их на три класса, приходится между 0,5–2; 2–4 и 4–6 лет. Таким образом, существует большая вероятность того, что хотя бы некоторые гнезда могильника являются отражением особенностей социальной структуры конкретного общества. Ведь известно, что некоторые индивидуумы с преднамеренной деформацией черепов морфологически отличаются от остальных.

На основании изученных могильников можно сделать несколько выводов. Первый из них – о некомфортности условий жизнедеятель-

ности населения эпохи античности. Неблагополучные демографические характеристики античных палеопопуляций Армении свидетельствуют о значительном давлении неблагоприятных средовых факторов. Близкое территориальное расположение некрополей, одинаковая экологическая ниша, занимаемая населением, позволяют сделать вывод о том, что статус уровня жизни и бытовых условий для данных палеопопуляций был примерно одинаков. Процесс метисации с инородным населением формирует сравнительно гетерогенный антропологический пласт. Свидетельство четких боевых травм говорит об активизации заселения Армении. Значительное преобладание женщин в могильниках вызвано потерями мужчин в межплеменных столкновениях. В качестве наиболее вероятной причины этого предлагается гипотеза, согласно которой в могильниках хоронились не все люди, а лишь их некоторая часть.

Второй вывод: смертность женщин в максималльно репродуктивном возрасте отражалась на рождаемости детей. Ранние браки и выполнение наравне с мужчинами тяжелых видов работ, могли быть причиной частых выкидышей, особенно у не вполне сформировавшегося незрелого женского организма. Младенческая смертность в популяциях, где имеются факты вступления в ранний брак (Бениамин), зависела не только от физиологической незрелости организма, отсутствия медицинской помощи и пищевых стрессов, но и от «неразвитости» матерей, на которых лежала обязанность ухаживать за детьми.

Таков небольшой эскиз региональной модели адаптации человека к экстремальным социальным условиям среды.

Библиографический список

1. Балабанова, М. А. Обычай искусственной деформации головы у поздних сарматов: проблемы, исследования, результаты и суждения [Текст] / М. А. Балабанова // Нижневолжский археологический вестник. – 2001. – Вып. 4.
2. Еганян, Л. Г. Археологическое и историко-этнографическое исследование Ширака [Текст] / Л. Г. Еганян. – Ереван-Гюмри, 2010. – 280 с.
3. Иванов, А. В. О практике искусственной деформации головы на территории Крымского полуострова [Текст] // Вестник антропологии – 2003. – Вып. 10.
4. Пиотровский, Б. Б. Ванское царство (Урарту) [Текст]. – М.: Восточная литература, 1959. – 284 с.
5. Стратановский, Г. А. Страбон. География в 17-и кн. [Текст]. – М.: Наука, 1964. – 943 с.

6. Тер-Мартirosов, Ф. Памятники классической античности Армении [Текст] // Вестник Ереванского Университета. – 1993. – № 2.
7. Тер-Мартirosов, Ф. Ширак в эпоху классической античности [Текст] // Ширакский центр арменоведческих исследований. – Гюмри, 1999. Вып. 9.
8. Тер-Мартirosов, Ф. И. Раскопки античного Ширакавана [Текст] // Археологические открытия 1979 года. – М., 1980.
9. Федосова, В. Н. Развитие современной палеодемографии (палеоэкологические аспекты анализа фактических данных) [Текст] / В. Н. Федосова // Российская археология. – 1994. – № 3.
10. Ходжайов, Т. К. Обычай преднамеренной деформации головы в Средней Азии [Текст] // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. Вып. 2. – М.: Старый Сад, 2000.
11. Хоренаци, М. История Армении. Новый перевод, Н. О. Эмина (съ примъчаниями и приложениями) [Текст]. Посмертное издание. – М., 1893. – 323 с.
12. Худавердян, А. Ю. Население Армянского нагорья в античную эпоху (по антропологическим данным Бениаминского могильника) [Текст] / А. Ю. Худавердян. – Ереван: Тигран Мец, 2000. – 140 с.
13. Acsádi Gy., Nemeskéri J. History of human life span and mortilaty. – Budapest: Akademiai Kiado, 1970. – 126 p.
14. Khudaverdyan, A. Artificial modification of skulls and teeth from ancient burials in Armenia // Anthropos. – 2011. – Vol. 106 (2).
15. Khudaverdyan, A. Palaeopathology of human remains from Vardbakh and the Black Fortress I, Armenia // Bioarchaeology of the Near East. – 2010. – № 4.
16. Khudaverdyan, A. Pattern of disease in three 1st century BC – 3rd century AD burials from Benjamin, Vardbakh and the Black Fortress I, Shiraksky plateau (Armenia) // Journal of Paleopathology. – 2010.
17. Khudaverdyan, A. Trepanation and artificial cranial deformations in ancient Armenia // Anthropological Review – 2011. – Vol. 74. – № 1.
18. Khudaverdyan, A. Yu. Bioarchaeological analysis of populations Armenian Highlands and Transcaucasia in Ancient time // The Mankind Quarterly (Washington). – 2012. – Vol. 53. – № 1.
19. Monge, C. Acclimatization in the Andes: Historical confirmations of “climatic aggression” in the development of Andean man. – Baltimore (Md.): Hopkins, 1948. – 130 p.
20. Weiss, K. M. Demographic models for anthropology. – Washington, 1973. – 231 p.

Таблица 1

Основные палеодемографические характеристики в группе Бениамин

Основные палеодемографические характеристики	Объединенная выборка	♂	♀	Группа взрослых
Реальный объем выборки (N)	165,0	44,0	63,0	108,0
Средний возраст смерти в группе (A)	24,0	40,9	30,6	34,9
Средний возраст смерти без учета детей (AA)	34,9	40,9	30,6	34,9
Процент детской смертности (PCD)	34,5	-	-	-
Процент детей в интервале 0-1 от NCD (PBD)	17,5	-	-	-
Процентное соотношение полов (SR)	69,8	-	-	69,8
Процент индивидов данного пола (PSR)	-	41,1	58,9	-
Ожидаемая продолжительность жизни в интервале 0-4 (E0)	24,0	-	-	-
Ожидаемая продолжительность жизни в 15-19 лет (E15)	19,9	25,9	15,6	19,9
Ожидаемая продолжительность жизни в 20-24 года (E20)	15,4	20,9	11,3	15,4
Средний возраст смерти при 20 % PCD (A20)	28,9	33,7	25,6	28,9
Средний возраст смерти при 30 % PCD (A30)	25,9	30,1	22,9	25,9
Средний возраст смерти при 40 % PCD (A40)	21,3	26,5	20,3	21,3
Длина поколения (T)	26,55	27,65	25,34	26,55
Общий показатель рождаемости (CBR)	0,042	0,039	0,064	0,050
Среднегодовой уровень фертильности (B)	14,80	28,12	18,59	22,61
Общий репродуктивный уровень (GRR)	2,37	1,25	1,88	1,55
Общий размер семьи без учета детей (MFS)	3,1	2,0	2,0	2,0
Общий размер семьи с учетом детей (TCFS)	4,7	2,5	3,8	3,1
Процент индивидов старше 15 лет (CA)	65,5	100,0	100,0	100,0
Процент активного населения (CF)	56,2	72,4	95,0	85,9
Процент индивидов старше 50 лет (C50+)	9,2	27,6	5,0	14,1
Коэффициент активного населения (DR)	0,78	0,38	0,05	0,16

Таблица 2

Половозрастная характеристика черепов эпохи античности из могильников Черная Крепость I, Вардбах, Ширакаван

Возраст	Черная Крепость I			Вардбах			Ширакаван	
	♂	♀	дети	♂	♀	дети	♂	♀
0-4			2			1		
5-9			2			1		
10-14			1					
15-19							2	
20-24		4			3		2	
25-29	1	4		1	2		1	1
30-34	1	1		1	1			
35-39	3	2		1	1			1
40-44	3	1			1			1
45-49		1		1			1	
50+	2						1	
Сумма	10	13	5	4	8	2	7	3

УДК 316.334.2
ББК 60.561.2

**ПОНЯТИЕ «ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ»,
ЭТАПЫ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ**

Л. А. Лещенко

Аннотация. В статье на основании социологического, психологического и философского подходов рассматривается сущность понятия «общественное сознание» и его уровни. Особое внимание уделяется экономическому сознанию, которое рассматривается как специфическая форма общественного сознания направленная на формирование экономических взглядов и представлений у индивидов в экономической сфере. В свою очередь в ходе проведенного анализа было установлено, что высшим уровнем, который способствует реализации полученных знаний и умений на практике, в экономической сфере является экономическое мышление.

Ключевые слова: общественное сознание, экономическое сознание, обыденное сознание, теоретическое сознание, кризисное сознание, экономическое мышление.

**THE NOTION OF «ECONOMIC CONSCIOUSNESS»
AND ITS STAGES OF FORMATION**

L. A. Leshchenko

Abstract. The article deals with the matter of the notion and the levels of public conscience employing the sociological, psychological and philosophical approaches. Special attention is drawn to the analysis of economic consciousness which is treated as a specific form of public conscience, aimed at the formation of economic views and ideas in the economic sphere among individuals. The analysis reveals that economic conscience is dominant among the levels, which aid practical realization of the knowledge and skills in the economic sphere.

Keywords: public consciousness, economic consciousness, everyday consciousness, theoretical consciousness, crisis consciousness, economic thinking.

Проблема сознания имела фундаментальное значение во все периоды существования научного знания. В рамках философской, психологической и социологической мысли, проблема сознания имеет свою специфическую область изучения. Так, в философских учениях, касающихся изучения общественного сознания, затрагивается ряд основных тем: «первичность идеального и материального», «феноменология человека», «природа общества». В отличие от философского направления психология направлена на изучение психосематики сознания, самопознания и самопонимания субъекта, сознания и рефлексии и т.д.

В философских учениях сформировалось три основных подхода к пониманию общественного сознания: субстанционный, натуралистически-функциональный и социокультурный. В рамках первого подхода основоположниками, которого являются философы эпохи античности и средневековья (Платон, Аристотель и Августин Блаженный), сознание рас-

сматривалось ими как всеобщая связь между человеком и миром.

Так, одной из центральных тем в философии Платона являлась элитология сознания. В Платоновском понимании «элитарное сознание» и «душа философа» понятия синонимичны, под «философской душой» Платон понимает способность правильно познавать окружающий человеческий мир [1, с. 120–126]. В своих диалогах «Государство» и «Политик» Платон рассуждает о проблеме элитарного сознания, о свойствах души философа-правителя. По мнению Платона, Бог создал правителя-философа с примесью «золота», и поэтому эта часть человечества наиболее ценна для общества [1, с. 128]. Но «золото» имеет не физическую, а духовную природу и содержится, прежде всего, в сознании философа. Поэтому основными свойствами «души-сознания» философа должны являться: способность к познанию, мужество и великодушие, соразмерность и прирожденная тонкость ума.

В дальнейшем идеи Платона нашли свое отражение в трудах Аристотеля. Но, несмотря на это, отличительной чертой учений Платона от учений Аристотеля является то, что для Платона душа-сознание является идеей, согласно которой в материальном мире образуются тела, но если тело завершает свое существование, то душа-сознание возвращается в мир идей и затем снова воплощается в материальном мире. Для Аристотеля в бесформенной материи формируются тела, и если тело завершает существование, то душа-сознание теряет самосознание [2, с. 5–50].

Начиная с Августина Блаженного, сознание начинает рассматриваться как состояние, в котором «Я» живет раздвоенной жизнью. Способность сознания направлена на понимание, что человек создан по образцу и подобию Божьему, и в результате должен соответствующим образом строить свой жизненный путь [3, с. 152].

Начиная с XVII–XVIII вв. в человеческом социуме происходят радикальные изменения, повлекшие за собой глобальные перемены в человеческом сознании. Основной духовной установкой новой философии послужили положения о том, что человек – самое совершенное существо в мироздании. В конечном итоге данные положения явились основой для зарождения натуралистическо-функционального подхода к анализу сущности сознания. Т. Гоббс и Дж. Локк выступили с утверждением, что не существует Бога и бессмертной человеческой души, а существует только человеческий мир, состоящий из множества физических тел [4, с. 84–86]. Британский философ Дж. Локк является одним из создателей новоевропейской модели сознания, согласно которой знания, полученные человеком берутся из окружающего мира посредством чувственных восприятий. Дж. Локк называл первоначальное состояние человеческого сознания «чистой доской», на которой в процессе жизненного опыта появляется различная информация.

По праву родоначальником новой философии является Р. Декарт, который считал, что задача философии заключается в увеличении человеческого могущества путем познания окру-

жающего мира и господства над природой. Для создания новой системы взглядов, по мнению философа, следует усомниться во всем предшествующем могуществе знаний. По мнению Р. Декарта, сознание представляет собой субъективный образ объективного мира, деятельности субъекта, в котором люди одновременно и продукты и творцы истории [5, с. 505].

Среди отечественных социально-философских концепций, исследующих общественное сознание, можно выделить две научные тенденции, методологически противостоящие друг другу касательно вопроса о соотношении общественного и индивидуального сознания. В рамках первого направления происходит противопоставление индивидуального и общественного сознания. При этом под общественным сознанием понимается особая форма, независимая от бытия человека. Основным принципом второго направления, является идея о том, что противопоставление индивидуального и общественного сознания, недопустимо, поскольку упрощает понимание их природы и не учитывает сложных диалектических отношений между ними [6, с. 201].

Для социологии тема, касающаяся изучения общественного сознания становится актуальной во второй половине XIX в. и находит свое отражение в трудах М. Вебера, Г. Тарда, Г. Лебона, К. Маркса и т. д.

В научной литературе под общественным сознанием следует понимать, во-первых, совокупность идей, взглядов, представлений, существующих в обществе в данный период, в которых отражается социальная действительность [7, с. 6]. Во-вторых, общественное сознание – это целостный, идеальный, многокачественный феномен, динамично выражающий наиболее значимые тенденции общественной жизни [8, с. 166].

Исходя из проведенного анализа, мы можем аргументировать, что общественное сознание на определенном этапе развития общества переходит на определенный уровень развития. Основываясь на идеях С. А. Храпова, А. А. Дьякова, Е. И. Тарутиной на рисунке 1 нами были выделены три уровня общественного сознания.

Рис. 1. Уровни общественного сознания

Рассмотрим каждый из этих понятий в предложенной схеме в отдельности.

Обыденное сознание есть первичная форма понимания обществом социального и природного мира. А. А. Дьяков определяет обыденное сознание как «совокупность стихийно сформировавшихся, образовавшихся границах повседневных житейских ситуаций представлений и, стало быть, ограниченных осмыслением и восприятием явлений, без проникновения в сущность» [9, с. 55]. Содержание обыденного сознания может исторически меняться, но при этом оно неизменно подстраивает различного рода знания под свои главные задачи: занимаемое положение индивида в обществе, коммуникация между индивидами.

Данный уровень общественного сознания имеет определенную структуру, в которой можно выделить два основных элемента: во-первых, составными частями внутренней структуры обыденного сознания выступают повседневные потребности, интересы, ценности и установки, которые отражают определенный этап развития общества. Во-вторых, важными элементами обыденного сознания являются также построенные на основе определенной системы ценностей стереотипные представления, простейшие нормы и элементарные образцы поведения, а также обычаи и традиции, имеющие как исторические, так и социальные корни [10, с. 302].

Сознание на ранних ступенях развития общества носило характер обыденного, но в результате общественного разделения труда, когда материальная и духовная деятельность закрепились за различными социальными группами,

произошло разделение сознания на обыденное (включенное в практическую деятельность индивидов и являющееся компонентом их повседневной жизни), и сознание, которое специально вырабатывается агентами духовной деятельности – теоретическое.

Теоретическое сознание (творческое) реализуется на более высоком уровне общественного развития и представляет собой эмоционально-психологическое сознание, переведенное на язык теории, в котором исчезает все случайное и остается только существенное, закономерное, проясненное сознанием [11]. Будучи высшим ярусом развития, теоретическое сознание подразделяется на формы, каждая из которых отражает определенную грань социальной деятельности, среди которых можно выделить: политическое, правовое, эстетическое, этическое, религиозное и экономическое сознание.

Охарактеризуем каждую из вышеперечисленных форм:

а) политическое сознание – особая форма общественного сознания, посредством которой отражаются и регулируются политические отношения между классами, нациями, государствами. На идеологическом уровне оно выступает в виде системы политических взглядов, идей, теорий, программ, лозунгов, выражающих коренные интересы различных классов, наций, государств. На уровне общественной психологии политическое сознание выступает в виде несистематизированных политических взглядов, чувств, настроений, представлений людей о государстве и власти, об отношениях между государствами, нациями, партиями и т. д. [12, с. 82];

б) правовое сознание – это совокупность норм и правил поведения людей, которые утверждены государством, являются законом и посредством которых контролируют их поведения. В результате государство своим авторитетом обеспечивает неуклонное их исполнение [12, с. 84];

в) эстетическое сознание – это художественный способ познания и отражения действительности индивидами [12, с. 88];

г) этическое сознание – форма общественного сознания, регулирующая поведение людей, их отношение друг к другу и обществу. Данная форма сознания включает нравственные чувства, понятия (добро и зло, нравственный долг), принципы, идеалы, оценки и нормы [12, с. 75];

д) в настоящее время общего определения термина «религиозное сознание» не существует, поскольку это динамическая, непрерывно меняющаяся структура. Несмотря на это под данной формой сознания принято понимать тип мировоззрения, который основывается не на научных знаниях, а на сведениях, изложенных в религиозных трактатах, священных книгах [13, с. 123].

Основываясь на вышесказанном, в социологии принято различать два состояния общества: стабильное и кризисное. В свою очередь, под первым термином необходимо понимать устойчиво воспроизводящийся процесс. Понятие «кризис» в различные временные периоды носило различные толкования так, начиная с 60-х годов XX в. кризис рассматривался как внешней по отношению к элементам угрозы, чаще всего носил природный характер [14, с. 177]. С 70-х годов XX в. под кризисом начинают понимать угрозы и их реализацию в виде аварий и бедствий, источником которых являлись инженерные системы, т.е. нарушения во взаимодействии человеко-машинных комплексов с опасными последствиями, как для человека, так и для природной среды [14, с. 177]. Начиная с 1980 года, в западной научной литературе сформировалась устойчивая тенденция перехода от прежнего понимания кризиса к его новому толкованию: кризис перестал рассматриваться как исключительно или преимущественно внешний фактор, влияющий на повседневную жизнь извне, он стал неотъемлемой частью образа жизни людей [14, с. 178]. На основе уточненного понятия «кризисная ситуация» можно выделить несколько показателей кризисного состояния общества: а) временная нестабильность, когда новые тенденции развития уравниваются или подавляются имеющимися в социуме антитенденциями, но при этом система остается в устойчивом положении, даже

несмотря на деформированные элементы; б) частичная системная нестабильность, когда в результате действия адаптивных механизмов достигается некоторое новое состояние системы при относительном сохранении ее системного качества; в) полная системная нестабильность, когда происходят структурная деформация, изменение системных особенностей, резкий переход системы в качественно новое состояние, не соответствующее первоначальному направлению ее развития. В результате данное состояние общества неизбежно приводит к формированию кризисного сознания у индивидов. Под **кризисным сознанием** следует понимать элемент борьбы классов за свое существование либо за создание условий всеобщего благоприятного и безопасного существования всех классов [15]. Данный уровень сознания предполагает установление качественных и количественных характеристик сознания, которые формируются и проявляются в период перехода общества с одними качественными характеристиками к обществу с другими качественными характеристиками.

Таким образом, проведенный анализ приводит нас к выводу, что общепринято выделять два уровня развития общественного сознания в социуме: первичная форма (обыденное сознание) и высший уровень сознания (теоретический), на наш взгляд, целесообразно выделить третий уровень сознания – кризисное. Аргументируя свою авторскую позицию, мы исходим из того, что кризисное состояние общества – это неизбежное состояние социума, которое может быть вызвано природными, военными и экономическими, политическими факторами, которые влияют на изменения сознания индивидов.

Рассматривая основные формы общественного сознания, нами было выделено экономическое сознание. Для социологии феномен как экономическое сознание вызывает особый интерес, так как на современном этапе развития общества человек начинает рассматриваться не только как природное и политическое существо, но и прежде всего как субъект экономических отношений. Современные рыночные отношения требуют от человека высокой экономической эффективности и планирования стратегии самореализации в экономической сфере. В ходе проведенного анализа было установлено, что для социологии экономическое сознание представляет:

1) целостное духовное образование, определяемое развитием экономических институтов, состоянием экономической науки и образования, выступает структурным компонентом общест-

венного сознания и подчиняется общим закономерностям развития его структуры;

2) неотъемлемую сторону экономической жизни, отражает, прежде всего, состояние экономических отношений, «участвует» в их реализации в качестве фактора социально-экономического развития: воплощается в экономической политике государственных органов, проявляется в принципах экономической организации всей общественной жизни, материализуется в деятельности хозяйствующих субъектов [16].

При этом экономического сознания является одной из ключевых категорий социальной философии, под которой понимают «совокупность представлений, понятий, оценок, настроений, традиций и теоретических схем, посредством которых происходит освоение экономического бытия, сферы экономической жизни отдельными индивидами, социальными группами, классами и обществом в целом; в нем отражаются экономические отношения людей, которые классифицируются в соответствии с категориями «потребность», «интерес», «выгода», «польза», «благо», «собственность» и т. д., а носителями являются экономические агенты (работники, потребители, налогоплательщики, собственники, предприниматели, менеджеры и другие экономические субъекты)» [17, с. 60].

В рамках социальной и экономической психологии экономическое сознание рассматри-

вается как частная форма индивидуального или группового сознания, заключающаяся в разных формах знания индивидуального и группового субъекта о различных экономических объектах и его отношении к этому знанию. В свою очередь А. К. Уледова понимает под экономическим сознанием «... продукт отражения людьми экономических условий жизни деятельности и отношений в виде экономических идей и взглядов, теорий и концепций, и других духовных образований, общих для классов, социальных групп, всего общества и выражающих их отношение к экономической действительности в каждый конкретный исторический момент» [18, с. 100].

В ходе проведенного анализа было установлено, что в научной литературе наряду с термином экономическое сознание употребим термин экономическое мышление. Определяя сущность экономического мышления и его содержание, то данное понятие рассматривается в рамках категориального поля экономической социологии и экономической теории. Взяв за основу теоретические разработки В. Д. Голикова, Е. В. Петехина описывающие социологические подходы к анализу экономического мышления, мы можем выявить основные различия между эконом-социологическим и экономическим подходом к анализу экономического мышления (см. таблицу № 1).

Таблица 1

Эконом-социологический и экономический подходы к анализу экономического мышления

Эконом-социологический подход	Экономический подход
<i>Понятие экономическое мышление</i>	
Взгляды и представления, порожденные практическим опытом людей, их участием в экономической деятельности, связями, в которой они выступают в повседневной жизни	Мышление, направленное на определение экономической эффективности, выявление способов его повышения
<i>Субъекты экономического мышления</i>	
Носители общественных отношений, познающие и преобразующие экономическую реальность в соответствии со своими интересами и целями	Люди, которые выражают характер и специфику общественных отношений
<i>Объект экономического мышления</i>	
Экономическое отношение, связанное с производством, организаций производства, а также распределение общественных благ	Экономическое отношение, связанное с производством, организаций производства, а также распределение общественных благ
<i>Функции экономического мышления</i>	
- когнитивная; - практически-преобразовательная; - информационная; - общекультурная; - воспитательная; - идеологическая; - прогностическая	-познавательная; -преобразовательно-организационная; -воспитательная
<i>Направленность экономического мышления</i>	
Процесс совершения индивидом экономического действия	Получение прибыли индивидом от результата совершенного экономического действия

На начальном этапе мы можем констатировать, что различий в понимании экономического мышления между экономическим и социологическим подходом не существует, но рассматривая направленность экономического мышления, то экономическая социология изучает результат усвоенной практической деятельности, которая дает возможность индивидам совершать экономические действия. В свое время экономический подход концентрировался на изучении экономических действий, его эффективности и, как результат, получении материальной прибыли.

Особое внимание также было обращено, что в научной литературе экономическое мышление рассматривается, во-первых, как компонент экономического сознания. Так, например, О. С. Дайнека включает в структуру экономического сознания следующие компоненты: экономические эмоции и чувства, экономические представления и экономическое мышление, экономические мотивы, экономические нормы и

интерес [18, с. 160]. Во-вторых, было отмечено, что К. Улыбин, В. Мирошников рассматривают экономическое мышление как функцию экономического сознания, которая направлена на воспитание в сознании и образе жизни людей определенных социально-психологических качеств, обусловленных требованиями экономических законов.

По нашему мнению, общественное сознание и экономическое мышление стоит рассматривать как две самостоятельные категории, согласно социологическому подходу Г. Н. Соколовой в рамках которого экономическое сознание связывается с познанием функционирования и развития социально-экономических законов, разработкой принципов организации экономической жизни, а экономическое мышление – с включенностью его носителей в социальную практику [19]. Таким образом, формирование в социуме у индивида экономического сознания и экономического мышления, по нашему мнению, проходит четыре основных этапа (см. рис. 2).

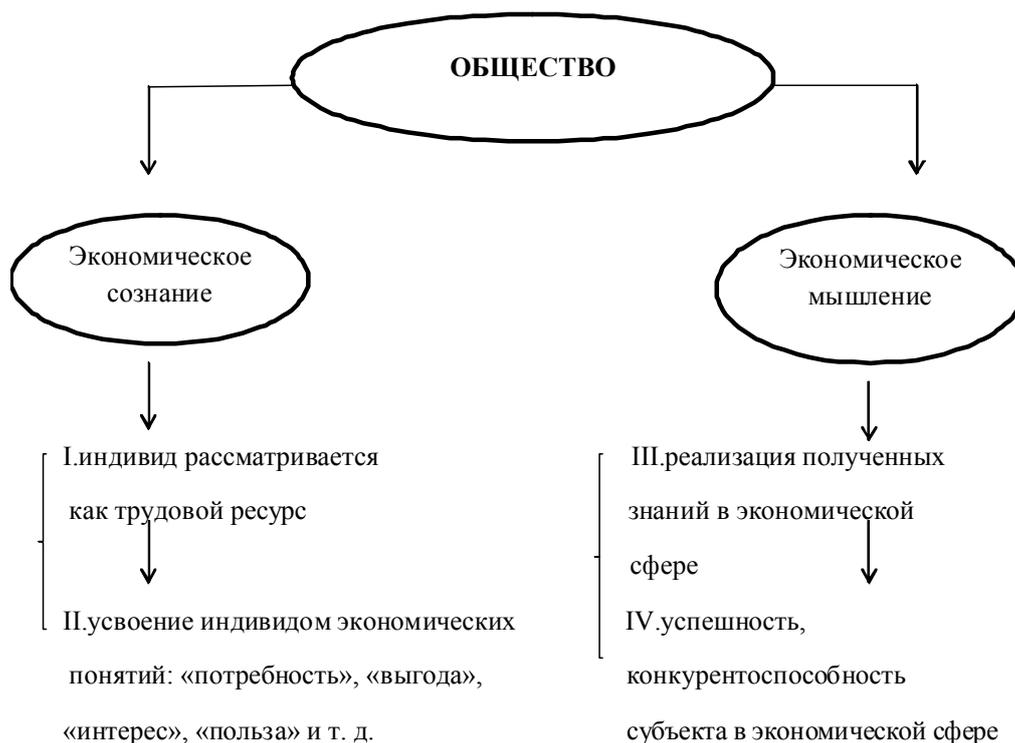

Рис. 2. Этапы формирования экономического сознания и экономического мышления

Из представленного на рис. 2 следует, что экономическое сознание включает в себя этапы, начиная с момента рождения человека. С самого рождения человек начинает прежде всего рассматриваться как будущий трудовой ресурс, который на определенных этапах своей жизне-

деятельности включается в процесс экономических отношений, в результате индивид приобретает определенные знания и умения об экономической сфере. В свою очередь экономическое мышление способствует реализации полученных знаний на практике, от чего зависит его

успешность и конкурентоспособность в экономической сфере.

Подводя итог, необходимо еще раз отметить, что вопрос, связанный с изучением общественного сознания берет свое начало с античной философии и остается актуальным и на современном этапе научной мысли. Выделяя уровни общественного сознания, было установлено, что на теоретическом уровне общественное сознание подразделяется на формы, каждая из которых отражает определенную грань социальной деятельности, среди которых было выделено экономическое сознание. В ходе проведенного анализа, касающегося рассмотрения основных научных взглядов к пониманию экономического сознания, нами было сформулировано определение, отражающее сущность данного феномена. Под экономическим сознанием мы понимаем первоначальный этап формирования у индивидов понимания сущности и роли экономической сферы посредством получения знаний от социального окружения и социальных институтов.

Также наша задача состояла в том, чтобы рассмотреть соотношения понятий экономическое сознание и экономическое мышление. Было установлено, что в научной литературе нет однозначного понимания, что есть экономическое мышление – функция экономического сознания или его компонент. В результате чего, под экономическим мышлением мы понимаем вторичный этап, который направлен на совершение рациональных экономических действий в экономической сфере и преследует собой реализацию полученных знаний, от результатов которого зависит конкурентоспособность, получение материальной прибыли в экономической деятельности.

Библиографический список

1. *Карабущенко, П. Л.* Элитология Платона (античные аспекты философии, избранное): монография: [Текст] / П. Л. Карабущенко. – М., 1998. – 148 с.
2. *Асмус, В. Ф.* Метафизика Аристотеля [Текст] / В. Ф. Асмус. – М., 1975. – 274 с.
3. Сознание в актуальных измерениях: академический проект [Текст] / Отв. ред. Г. В. Акопов, Т. В. Семенова. Ав.-сост.: Д. А. Агапов, Г. В. Акопов, А. С. Белова, О. В. Василевская, Ф. А. Кечаев, Т. В. Семенова, В. С. Чернышов. – Самара: ПГСГА, 2010. – 656 с.
4. *Абдрашитова, И. В.* Нормативно-этическое значение философии Ф. Ницше для исследования философии Т. Гоббса и Дж. Локка [Текст] / И. В. Абдрашитова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарный регион. Гуманитарные науки. – 2008. – № 2.
5. *Сеченов, И. М.* Избранные философские и психологические произведения [Текст] / И. М. Сеченов. – М., 1947. – 774 с.
6. *Храпов, С. А.* Индивидуальное и общественное сознание: гносеологические и онтологические аспекты взаимодействия [Текст] / С. А. Храпов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия, социология, право. – 2009. – № 8. – Том 8.
7. *Волкогнов, Д. А.* Психологическая война: Подрыв действия империализма в области общественного сознания [Текст] / Д. А. Волкогнов. – М.: Воениздат, 1983. – 288 с.
8. *Храпов, С. А.* Становление представлений о кризисных тенденциях общественного сознания постсоветской России [Текст] / С. А. Храпов // Ученые записки. – 2009. – № 3.
9. *Дьяков, А. А.* Социальное познание и обыденное сознание [Текст] / А. А. Дьяков // Вестник Воронежского института МВД России. – 2007. – № 4.
10. *Ольшанский, Д.* Основы политической психологии [Текст] / Д. Ольшанский. – Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 496 с.
11. Толковый словарь обществоведческих терминов Н. Е. Яценко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.slovarnik.ru/html_tsoit/teoreticheskoe-soznanie.html (Дата обращения: 02.12.2015).
12. *Анищенко, А. И.* Структура общественного сознания [Текст] / А. И. Анищенко. – М.: Высшая школа, 1973. – 86 с.
13. *Яблоков, И. Н.* Введение в религиоведение [Текст] / И. Н. Яблоков. – М.: КДУ, 2008. – 317 с.
14. *Гончарова, Н. П.* Кризисное состояние общества и структура понятия [Текст] / Н. П. Гончарова // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 1–2.
15. *Анцупов, А. Я, Шипилов, А. И.* Словарь конфликтолога [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vocabulary.ru/dictionary/887/word/krizisnoe-soznanie> (дата обращения: 12.12.2015).
16. Экономико-социологический словарь. Сост. Г. Н. Соколова, О. В. Кобяк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary/1019379/word/yeconomicheskoe-soznanie> (дата обращения: 02.11.2015).

17. Овруцкий, А. В. Социально-фило-софский анализ экономического сознания [Текст] / А. В. Овруцкий // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2011. – Вып. 6.

18. Дайнеко, О. С. Экономическая психология: социально-политические проблемы

[Текст] / О. С. Дайнеко. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 160 с.

19. Социология: Энциклопедия. Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.psyoffice.ru/6-568-yekonomicheskoe-myshlenie.htm> (дата обращения: 23.11.2015).

УДК 304.4, 334.724

ББК 65.05

БЮДЖЕТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КАК ОСНОВНОЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ (МУНИЦИПАЛЬНЫХ) ЗАДАНИЙ

М. М. Гусейнова

Аннотация. Реформа бюджетной системы РФ, затронувшая таких исполнителей социальной функции государства, как бюджетные организации, привела к неоднозначным трактовкам статуса и того положения, которые эти организации стали занимать в цепочке исполнителей государственных и муниципальных заданий в современном бюджетном правовом поле. Парадоксы, выражающиеся, с одной стороны, в некоммерческой природе, а с другой стороны, в росте предпринимательских доходов и стимулировании со стороны государства коммерческой деятельности по оказанию платных услуг и работ со стороны бюджетных организаций, двойственность статуса и высокий риск «проиграть» в конкурентной борьбе с коммерческими организациями, оказывающими аналогичные услуги – все это заставляет исследовать место и роль бюджетных организаций в сфере государственных (муниципальных) услуг и определить преимущества и недостатки существующего положения.

Ключевые слова: бюджетная организация, бюджетная услуга, парадокс, предпринимательская деятельность.

STATE-FINANCED ORGANIZATION AS A MAIN PROVIDER OF PUBLIC (MUNICIPAL) SERVICES

M. M. Guseynova

Abstract. The reform of the budget system of the Russian Federation, which affected state-financed organizations – main performers of the state’s social function – resulted in the ambiguous interpretation of their status and position among the providers of public and municipal services in the modern budget legal environment. A paradoxical situation can be observed now, on the one hand, non-profit nature of state-financed organizations, on the other hand, the growth of business income and government’s incentives to encourage paid services, the duality of status, and high risk to lose the competition with commercial organizations providing the same services – all these make state-financed organizations, their role and position in the sphere of public and municipal services interesting for study and estimation of the current situation.

Keywords: budget organization, budget service, paradox, business activity.

Актуальность исследования особенностей и перспектив развития бюджетных организаций связана с большим влиянием происходящих реформ в бюджетной системе РФ, отражаемых в бюджетной политике государства, что напрямую влияет на статус и особенности финансирования бюджетных организаций и других исполнителей государственных и муниципальных заданий, на выполнение которых выделяются бюджетные субсидии и от выполнения которых бюджетные организации не могут отказаться.

Роль и статус бюджетной организации в системе исполнения государственных и муниципальных заданий в течение 2000-х годов заметно изменились, что отразилось на смене порядка и объемов финансирования их деятельности (статус получателя бюджетных субсидий), в смене правового статуса, когда вместо Бюджетного кодекса РФ (ст. 6) определение бюджетной организации стало трактоваться ФЗ РФ «О некоммерческих организациях» [2], в активном стимулировании предпринимательской деятельности бюд-

жетных организаций в сфере образования и медицины, что проявляется в существующих льготах [7]. **При размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ и оказание услуг, бюджетные учреждения обязаны независимо от источников финансового обеспечения их исполнения соблюдать процедуры, установленные** федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 06.04.2015 г.) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [4].

Использование всех преимуществ статуса бюджетного учреждения как некоммерческой организации, имеющей право активно заниматься предпринимательской деятельностью, и всех тех льгот и стимулов, которые предоставляются государством, должно быть системно исследовано и системно использовано с максимальным экономическим эффектом.

Теоретические аспекты меняющегося статуса бюджетных организаций как исполнителей государственных и муниципальных заданий и одновременно активных участников рынка платных услуг населению в традиционно бесплатных социальных и культурных мероприятиях рассмотрены в работах таких отечественных ученых, как М. В. Беспалов, А. В. Бурдилов, Л. А. Васильева, А. В. Веремеенко, Т. С. Орлова, П. Р. Смирнова, Т. В. Сорокина, Л. Б. Трофимова и др. Вопросы предоставления общественных благ в условиях разграничения расходных полномочий и динамики государственных расходов в многоуровневых бюджетных системах рассматриваются в зарубежных исследованиях Дж. Аронсона, Д. Брюммерхоффа, Р. Л. Дернберга, Р. Масгрэйва, М. Олсона, А. Премчанда, С. Тибу, Д. Хаймана, К. Эрроу и др. Содержание научных работ вышеназванных отечественных и зарубежных ученых отражает значительный интерес к изучению проблем механизма функционирования государственных (муниципальных) учреждений в условиях российского федерализма, а также вопросов повышения качества бюджетных услуг.

К основным результатам исследования роли бюджетных организаций в исполнении государственных и муниципальных организаций следует отнести следующие выводы:

1) с учетом результатов эволюции правового статуса бюджетных организаций, повлиявших на их финансирование, и занимаемое ими место в системе бюджетных отношений, современное состояние и условия экономического развития отличаются рядом парадоксов, которые негативно влияют на статус и перспективы раз-

вития бюджетных организаций как исполнителей государственных и муниципальных заданий на рынке социальных, образовательных, медицинских и других услуг, как «бесплатных», так и платных, что требует роста конкуренции на рынке бюджетных услуг с коммерческими организациями, предоставляющими аналогичные услуги за счет снижения стоимости и роста качества;

2) было уточнено определение и сущность бюджетной организации как исполнителя государственных и муниципальных услуг и активно-го участника национальной налоговой системы:

- бюджетная организация – это особое юридическое лицо, действующее на рынке образовательных, медицинских, социальных, культурных и других подобных услуг, двойственность статуса которого проявляется в обязанности выполнять государственные (муниципальные) задания и получать бюджетные субсидии на их выполнение, и одновременно осуществлять предпринимательскую деятельность, выступающую основным источником финансирования расходов организации, и регулируемую учетной политикой и нормами налогового законодательства;

- сущность бюджетной организации представлена выведенными парадоксами бюджетных организаций: «первый парадокс бюджетных организаций» – государство гарантирует реализацию бюджетными организациями «бесплатных» для населения государственных и муниципальных услуг, при этом активно стимулирует их предпринимательскую деятельность (это выражается, в том числе, в сокращении перечня медицинских услуг, включаемых в обязательное медицинское страхование) и предлагая ряд налоговых льгот по налогам с доходов; «второй парадокс бюджетной организации» – промежуточное положение бюджетной организации между бюджетной системой и коммерческой средой, бизнесом приводит к усложнению всех вопросов ведения деятельности – в учете, в налогообложении, в статусе [6];

3) на основе систематизации положительных и отрицательных результатов реформирования бюджетных организаций как исполнителей государственных и муниципальных заданий были определены преимущества и недостатки предпринимательской деятельности бюджетных организаций:

- к преимуществам следует отнести статус исполнителя государственных (муниципальных) заданий – это создает имидж и дает конкурентное преимущество по сравнению с коммерческими конкурентами (в том числе в ценообразо-

вании); рост финансовой самостоятельности в формировании и распоряжении финансовыми ресурсами бюджетной организации, хотя у автономных организаций финансовая свобода преобладает за счет ряда условий (появление выгодных налоговых льгот, например, по налогу на прибыль);

- к недостаткам следует отнести рост зависимости успешности и эффективности своей основной деятельности от конъюнктуры на рынке платных услуг, от динамики спроса и средней стоимости таких услуг, потерю статуса «получателя бюджетных средств». Это усилило разрыв бюджетных организаций с бюджетной системой в целом, усилив двойственность природы и положения, статуса бюджетной организации;

4) для правового и экономического статуса бюджетных организаций характерна двойственная природа, что требует, с учетом выявленных и систематизированных положительных и отрицательных результатов их реформирования, разработки и принятия нового ФЗ РФ «О бюджетных организациях в РФ» (по аналогии с действующим с 2006 года федеральным законом об автономных учреждениях [3]) с детализацией стандартов бухгалтерского учета в бюджетных организациях.

Конкуренция, предпринимательские доходы, критерий эффективности деятельности и оказываемых услуг – все эти факторы свидетельствуют об изменившемся месте и роли бюджетных организаций как исполнителя государственных (муниципальных) заданий в условиях государственного управления по результатам.

Библиографический список

1. Бюджетный кодекс РФ (БК РФ) от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Консультант-Плюс.
2. Российская Федерация. Законы. О некоммерческих организациях: федер. закон: [принят 12.01.1996 № 7-ФЗ] // Консультант-Плюс.
3. Российская Федерация. Законы. Об автономных учреждениях: федер. закон: [принят 03.11.2006 № 174-ФЗ] / ред. от 04.11.2014 // Консультант-Плюс.
4. Российская Федерация. Законы. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федер. закон: [принят 05.04.2013 № 44-ФЗ] / ред. от 06.04.2015 г. // Консультант-Плюс.
5. Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2014 г. № 2765-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы» // Консультант-Плюс.
6. Булетова, Н. Е. Коммерциализация бюджетных услуг: причины и последствия [Электронный ресурс] / Н. Е. Булетова // Сфера услуг: инновации и качество». – 2012. – № 5.
7. Борисов, А. Н. Комментарий к Федеральному закону от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (постатейный) [Текст] / А. Н. Борисов. – М.: Юстицинформ, 2013. – 408 с.
8. Хлистунов, Ю. В. Комментарий к Федеральному закону от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [Электронный ресурс] / Ю. В. Хлистунов. – М., 2013. – Режим доступа: base.garant.ru/55070632

УДК 339.97
ББК 65.5

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН И ЕЕ РОЛЬ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Т. С. Божкова, Ю. В. Голева, А. Н. Ребеко

Научный руководитель: к. э. н., доцент *Н. Е. Булетова*

Аннотация. Современный мир находится в состоянии нарастания противоречий процессов глобализации и локализации национальных и мировой экономик. Одним из примеров такого противостояния и свидетельства кризиса в международных политических, экономических и идеологических процессах, осуществляемых при взаимодействии стран с разной культурой и силой влияния на общемировые тенденции развития, является национальная экономика Исламской Республики Иран (ИРИ), исторические особенности и современные проблемы которой имеют ярко выраженную зависимость от внешних факторов и той политики, которую реализуют развитые страны, диктующие своим «партнерам» правила и направления функционирования национальных институтов власти и экономического развития.

Ключевые слова: глобализация, мировая экономика, национальная экономика, санкции.

NATIONAL ECONOMY OF ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN AND ITS ROLE IN THE INTERNATIONAL RELATIONS

T. S. Bozhkova, Yu. V. Goleva, A. N. Rebeko

Research supervisor: *N. E. Buletova*, Ph. D. in Economics, Associate Professor

Abstract. Today's world experiences growing contradictions between globalization and localization of national and world economies. The national economy of the Islamic Republic of Iran (IRI) is an example of such contradictions and the crisis in the international political, economic and ideological processes which involve countries with different cultures and different power of influence on global development trends. Iran's historical legacy and current problems depend much on external factors and the policy of developed countries which impose the rules and functions of national government institutions and economic development on their 'partners'.

Keywords: globalization, world economy, national economy, sanctions.

Глобализация как процесс объективного усиления взаимозависимости между государствами, проявляющийся в том, что события в одном государстве оказывают прямое влияние как на отдельные страны, так и на мир в целом, должна давать преимущества от разделения роли каждой страны в мировых процессах и взаимодействиях. В рамках данного процесса активно набирает темпы перемещение технологических, трудовых, информационных и финансовых и других видов ресурсов, а также инфраструктурных систем, например, таких, как газо- и нефтепроводов. Данные тенденции способствуют развитию взаимовыгодного сотрудничества, а также сближению национальных экономик с мировой экономикой [1]. Для того чтобы сформировать общую картину знаний о мировой экономике в целом и роли в ней отдельных государств, необходимо обратиться к рассмотрению отдельных национальных экономик и их значения в системе международных отношений. В данной статье в качестве объекта исследования мы решили рассмотреть Исламскую республику Иран (ИРИ),

которая является одним из наиболее развитых государств в стратегически важном регионе юго-западной Евразии. Данное государство обладает большими запасами природной нефти и газа, а также является членом крупной интеграционной группировки «Движение неприсоединения», но, несмотря на достаточно крупный потенциал, Иранская экономика является закрытой и нединамичной. ИРИ располагает в экономически нестабильном регионе и именно поэтому имеет ряд как экономических, так и политических проблем.

Если в XX веке Иран был преимущественно аграрной страной, то уже с 1970-х годов с помощью западных и американских инвестиций была осуществлена модернизация производства для удовлетворения внутренних потребностей страны. Однако индустриализацию экономики, проведенную правительством нельзя назвать успешной, поскольку подобные преобразования из-за значительной социальной дифференциации показали минимальные результаты и привели к массовым забастовкам и резкому спаду произ-

водства. Но уже весной 1979 года после Исламской революции в Иране произошла смена власти, которая провозгласила новый экономический курс. Его целью являлось обеспечение экономической независимости Ирана от европейских стран, а также достижение максимальной занятости населения. Но теперь экономическому росту республики препятствовала война с Ираком. В период политической нестабильности и военной угрозы управление страной характеризовалась жесткой централизацией, несомненно это касалось и экономической сферы. Главными проявлениями государственного регулирования экономики был контроль над кредитно-финансовой системой, над ценообразованием, валютой и импортом. Но несмотря на все политические события, произошедшие за первое десятилетие после революции, все же стране удалось практически полностью уйти от использования иностранного капитала. Однако тенденция использования лишь отечественного капитала не позволила достичь желаемых результатов.

С 1990-х годов руководство ИРИ приняло решение о радикальном изменении экономической модели развития, в это же время началось движение в направлении глобализации экономики по рекомендациям Международного валютного фонда и Всемирного банка. Существование авторитарной власти позволило в сжатые сроки провести ряд реформ, связанных с либерализацией и приватизацией многих сфер экономики страны, в первую очередь торговли, а также осуществить техническое перевооружение и меры, направленные на устранение структурного дефицита. К сожалению, многие мероприятия были проведены поспешно, без предварительного анализа состояния экономики, что повлекло за собой допущение серьезных ошибок и просчетов.

Например, либерализация импорта привела к резкому увеличению объемов иностранной продукции (товаров) на внутреннем рынке, а также был увеличен государственный долг, который по данным Всемирного банка составил 50 млрд. долл. Чтобы погасить кредиты, страна должна была отдавать около 50 % дохода от реализации нефти и прочих нефтяных продуктов, для этого правительство Ирана впервые было вынуждено обратиться за помощью в международные финансовые структуры о реструктуризации внешнего долга и выплат по ним. В связи с этим в стране сложилась весьма неблагоприятная инфляционная ситуация.

Но в других странах, где также проводилась политика либерализации экономики по ре-

комендациям Всемирного банка и Международного валютного фонда, были достигнуты и положительные результаты, а также национальные экономики не находились в столь «шоковом состоянии» с такими обременительными последствиями, как экономика ИРИ. Дело в том, что такие государства, получив кредиты от этих организаций, учитывали специфику национальной экономики, а также помимо этого экономические реформы, их сроки и темпы были проведены вразрез с тем, как это рекомендовали международные организации [2]. Поэтому можно сделать вывод о том, что политика, направленная на усовершенствование и регулирование экономической сферы в первые годы реформ, ухудшила экономические показатели страны. А значит, что в целом осуществление программы по либерализации экономической жизни ИРИ, которая проводилась для сближения национальной экономики с мировой, вызвало тяжелые последствия.

Для того чтобы объективно оценить роль национальной экономики ИРИ в процессе глобализации, необходимо обратиться к анализу участия государства и его роли в международной торговле. Мировая торговля включает в себя два взаимосвязанных процесса: экспорт и импорт, которые являются основными макроэкономическими показателями. Их рассмотрение позволяет сформировать представление о торговой активности страны, выявить сальдо внешнеторгового оборота, с помощью которого можно оценить уровень развитости экономической системы и платежеспособности государства.

Проанализировав данные о динамике экспорта и импорта ИРИ с 2004 по 2014 г., можно заметить, что, начиная с 2004 г. объемы экспортируемой продукции планомерно растут, несмотря на то, что со стороны Европы и США регулярно вводились и продолжают вводиться новые санкционные ограничения. Они были обусловлены запуском Ираном собственной ядерной программы в 2000 году и формированием собственной платежной системы, независимой от «нефтедолларовой» системы США. ИРИ осуществляет продажу нефти посредством бартера, обмена золотом или использования отличных от доллара и евро иностранных валют. Объемы экспортируемой ИРИ продукции сократились в 2009 и в 2012 гг., что можно объяснить наступлением всемирных экономических кризисов 2008 и 2011 года [2]. С 2012 г. в ответ на санкции ИРИ прекратила продажу нефтяной продукции США и Евросоюзу, что объясняет сокращение объемов экспорта государства. После 2012 г. объемы экспорта стали расти, что объясняется подписанием

международного соглашения в Женеве между Ираном и шестеркой международных посредников в 2013 г., согласно которому Иран прекращает обогащение урана выше уровня 5 %, а Запад частично снимает санкции и прежде всего размораживает 4,4 млрд. долл., размещенных в иностранных банках, и разрешает импорт Ирану некоторых товаров [2]. В результате, ИРИ приобрел большое число новых международных партнеров, которые стали прямыми потребителями товаров ИРИ. Динамика развития импорта Ирана изменялась соответственно с экспортом, так как санкции воздействуют на оба вида торговых отношений в стране.

Также необходимо рассмотреть такой макроэкономический показатель как сальдо

внешнеторгового оборота, который рассчитывается как разность между объемами экспорта и импорта, и показывает прогрессивно или регрессивно развивается экономика страны. Сальдо торгового оборота ИРИ в течение последних 10 лет является положительным и достаточно стабильным, за исключением 2012 г., когда объемы экспорта резко сократились в связи с санкциями и мировым кризисом 2011 г., напрямую отразившемся на состоянии экономики в 2012 году. В 2014 г. экспорт ИРИ составил 63,18 млрд. долл., а импорт 45,58 млрд. долл., что является достаточно высоким показателем, который дает нам возможность прогнозировать развитие экономической системы государства [3].

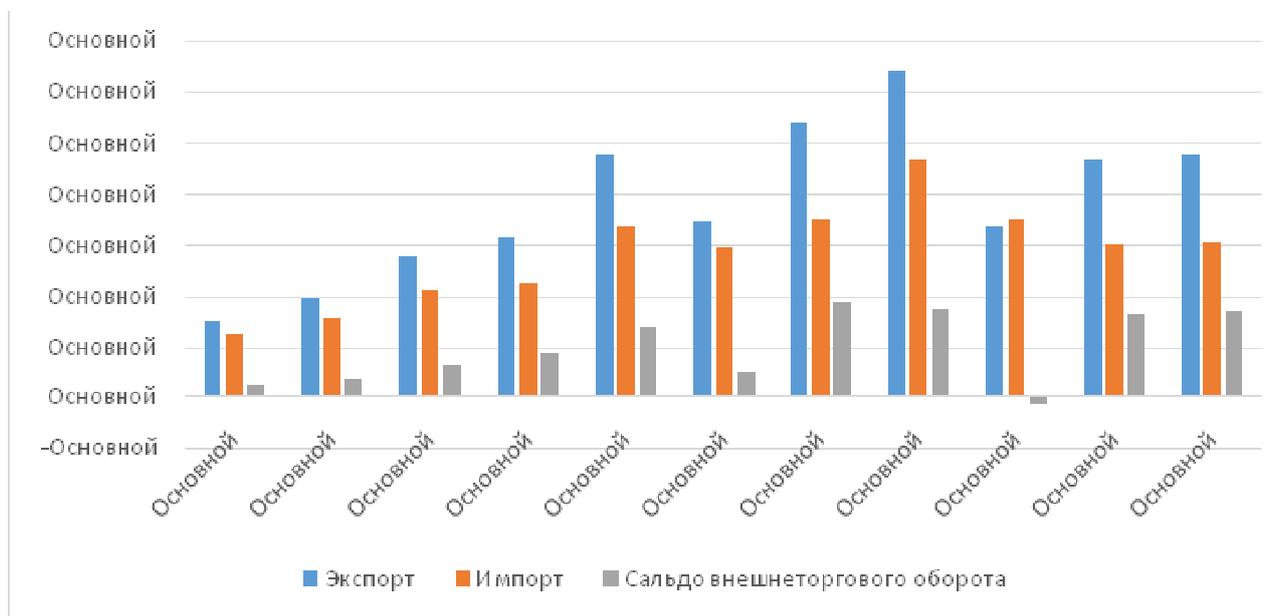

Рис. 1. Показатели экспорта, импорта и сальдо торгового оборота, млрд. долл.

Далее необходимо отметить основных партнеров ИРИ в торговых отношениях, а также рассмотреть основные импортируемые и экспортируемые товары и услуги. В 2014 г. основными партнерами Ирана по экспорту были Китай, Ирак, ОАЭ, Индия, Афганистан, Турция и другие, а по импорту – Китай, Индия, Южная Корея, Турция, Швейцария, Германия, Нидерланды и др. Как уже выше было отмечено, ИРИ обладает большими нефтяными запасами, которые составляют значительную часть Иранского экспорта: 45 % доходов бюджета поступает от экспорта нефти и газа [3]. Также в государстве развиты такие отрасли как текстильная и пищевая промышленность. Соответственно, основными экспортируемыми товарами являются: нефть и нефтепродукты, химикаты, фрукты и орехи,

ковры, оружие, консервы, морепродукты, ковры, текстиль и др. Импорт государства представлен следующими товарами: машинами, оборудованием и техникой, зерном, металлом, удобрениями и др.

В настоящее время глобализацию экономики ассоциируют и воспринимают с вхождением стран во Всемирную торговую организацию (ВТО), которая предполагает наличие мощных и развитых экономик, которые являются необходимыми для обеспечения конкурентоспособности национальной продукции на мировом рынке. Заявка на вступление Ирана в ВТО была подана еще 19 июля 1996 года, однако до сих пор для экономики Ирана существуют некоторые препятствия вступления в эту международную организацию [3]. В настоящее время к таким пробле-

мам можно отнести вопрос санкций из-за иранской ядерной программы. Однако нужно сказать, что для решения данного вопроса уже предприняты меры, в частности начало такого урегулирования было положено Венским документом от 14.07.2015 г. Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД), который гарантирует исключительно мирные цели ядерной программы Ирана, немного приблизил Иран к Всемирной торговой организации.

Важным является и тот факт, что самим Ираном выдвигаются такие условия, на которые возможно, не согласится уже ВТО. К таким условиям эксперты относят, например, отмену ввозных пошлин на свои экспортные товары, что позволяет ему продавать свои товары по более низким ценам, а это подрывает конкурентоспособность других развитых стран, входящих в ВТО. Также одной из главных целей ИРИ является увеличение инвестиций из стран Европы, но странам-членам ВТО это условие может не понравиться, поскольку в Иране не самый благоприятный инвестиционный климат. Считается, что в настоящее время экономика Исламской Республики Иран не готова к глобализации и нуждается в экономической реформе, а также принятии ряда законодательных инициатив, в соответствии с требованиями международной организации. Помимо экономических существуют и значительные политические трудности, в первую очередь связанные с развитием ситуации вокруг ядерной программы ИРИ. По вопросу вступления Ирана во Всемирную торговую организацию ведутся дискуссии. Противники вступления в ВТО считают, что присоединение страны к ней не соответствует национальным интересам страны, и не исключают тот факт, что это чревато рядом негативных последствий, а именно: снижением конкурентоспособности товаров целых отраслей, а также ухудшением социальной ситуации в стране в целом [3]. Но правительство

и большинство иранских исследователей все-таки склонны к тому, что членство Ирана в торговой организации будет выгодным для страны, поскольку станет возможным создание более благоприятных условий поставки на мировые рынки товаров и услуг на основе транспарентности, развитие торговых отношений со странами, входящими в эту организацию, будут более стабильными и Иран сможет принимать участие в мировой торговой политике, что тоже будет способствовать более эффективной реализации своих торгово-экономических планов.

Таким образом, открытость экономики Ирана, увеличение экономического потенциала страны, а также укрепление экономических и социальных структур могут благоприятствовать сохранению и защите национальных интересов страны в условиях глобализации. Только в этом случае вступление Ирана в ВТО даст положительные результаты, в случае же игнорирования этих вероятных последствий в дальнейшем могут появиться кризисные ситуации. Поэтому вступление Ирана в ВТО в целом является выгодным, но властям все же необходимо сначала рассмотреть все «за» и «против», подготовить экономику страны, а только потом принимать решения.

Библиографический список

1. Райзберг, Б. А. Государственное управление экономическими и социальными процессами: учебное пособие [Текст] / Б. А. Райзберг. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 284 с.
2. Сухоруков, С. А. Иран между Британией и Россией: от политики до экономики: учебное пособие [Текст] / С. А. Сухоруков. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2009. – 173 с.
3. Портал внешнеэкономической информации [Электронный ресурс]. – <http://www.ved.gov.ru/> (дата обращения: 23.10.2015).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- БАРДАКОВ** – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления и политологии Волгоградского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Алексей Иванович
контактная информация: bardakov@mail.ru
- БОГАЕВСКАЯ** – студент 3 курса специальности «Государственное и муниципальное управление» Волгоградского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Мария Сергеевна
контактная информация: bogaevskaya1994@mail.ru
- БОЖКОВА** – студент 2 курс Волгоградского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Татьяна Сергеевна
контактная информация: bozhkova_tatyana@mail.ru
- БОРИСЕНКО** – аспирант кафедры философии и социологии, Волгоградского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Евгения Викторовна
контактная информация: borisenco@mail.ru
- ВОЛОВАТОВА** – магистр направления подготовки «Управление персоналом»; Волгоградского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Дарья Андреевна
контактная информация: volovasha@yandex.ru
- ВОСКАНЯН** – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления и политологии Волгоградского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Саркис Суменович
- ГОЛЕВА** – студент 2 курса Волгоградского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Юлия Владимировна
контактная информация: goleva.julija@rambler.ru
- ГОЛОВИНА** – магистрант кафедры государственного управления и политологии Волгоградского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Ксения Валерьевна
контактная информация: kseniagolovina@mail.ru
- ГУСЕЙНОВА** – магистрант Волгоградского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Мадина Магомедовна
контактная информация: hus.madina@mail.ru

- ДРОЗДОВА** – кандидат социологических наук, доцент кафедры корпоративного управления Волгоградского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Юлия Алексеевна
контактная информация: juliadrozdova@mail.ru
- ЗАДОРИН** – кандидат философских наук, доцент доцент кафедры философии и социологии Волгоградского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Вячеслав Владимирович
контактная информация: formessage07@rambler.ru
- ИМАНОВ** – магистр Волгоградского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Джамиль Э
контактная информация: d-imanov@mail.ru
- КОЛЕСНИКОВ** – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления и политологии, Волгоградского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Вячеслав Александрович
контактная информация: vags@vags.ru
- ЛЕЩЕНКО** – аспирант, Волгоградского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Любовь Александровна
контактная информация: LLA24011@yandex.ru
- ОДИНЦОВ** – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии Волгоградского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Александр Владимирович
контактная информация: yugrasil@yandex.ru
- РЕБЕКО** – студент 2 курса специальности «Государственное и муниципальное управление» Волгоградского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Александра Николаевна
контактная информация: Sandra.rebeko2010@yandex.ru
- ТАРАСЕНКО** – студент 3 курса специальности «Государственное и муниципальное управление» Волгоградского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Екатерина Владимировна
контактная информация: tarasenko1221@mail.ru
- ХУДАВЕРДЯН** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии Национальной Академии Наук, Республика Армения, г. Ереван
Анаит Юрьевна
контактная информация: ankhudaverdyan@gmail.com;
akhudaverdyan@mail.ru
- ФОМИН** – преподаватель кафедры государственного управления и политологии Волгоградского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»
Александр Николаевич
контактная информация: fomin76@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует статьи, рецензии, научные сообщения; выходит 4 раза в год (ежеквартально), материалы для публикации в очередном номере принимаются до 25 числа второго месяца каждого квартала. Публикация осуществляется **БЕСПЛАТНО**, номер журнала можно получить в научно-организационном отделе Волгоградского филиала РАНХиГС (Волгоград, ул. Гагарина 8, ауд. 303) или будет выслан по указанному Вами адресу.

Материалы представляются на электронном носителе в виде двух файлов. В первом файле на русском и английском языках данные об авторе: Ф.И.О. полностью, ученую степень и ученое звание, должность, контактную информацию (место работы/учебы, полный почтовый адрес, контактный телефон, e-mail).

Во втором файле материал для публикации. Требования **к рукописям**:

1. Объем не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами), шрифт Times New Roman размером 14, через 1,5 интервала, поля по 2 см с каждой стороны, нумерация страницы по центру внизу.

2. Представленный материал должен включать следующие элементы издательского оформления: индексы УДК и ББК; заглавие, инициалы и фамилия, аннотация (50–100 слов), ключевые слова (5–8) (на русском и английском языках).

3. Текст статьи (рецензии, сообщения) и список литературы на русском языке. Список литературы располагается после текста статьи, предваряется словом **Библиографический список**, оформляется в алфавитном порядке и нумеруется. Ссылки на использованные источники приводятся внутри текста после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например [5, с. 12].

4. Для обособленных фрагментов текста можно использовать шрифт Arial и др. Для табличного, вспомогательного текста допускается использование шрифта меньшего размера. Рисунки (черно-белые, цветные) внедрены в текст, журнал публикуется в черно-белом варианте.

Рукописи рецензируются членами редколлегии и приглашенными специалистами. По результатам рецензирования рукопись может быть возвращена на доработку с краткими замечаниями редакции. Редакция не разглашает имена рецензентов, не знакомит авторов с текстом рецензии, не вступает в содержательную полемику с авторами. Для российских авторов (аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук) необходимо дополнительно представить рекомендацию, подписанную научным руководителем и заверенную печатью учреждения (подлинник или сканированный вариант). **Все материалы проходят проверку по программе «Антиплагиат». Компьютерный перевод на английский язык не принимается!**

Статьи печатаются на русском, английском, немецком и французском языках. Журнал размещается в базе РИНЦ и учитывается при подсчете индекса цитирования. **Адрес для пересылки статей и последующей переписки: vestnik_1@vags.ru**

Более подробная информация о требованиях, рекомендациях для подготовки научных публикаций в журнал расположена по ссылке:
http://vlgr.ranepa.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2671

Научное издание

**НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
ВОЛГОГРАДСКОГО ФИЛИАЛА РАНХиГС**

Серия: политология и социология. 2015. № 4.

*Точка зрения редакции и членов редколлегии
не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей*

Редакторы *Н. В. Никитина, М. И. Мульганова*
Компьютерная верстка *Г. В. Подшиваловой*

Свидетельство ПИ №ФС77-58708 от 28.07.2014

Подписано в печать 06.01.2016. Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Уч.-изд. л. 8,61. Физ. п. л. 10.
Тираж 1000 (1–100) экз. Цена свободная.

Волгоградский филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8.
vestnik_1@vags.ru

Издательство Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС
400078, Волгоград, ул. Герцена, 10